

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И
«МЮЛЬХАЙМСКАЯ ИНИЦИАТИВА»

Серия

РОССИЯ ♦ ГЕРМАНИЯ ♦ ЕВРОПА

Исследования, публикации

Издательская коллегия серии
АЛЕКСАНДР ЧУБАРЬЯН
ЯКОВ ДРАБКИН, ГАНС-АДОЛЬФ ЯКОБСЕН

Выпуск

4

ЦЕНТР ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФОНД ФРИДРИХА ЭБЕРТА
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ

ВЕЙМАР - БОНН

Опыт двух германских демократий
и современная Россия

Российско-германская
конференция историков
в Челябинске (сентябрь 1996 г.)

Редакционная коллегия
Я.С. Дробкин – ответственный редактор,
А.И. Борозняк, М.Б. Корчагина,
А.Б. Цфасман, П.В. Шульце

A 98 - 08465

Москва

• Памятники исторической мысли •
1998

Публикуется при финансовой поддержке
Представительства Фонда Эберта в Москве

Серия
"Россия–Германия–Европа. Исследования, публикации"
основана в 1996 г.

B26 Веймар – Бонн. Опыт двух германских демократий и современная
Россия / Отв. ред. Я.С.Драбкин. М.: Памятники исторической мысли,
1998. – 158 с. (Серия "Россия–Германия–Европа". Вып. 4)

ISBN 5-88451-059-4

ББК63.3(0)

ISBN 5-88451-059-4

9 785884 510593

© Общая редакция Я.С. Драбкин, 1998
© Авторский коллектив, 1998
© Оформление В.Ю. Яковлева, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
УРОКИ ВЕЙМАРА	8
Я.С. Драбкин	
ВЕЙМАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ДОСТОИНСТВА И ПОРОКИ	8
В.Н. Яловега	
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ВЕЙМАРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ	15
О.В. Плужников	
СДПГ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	18
С.В. Кретинин	
ПРОГРАММЫ «СОЦИАЛИЗАЦИИ» В ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ	22
А.С. Целищев	
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ О РОЛИ И МЕСТЕ СОВЕТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ	25
С.М. Ткачев	
ПРОБЛЕМЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ	28
С.М. Иванов	
НЕМЕЦКИЕ КОММУНИСТЫ И ДЕМОКРАТИЯ	30
И.Д. Чигрин, Л.П. Черникова	
КПГ И ПРОБЛЕМЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА	33
В.Д. Черноперов	
КПГ И ВЕЙМАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ	36
С.Р. Дерябина	
СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1920 г. И ГЕРМАНИЯ	39
И.Н. Дорожко	
НЕМЕЦКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	42

Н.В. Фарбман ГУСТАВ ШТРЕЗЕМАН И «ДУХ РАПАЛЛО»	45
А.А. Буддаков ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ПРОЛЕТАРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ.....	48
М.Е. Ерин КРАХ СИСТЕМ БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ	50
Г.И. Кольга РОЛЬ НСДАП В РАЗРУШЕНИИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	54
Л.Н. Корнева О РОЛИ КОНСЕРВАТИВНЫХ СИЛ В ПРИХОДЕ НАЦИСТОВ К ВЛАСТИ.....	58
Ю.В. Галактионов «ФАШИЗМ У ВЛАСТИ – ЭТО...» К ИСТОРИИ РОЖДЕНИЯ ОДНОЙ ФОРМУЛЫ.....	61
С.В. Халин КПГ И НАЦИСТЫ В МАТЕРИАЛАХ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ... ..	65
Е.В. Сердюк ЗИГМУНД НЕЙМАН О СТАНОВЛЕНИИ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА.....	69
Н.Э. Вашкау КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ В ПОВОЛЖЬЕ С ГЕРМАНИЕЙ.....	72
А.Л. Худобородов НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ.....	76
ЧАСТЬ ВТОРАЯ БОННСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И РОССИЯ СЕГОДНЯ.....	80
Петер В. Шульце ПЕРЕЛОМ И ЛЕГИТИМНОСТЬ: МОСКВА – НЕ ВЕЙМАР.....	80
В.И. Михайленко ГЕРМАНИЯ, ИТАЛИЯ, РОССИЯ: ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ.....	96
М.Б. Корчагина ПРЕОДОЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРИЗМА В ФРГ	99

Вольфрам Ветте ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЙ В ДВУХ ВОЙНАХ.....	104
А.И. Борозняк ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ.....	108
Герд Р. Юбершер ИСТОРИОГРАФИЯ ФРГ О ВОЕННОЙ ОППОЗИЦИИ НАЦИЗМУ.....	115
С.М. Горшков ВЕЙМАРСКАЯ И БОННСКАЯ КОНСТИТУЦИИ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ	119
А.В. Щенников ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 1948-1950 гг. В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ.....	122
В.С. Павлов ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА СОЦИАЛ-ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОАЛИЦИИ	126
Б.С. Орлов ОТ ИДЕОКРАТИЧЕСКОЙ К ЦЕННОСТНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА.....	129
Эрвин Фишер МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ: СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА.....	131
А.Б. Цфасман ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ФРГ И ПРЕОДОЛЕНИЕ НАЦИЗМА.....	134
М.П. Лагтева ТОМАС МАНН И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГЕРМАНИИ.....	139
М.И. Бенг ФРАГМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО УТОПИЗМА В ПОСЛЕВОЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	142
Л.А. Фадеева ЭТНОСТЕРЕОТИП НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	145
Обзор дискуссии.....	148
Участники конференции	157

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УРОКИ ВЕЙМАРА

Я.С. Драбкин

ВЕЙМАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ДОСТОИНСТВА И ПОРОКИ

Проявляемый ныне в нашей стране живой интерес к проблемам демократии понятен и не нуждается в обосновании. Равно как и обращение к богатому опыту западных стран, в том числе специально Германии, где, как известно, между двумя демократиями XX века пролегла мрачная полоса жестокой национал-социалистической диктатуры.

Примечательно, что и в современной Федеративной республике Германия историки проявляют интерес к проблемам становления демократических режимов, в том числе и к сравнению германского исторического опыта с нынешним российским. Самый свежий примером этого может служить и та поддержка, которую получила наша конференция от Московского представительства фонда Эберта. Но это не все. В мемориальном фонде рейхспрезидента Фридриха Эберта в Гейдельберге 21-22 июня 1996 года состоялся специальный семинар на тему: «Становление демократий в Европе. Веймарская республика и развитие

России к демократии». Вместе с доктором Петером В. Шульце я получил приглашение выступить там с докладом. Его тема была определена так: «Изменение представлений о Веймарской республике в советской и российской исторической науке». В обсуждении приняли участие видные немецкие ученые. С этой же темой я выступал в Гейдельбергском и Мангеймском университетах.

Рассказывая о нашей историографии Веймарской Германии, я отметил, что в довоенные, а особенно в первые послевоенные годы в центре внимания находились два комплекса вопросов: во-первых, становление Веймарской республики, связанное с германской революцией 1918-1919 годов и Версальским миром, во-вторых, крушение веймарской демократии и установление в Германии гитлеровской диктатуры. В общем, хотя разрыв между этими двумя событиями более или менее заполнен, именно они представляют и ныне наиболее важные узлы исследований. Мне представлялось важным самокритично признать, что на протяжении многих лет наше отношение к парламентаризму, многопартийности, демократическим духовным и моральным ценностям, связывавшееся обычно с деятельностью социал-демократии, было сугубо негативным. Односторонняя ориентация на революцию в противовес реформе, обостренный классовый подход приводили к подчеркиванию принципиальных различий между демократией буржуазной и пролетарской, парламентской и советской, к вольному или невольному стиранию отличия демократии от диктаторских режимов.

Крушение коммунистической системы и идеологии побудило современную российскую историческую науку осуществить серьезный критический пересмотр многих привычных догм и стереотипов. Но мы, думаемые мне, находимся еще на начальной стадии этого непростого процесса, и можно наблюдать как проявления известного консерватизма исторического мышления, так и шахаханья в нигилистические крайности, когда особенно прыткие журналисты пытаются подменить серьезное переосмысление простым перекрашиванием черного в белое и наоборот.

На первых порах поиск новых подходов происходил на различных семинарах и «круглых столах», в статьях и публицистических выступлениях. Но постепенно стали появляться и более основательные исследования наших германистов, основанные на привлечении новых источников и углубленном анализе как самих событий, так и их историографического отражения. Очевидно, что в наше время создание значительных исследовательских трудов стало просто невозможным без основательной работы в архивах наших и зарубежных, без налаженного творческого сотрудничества российских и германских молодых (и не очень) историков, без проведения систематических научных дискуссий по наиболее спорным и непроясненным вопросам.

Полагаю, что и на нашей конференции нам необходимо провести свободное творческое обсуждение прежде всего тех вопросов, которые имеют шансы заинтересовать общественность в России и Германии. Ибо без этого ныне едва ли осуществимо финансирование новых серьезных исследовательских проектов.

Обращаясь к проблематике *становления веймарской демократии*, хочу обратить внимание на то, что в современной исторической науке ФРГ, при сохранении обычной разногласия, все же стало преобладающим представлением о том, что в истории Германии в XX веке проявился острый дефицит демократии. Некоторые авторы даже усматривают в этом негативный «особый путь» (Sonderweg) Германии по сравнению с западными державами. Отмечают, что сколоченная «железным канцлером» Бисмарком Германская империя с прусским ядром объединила немцев не на основе демократического суверенитета народа, что национальное становление происходило в условиях авторитарного государства, которое многие годы формировало политические воззрения немцев. Как милитаристская и агрессивная держава Германия, несмотря на выдающиеся успехи в индустриализации, все более отставала от других стран Запада в смысле демократизации режима и общественной жизни. Только поражение в первой мировой войне и Ноябрьская революция повернули страну в эту сторону. Однако соединение этих двух явлений оказало пагубное влияние на немцев.

Мы только что перевели на русский язык и издали популярную книгу известного немецкого политолога Курта Зонтаймера, которую привезли вам. Я особенно рекомендую ее вашему вниманию¹. По затронутому вопросу автор констатирует: «Демократический режим, который новые немецкие политики (имеются в виду социал-демократы — Я.Д.) с помощью военищины извлекли из купели неполноценной революции, никак не смог смыть с себя позорное пятно проигранной войны и навязанного Западом Зимпортного продукта». Выработанная в Веймаре... имперская конституция воспринималась многими как выражение чистоты западных и потому чуждых немцам негерманских идей». К этому я мог бы добавить, что, с другой стороны, идеи российского Октября и власти Советов тоже выглядели в Германии как некий «импортный продукт» и уже потому отвергались многими. Но послушаем еще Зонтаймера: «Половинчатая революция 1918-1919 гг. лишь немного изменила соотношение социальных сил в Германии... — пишет он. — Важные политические и военные позиции остались, как и прежде, в руках буржуазии, которая едва ли отождествляла себя с целями и ценностями либеральной и социальной демократии или делала это исключительно из соображений приспособленчества»².

Напомню, что в свое время, особенно во второй половине 50-х и в 60-е годы, у нас (и в ГДР) много писали и притом серьезно спорили

о причинах слабости германской революции, по сравнению с российской, о ее характере и движущих силах, об ответственности социал-демократии, о роли рабочих и солдатских Советов, о пороках веймарской конституции и т.д. В конце 80-х годов были подведены некоторые итоги этих и последующих споров³. Мнения и сейчас существенно расходятся.

Можно, однако, констатировать, что все серьезные исследователи видят существенный разрыв между возможностями и реальностями этой революции, признают, как мы уже видели, что веймарская демократия исходно имела слабую, противоречивую, конфликтную социальную базу, что уже в ее фундаменте были трещины, которые обусловили ее недолговечность и облегчили ее крушение.

Вместе с тем несомненным завоеванием революционных масс явился переход от полубаболотистской монархии к буржуазно-парламентарной республике с развитой системой демократии, конституционно закрепленный классовый сдвиг: превращение Германии из юнкерско-буржуазного в буржуазно-юнкерское государство. Слабости республиканской структуры проявились в половинчатости решений о соотношении федерализма и централизма, например, в сохранении (несмотря на прозвучавшие предостережения) преобладающего положения Пруссии. Демократизм оказался ущербным из-за кровавого разгрома революционных рабочих и удушения Советов, а также больших прерогатив президентской власти. Это нашло свое выражение прежде всего в пресловутой статье 48 конституции о президентской диктатуре и других: в праве президента осуществлять «союзную экзекуцию», а также вводить президентское правление с почти полным исключением рейхстага, передачей власти президентским кабинетам министров, блокированием демократических прав и свобод граждан. Уже президент Эберт за первые пять лет республики издал на основе этой статьи 136 распоряжений. А в начале 30-х годов президент Гинденбург с их помощью растоптал путь для легального прихода Гитлера к власти.

Имеющаяся ныне обширная источниковая база, накопленный Германии, Россией и другими странами за прошедшие годы большой исторический опыт делают, мне думается, возможным и полезным новое обсуждение российских и германскими историками исторического места германской революции 1918-1919 гг. и становления Веймарской республики. Удобным поводом могло бы явиться приближающееся 80-летие этих событий. При этом в центре внимания встал бы вопрос о шансе демократической альтернативы, связанном с потенциями рабочих Советов. Надо бы прояснить, есть ли у нас возможности и желания обсуждать эту проблему, а также запросить мнение германских коллег.

Обращаясь к рассмотрению причин *крушения веймарской демократии*, надо иметь в виду, что ныне недостаточным привычных констата-

ций ее слабости и отсутствия действенного инструментария для защиты демократии от ее открытых или тайных врагов. Все это верно, и дальнейшие исследования в этом направлении продолжатся полезно. Как известно, создатели Боннской конституции предприняли серьезные шаги, чтобы сделать демократию «воинствующей» и способной защитить себя. Для современной России особенно важен именно этот германский опыт, вытекающий из сравнения Веймара и Бонна. Ибо наша еще очень слабая демократия нуждается в защите от многих врагов и опасностей.

Некоторые публицисты и историки не раз обращали внимание общественности на бросающиеся в глаза сходство ситуаций в конце Веймарской республики и в последние годы в нашей стране. Указывают, во-первых, на состояние тяжелого экономического кризиса, разоряющего и деморализующего массы трудящихся. Это так, но у нас (пока?) нет многомиллионной безработицы. Во-вторых, говорят о росте коррупции, преступности и вооруженного насилия, но у нас на улицы не вышли (еще?) организованные штурмовые отряды. В-третьих, отмечается слабость представительной власти при росте влияния президентской власти. В-четвертых, у нас, как некогда в Германии, наблюдается процесс дискредитации традиционной политической системы, институционализированных политических партий. Но у нас прежняя система рухнула, а новая еще только складывается. В-пятых, международная ситуация совсем иная: ныне нет реальной угрозы большой войны, противостоящих друг другу военно-политических коалиций; наша страна в мире отнюдь не изолирована. Такие сравнения нетрудно продолжить.

Главное же различие состоит, видимо, в том, что в России нет (пока? еще?) сформировавшегося фашистского или иного тоталитарного движения с воинствующей, мобилизующей, увлекательной массы идеологий и программатикой во главе с харизматическим вождем. Хотя национал-патриотические силы всерьез угрожают порупить и взорвать с трудом рождающуюся, далеко еще не укорененную у нас демократию, они раздроблены, а сколько-нибудь прочный блок «красно-коричневых» не сложился.

Из сказанного выше не следует, что можно приуменьшать или даже игнорировать опасности, связанные с появлением в нашей стране довольно большого числа разнородных военизированных организаций шовинистического толка, в том числе использующих нацистскую (или подобную ей) символику, а также с широким распространением профашистской литературы. Об этом сигнализируют также Московский антифашистский комитет и другие демократические общественные организации. Однако административные и судебные власти лишь в единичных случаях принимают карательные меры. Между тем в ФРГ, в ее Основном законе и в государственной практике создана строгая систе-

ма защиты демократии и, в частности, запрещены любые попытки возрождения нацистских организаций, использования их символики и т.п.

Для предотвращения грозной опасности настоятельно необходимо сплочение всех демократов и истинных патриотов, сторонников реформ, разумной социальной политики и народовластия. Опыт Германии, между прочим, учит и тому, что не следует произвольно расширять ареал противников существующей системы. У нас с легкой руки Гайдара, окрестили фашистом демагога и клоуна Жириновского. А некоторые искренние, но неидеологичные демократы причисляли к такому и Ельцина. На исходе веймарской Германии некоторые «леваки» тоже объявляли фашистом канцлера Брюнинга. Это, как и ложный тезис о «социал-фашизме», не помогало сплочению антифашистов, а, напротив, раздробило их силы и расчистило узурпатору путь к власти.

Очевидно, есть смысл обстоятельно поговорить и, возможно, поспорить, в том числе и на нашей конференции, относительно правомерности сопоставления веймарской Германии и современной России. Исторические параллели безусловно полезны, но только, если они проводятся на серьезной научной основе. Полагаю, что нам важно прежде всего глубоко разобраться в том, возможно ли и как именно предотвратить рост воздействия на массы в разных странах *тоталитарных* (притом не только фашистских) идеологий. Сравнение фашистско-нацистского тоталитаризма с коммунистически-сталинским вполне правомерно, если только речь не идет о простом уравнении или отождествлении, а проводится трезвый учет как общего, так и принципиально различного в условиях, происхождения, подходе, целях и задачах.

Еще более непростая задача научиться противодействовать возникновению и усилению тоталитарных массовых движений с харизматическими вождями. Это обычно предшествует захвату ими политической власти и установлению диктаторских режимов. Однако речь идет не о поиске рецептов, пригодных на все случаи жизни, а о разработке такой научной методологии, которая способна помочь ранней диагностике реальной опасности, определить основы верной политической стратегии и тактики. Надо, впрочем, сделать здесь существенную оговорку. Прогностика, футурология, политология – это не задача для историков. Но мы можем и обязаны использовать свой опыт и поделиться им с политиками и прогнозистами.

Мы непосредственно столкнулись с этой проблемой, когда на протяжении последних лет вели в Институте всеобщей истории РАН работу по всестороннему исследованию проблематики *тоталитаризма и демократии* в Европе XX века. Мы участвовали во многих научных дискуссиях у нас и за рубежом и подготовили в итоге большой коллективный труд⁴. Надеемся организовать его широкое обсуждение с наши-

ми учеными, а также и с немецкими коллегами. Готовим к изданию и материалы российско-германской конференции в Волгограде⁴.

Я уже говорил о полезной книге К. Зонтхаймера. Хочу также обратить внимание на то примечательное обстоятельство, что в ФРГ, в условиях политического плюрализма, давно создана разветвленная система (федеральная и земельная) политического образования для разных категорий населения. Она систематически работает над воспитанием у немцев демократической гражданственности, дефицит которой у нас ощущается так заметно. Нам и в этом отношении полезно поучиться.

В заключение хочу пожелать, чтобы на нашей конференции вернулась свободная деловая дискуссия, которая поможет не формированию у всех одного-единственного «общего мнения», а известному прояснению многообразных суждений и представлений о том, что такое демократия сегодня в наших российских посткоммунистических условиях, как ее создавать и укреплять.

В.Н. Яловега

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ВЕЙМАРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

До первой мировой войны отношение социал-демократов к существующему государству было враждебным. Оно коренилось в марксистском понимании государства как орудия классовой эксплуатации большинства меньшинством, в стратегии завоевания пролетариатом политической власти, разрушения старой и создания новой государственной машины для построения бесклассового общества.

В Эрфуртской (1891 г.) программе СДПГ содержались требования всеобщего равного, прямого избирательного права для всех совершеннолетних граждан, отмены ограничений избирательных прав, свободы слова, права союзов. Вместе с тем в программе отмечалось отсутствие «иллюзий относительно значения парламентских успехов для осуществления ... коренных задач»¹.

Наиболее враждебное отношение к государству и отрицание буржуазной демократии выражали германские левые. «Современное государство, — писала Р. Люксембург, — это организация господствующего капиталистического класса. Если оно в интересах общественного развития берет на себя разнородные, имеющие общий интерес функции, то это происходит только потому и поскольку эти интересы и общественное развитие совпадают в целом с интересами господствующего класса»². Поэтому она отрицала самоценность борьбы за демократические права в условиях существующего государства, но видела ее значение в том, что она должна способствовать повышению классового сознания пролетариата, приобретению им опыта классовой борьбы³.

Лассальянская традиция исходила из необходимости сохранения и совершенствования института государства «как позитивной формы ор-

¹ Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. Пер. с немецкого. М., 1996.

² Там же. С. 12-13.

³ См.: Орлова М.И. Германская революция 1918-1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986; Драйкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии германской революции 1918-1919 гг. М., 1990.

⁴ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. Рук. авт. кол. Я.С. Драйкин и Н.П. Камолата. М., 1997. В Германии чуть раньше опубликован сборник статей: Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Hrsg. Eckhard Jesse. Bonn, 1996.

⁵ См.: Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. М., 1997.

ганизации общества»⁴. Э. Бернштейн также признавал возможным проведение социалистических преобразований в рамках существующего государства. «Государство не только орган угнетения и обеспечения прибыли имущих, — подчеркивал он, — оно является формой существования и органом управления», которое постепенно эволюционирует в сторону демократии, увеличения влияния масс на принятие решений⁵. Бернштейн и другие представители реформистского крыла СДПГ отрицали необходимость слома буржуазной государственной машины и установления диктатуры пролетариата. Они исходили из того, что демократическое государство может действовать в интересах всего общества, и потому предлагали использовать имеющиеся демократические институты для реформирования существующего государства и общества⁶.

До первой мировой войны взаимоотношения СДПГ и государства можно охарактеризовать как «негативную интеграцию»⁷. Социал-демократия и руководимые ею свободные профсоюзы были официально признаны, но не имели возможности оказывать серьезного влияния на государство, которое мирилось с их существованием, пока их деятельность не затрагивала его интересы. В октябре 1871 г. В. Либкнехт с горечью писал: «Вы ругательски называете нас “безродными”, но вы сами лишили нас отечества».

Ситуация коренным образом изменилась после революции 1918 г. Социал-демократия приняла решающее участие в выработке конституции и формировании институтов власти Веймарской республики. В докладе правления партии на Веймарском (1919 г.) съезде республика оценивалась как демократическое народное государство⁸. В Гёрлицкой (1921 г.) программе говорилось, что «политический переворот предоставил массам право на демократию, которая им необходима для социального подъема», и что демократическую республику партия рассматривает как достигнутую в ходе исторического развития государственную форму, не подлежащую отмене, а всякие нападки на нее оценивает как покушение на жизненные права народа⁹.

Веймарская республика была сокрушена, так как демократическим силам не удалось сделать ее стабильной в экономическом и политическом отношении. Лишь годы спустя после второй мировой войны было создано государство, о котором социал-демократы, по словам Вилли Брандта, смогли с чистой совестью сказать — это их государство, которое они принимают без всяких оговорок¹⁰.

¹ Каутский К. Эфуртская программа. М., 1956. С. 16-17, 160.

² Luxemburg R. Gesammelte Werke. Berlin, 1972. Bd. I/1. S. 395.

³ Ibid. S. 432.

⁴ Sozialismus und Staat. Kremendahl H., Meyer Th. Hrg. Kronberg. 1974. Bd. I. S. 8135.

⁵ Bernstein E. Texte zum Revisionismus. Bonn, 1990. S. 143.

⁶ Vollmar G. Von. Über die nächsten Aufgaben der Sozialdemokratie. München, 1891. S. 7.

⁷ Groh D. Negative Integration und revolutionärer Attentismus. Die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend des ersten Weltkrieges. Frankfurt a.M., 1973.

⁸ Protokoll über die Verhandlungen des Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten in Weimar vom 10. bis 15. Juni 1919. Berlin, 1919. S. 16.

⁹ Programatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie. Berlin; Bonn, 1984. S. 209.

¹⁰ Brandt W. Über den Tag hinaus. Hamburg, 1974. S. 116.

О.В. Плужников

СДПГ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В последнее время некоторые отечественные историки и политологи сравнивают социально-политическое состояние современной России с периодом существования Веймарской республики. Как известно, судьба первой германской демократической республики (1918-1933 гг.) была трагической. В этой связи изучение истории веймарской демократии становится особенно актуальным.

Демократический фундамент Веймарской республики был заложен в ходе Ноябрьской революции 1918 г., которая кардинально изменила политический ландшафт страны. Важнейшую роль в конституировании демократического устройства сыграла Социал-демократическая партия Германии (СДПГ).

К началу Ноябрьской революции СДПГ представляла собой партию реформистски-эволюционного типа: она одобрила летом 1917 г. «мирную резолюцию рейхстага», сотрудничала с буржуазно-реформистскими силами в Межфракционном комитете рейхстага, приняла в мае 1918 г. «Программу действий», предусматривавшую демократизацию и парламентаризацию политической системы страны. Вступлением в правительство Макса Баденского в октябре 1918 г. СДПГ пыталась предотвратить сползание Германии к революции. Когда же она стала реальностью, СДПГ приложила огромные усилия, чтобы она не переросла, как русская революция, в гражданскую войну.

Ноябрьская революция поставила перед СДПГ сложную дилемму: либо, опираясь на поддержку независимцев и используя революционно-демократический потенциал Советов, пойти на радикальную демократизацию государственного аппарата, армии и экономики, либо ограни-

читься решением сложных, но вполне определенных задач переходного периода, переложив ответственность за будущее страны на Национальное собрание. СДПГ выбрала второй путь.

Социал-демократическое правительство – Совет Народных Уполномоченных – провело комплекс мероприятий по демобилизации армии и включению миллионов бывших военных в трудовую деятельность, что позволило избежать массовой безработицы. Оно приняло ряд решений, фиксировавших отмену жестких ограничений военного времени. Им были восстановлены предписания по охране труда, установлен 8-часовой рабочий день и т. д. Однако решение этих задач, по мнению руководителей СДПГ, было невозможно без сотрудничества с представителями старого чиновничества и офицерского корпуса.

Для политической линии СДПГ в 1918-1919 гг. было характерно существенное расхождение между программными требованиями и конкретной политической деятельностью. В соответствии с программными документами партия продолжала оставаться приверженной принципам классовой борьбы; ее идеологической и теоретической базой являлся марксизм, как ортодоксальный, так и интерпретированный Э. Бернштейном и К. Каутским. Своей главной целью СДПГ по-прежнему объявляла замену капитализма социализмом. Однако существовавшие политические реалии (угроза диктатуры, исходящая от спартаковцев, практика большевизма в Советской России, а также неблагоприятное в целом внутреннее и внешнее положение страны) давали основания лидером СДПГ отказать от немедленного внедрения в жизнь социалистических принципов и целей, а в практической деятельности руководствоваться приоритетом демократических ценностей над классовыми.

Последовательно отстаивая демократическую перспективу Германии, СДПГ решительно выступила в пользу парламентской демократии и созыва Национального собрания, исходила из идеи легитимности и преемственности власти. Партия не приняла ленинскую концепцию власти, которая предусматривала диктатуру одного класса и устранение от управления государством всех интригующих классов. Лидеры СДПГ считали механизм действия демократии универсальным, а не классовым. СДПГ была сторонницей решения проблемы посредством «важнейшего политического достижения революции – всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права всех взрослых мужчин и женщин, считая это завоевание средством к преобразованию капиталистического строя в социалистический, согласно воле народа, путем планомерной работы».

Своей кульминации борьба по вопросу о власти достигла на I съезде Советов, который назначил выборы в Национальное собрание на 19 Января 1919 г. Это был крупный политический успех СДПГ. Остро стояла также проблема социализации и производственных советов.

В программных документах СДПГ постоянно говорилось о стремлении к обобществлению средств производства. Однако к началу революции партия не смогла создать цельной концепции социализации, определить пути и средства ее осуществления. Она исходила из эволюционной теории постепенного перехода средств производства в руки общества. Социализации должно было предшествовать восстановление разрушенного войной хозяйства. Социал-демократы отвергали любые попытки насильственной социализации, считая, что социализация возможна лишь в отношении тех отраслей хозяйства, которые достигли высокого уровня экономического развития, концентрации производства и централизации капитала.

С производственными советами СДПГ связывала идею «хозяйственной демократии», которая была призвана обеспечить мирный переход от капитализма к социализму. В конституцию вошла статья 165, посвященная рабочим представительством, а 4 февраля 1920 г. был принят закон о производственных советах, который конкретизировал их урезанные функции.

СДПГ приняла активное участие в процессе конституирования в Германии нового политического устройства. Результаты выборов в Национальное собрание, выход Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ) в декабре 1918 г. из СНУ и ее дальнейшее идейно-политическое сближение с коммунистами определили необходимость поиска новых политических союзников. Таковые были найдены в лице Немецкой демократической партии (НДП) и партии Центра, которые, осознав угрозу основам германского капитализма со стороны лево-радикалов, пошли на сближение с СДПГ. Приверженность этих партий демократическим принципам, близость социал-демократической концепции «чистой демократии» к либерально-реформистской модели, а также объективный ход революции способствовали сотрудничеству трех партий, которое заложило базу веймарской демократии, основанной на компромиссе.

СДПГ приняла самое активное участие в разработке новой конституции и оказала существенное влияние на содержание и формулировку многих ее статей. Лидерам СДПГ удалось внедрить в основной закон некоторые свои программные установки. В первую очередь это касалось специальной статьи о производственных советах, декларировавшей расширение прав трудящихся в управлении производством, а также закона и положений конституции о «социализации» средств производства. В конституцию также вошли статьи о социальных гарантиях трудящимся, о государственной защите брака, семьи и материнства, о воспитании подрастающего поколения, о просвещении юношества, о референдуме и т.д. Было провозглашено, что государственная власть в республике исходит от народа.

Так, СДПГ сыграла важную роль в придании общественным отношениям в Германии определенных черт социальной демократии. Вместе с тем СДПГ в 1918-1919 гг. использовала далеко не все возможности в деле укрепления не только социальной, но и либеральной демократии. В первую очередь это относится к периоду между началом революции и созывом Национального собрания, когда социал-демократическое правительство даже не попыталось всерьез использовать свою власть для демократического переустройства государственного аппарата, армии, экономики, что отвечало интересам огромного большинства народа. Социал-демократы не решились положить конец существованию юнкерского землевладения, ликвидировать или хотя бы ослабить промышленные монополии, провести чистку чиновничьего аппарата, судебных и полицейских органов, армии от всех тех, кто не был лоялен демократической власти и не желал ей честно служить.

Можно согласиться с известным германским историком Г.А. Винклером, который считает, что социал-демократы не смогли использовать благоприятный шанс для проведения решительной демократизации всей общественной системы и обеспечения завоеваний парламентской демократии. В этом видится связь результатов Ноябрьской революции 1918 г. с приходом к власти Гитлера в 1933 г.

С.В. Кренин

ПРОГРАММЫ «СОЦИАЛИЗАЦИИ» В ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ

Социал-демократы, пришедшие к власти после окончания первой мировой войны в Германии и Немецкой Австрии, взяли курс на построение социализма посредством социализации. Были созданы специальные комиссии по социализации, которые возглавляли соответственно К. Каутский и О. Бауэр.

В довоенных работах Каутский подготовил идейную платформу социализации. Однако реалии послевоенной ситуации вынудили его дополнить ее целым рядом конкретных положений. Основными объектами социализации Каутский считал добывающую, в первую очередь угольную, промышленность, а также леса и недра. Он поддержал «Декларацию о национализации минеральных ресурсов», разработанную комиссией в январе 1919 г. В своей программе социализации Каутский выдвигал на первое место насущные интересы, в частности, необходимость разрешения продовольственного кризиса и с этой целью особого подхода к социализации сельского хозяйства. Поэтому он допускал не только сохранение, но и поощрение частного сектора в деревне на длительный срок.

Вскоре правительство фактически блокировало деятельность комиссии по социализации, которая в свою очередь, погрязла в бюрократической рутине. 7 апреля 1919 г. комиссия подала в отставку. Несмотря на это, Каутский продолжал питать надежды. В докладе, прочитанном вместо него, прикованного к постели, Луизой Каутской, на Втором съезде Советов (14 апреля 1919 г.), подчеркивалось, что социализация не означает огосударствления. Критикуя правительство, которое вынудило комиссию по социализации уйти в отставку, Каутский высказывал

мысль, что рабочие через Советы могут оказать давление на капиталистов.

В сходной ситуации оказался в Австрии и О. Бауэр, столкнувшийся с сопротивлением представителей буржуазных партий. В качестве приоритетного направления он называл необходимость сломить господство бюрократии на производстве. С этой целью был разработан проект закона о Фабрично-заводских комитетах, принятый Национальным собранием 15 мая 1919 г. Для более четкого контроля за производством Бауэром было предложено учредить также институт Комитетов служащих.

С другой стороны, Бауэр исходил из идеи о необходимости переориентации стихийно возникших в первые дни Австрийской революции Советов в органы, ведающие вопросами управления производством. В этом, по его мнению, крылось одно из основных различий между революцией в России, где Советы стали органами государственного управления, и революцией в Австрии, где Советы должны были способствовать нормализации и контролю за хозяйственной жизнью.

Понимая социализацию более широко, чем Каутский, Бауэр считал, что она должна подготовить почву для перехода к социалистическому хозяйству, и планировал создание трехединой системы управления народным хозяйством в составе государства, профсоюзов и потребкооперации. Все три звена выступали в этой схеме равноправными и взаимодействующими элементами единого комплекса. Кроме того, каждая социализируемая отрасль должна была управляться особыми органами из представителей рабочих и служащих, работающих в данной отрасли. В концепции О. Бауэра выражены три основные функции социализации как комплекса мероприятий переходного периода: взять производство под контроль, осуществить обобществление наиболее важных отраслей промышленности и создать условия для перехода к социализму через управленческую систему.

Как и Каутский в Германии, Бауэр не смог добиться претворения своих идей в жизнь. В октябре 1919 г. он оставил пост руководителя комиссии по социализации, деятельность которой вскоре прекратилась. Однако не следует забывать и о положительных моментах деятельности комиссий. Социал-демократам худо-бедно удалось наладить снабжение населения продовольствием. Началось восстановление хозяйства. Целый ряд предприятий был «социализирован» – передан под контроль органов, состоящих из рабочих. Успехи социал-демократов в области организации хозяйства за несколько месяцев их господства значительно подняли их авторитет среди трудящихся и поколебали экономические позиции буржуазии.

Говорить о реальности перехода к социализму, как его понимали теоретики немецкой социал-демократии, в условиях послевоенных Германии и Австрии, на наш взгляд, вряд ли представляется уместным.

Помимо чисто экономических проблем, на социал-демократических партиях лежала ответственность за непопулярный мир, за неспособность добиться воссоединения двух немецких государств; державы Антанты также не собирались поощрять социалистические эксперименты. Социал-демократы в итоге оказались в 1920 г. в обеих странах вне правительственных коалиций и в межвоенный период более не смогли вернуть себе прежних позиций.

А. О. Целищев

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ О РОЛИ И МЕСТЕ СОВЕТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

Революция 9 ноября 1918 г. смела монархический режим, поставив социал-демократию перед выбором путей государственного развития. На начальном этапе в центре оказалась альтернатива: Национальное собрание или система Советов. СДПГ высказалась за легитимизацию политического режима и скорейший созыв Национального собрания. Предложения НСДПГ о проведении радикальной структурной перестройки политического и социального строя как условия перехода к демократической системе были отвергнуты. Социал-демократия большинства считала Советы необходимыми и вынужденными в переходный период, но после создания парламентской демократии они должны быть распущены. Эту позицию поддержали и лидеры профсоюзов, которые видели в Советах угрозу существования собственной организации. I Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов отверг диктатуру Советов и взял курс на создание политической демократии.

Выборы 19 января 1919 г. не принесли социал-демократическим партиям ожидавшегося большинства в Национальном собрании. Ни в программе коалиционного правительства СДПГ и демократических буржуазных партий, ни во временной конституции Советы не были даже упомянуты. В интервью Шейдемана и официальном сообщении кабинета от 25 февраля 1919 г. открыто говорилось о невозможности включения Советов в конституцию. Политические функции Советов категорически отрицались, но предусматривалась возможность признания фабрично-заводских советов как посредников между предпринимателем и профсоюзными.

Мартовские события в Берлине и стачечное движение в Средней Германии вынудили правительство пойти на уступки. 5 марта правительство обещало предоставить Советам некоторые хозяйственные функции и включить их в конституцию. Данное решение вызвало резкое недовольство и оживило дискуссии в СДПГ о роли Советов в государственном устройстве республики. Но в это время существовавшая система Советов уже потеряла власть. Значение солдатских Советов падало по мере демобилизации армии, их полномочия были ограничены постановлением правительства от 19 января 1919 г. Права коммунальных Советов сокращались, их финансирование прекращалось, а летом 1919 г. они были распущены. Однако советское движение вызвало среди рабочих большой резонанс, чем ожидалось. Министр хозяйства Виссель видел причину в разочаровании трудящихся деятельностью правительства и Национального собрания, которые ограничиваются лишь расширением формальной демократии и на практике осуществляют программу, намеченную еще кабинетом принца Макса Баденского. Результатом стал переход Советов от борьбы за демократизацию общественной жизни к выдвижению социалистических требований.

Особую остроту в споры о роли и функциях Советов внес Чрезвычайный съезд НСДПГ 8 марта 1919 г., заявивший, что партия «стоит на почве Советской системы и стремится к пролетарской диктатуре». Партия потребовала включения Советов в конституцию, предоставления им решающего голоса в законодательстве, управлении и на предприятиях. Социализация должна проводиться через экономические Советы, а политическая – осуществлять контроль над органами управления.

В социал-демократии большинства сложились две основные концепции о роли и функциях Советов в системе государственной власти: 1) К. Макса Козна и Юлиуса Калисского; 2) Гуго Зинцхаймера. Первая была попыткой комбинации парламентаризма и Советской системы и получила поддержку II Всегерманского съезда Советов. Признавая недостаточность формальной демократии, она требовала ее корректировки профессиональным представительством. Начиная с общины, должны были создаваться хозяйственные советы отдельной отрасли, избираемые всеми представителями производства, которые выстраиваются по вертикали вплоть до Всегерманского совета отрасли. В каждой территориальной единице, начиная с общины и до уровня рейха, данные советы посылают представителей в соответствующую палату труда, которая становится второй палатой парламента, наряду с общенародным представительством. Создаваемая структура имела целью обеспечить представительство интересов рабочих в вопросах производства и собственности «социализации». Рабочие Советы могут существовать лишь на предприятиях как исполнительные органы профсоюзов. Кон-

цепция Зинцхаймера исходила из возможности гарантировать политическую демократию через контроль и право голоса Советов в хозяйственной сфере. Для представительства социально-экономических прав рабочих и служащих создавались производственные советы, а рабочие Советы объединялись с представителями организаций других слоев населения в хозяйственные советы. Общегосударственный хозяйственный совет получал право законодательной инициативы и экспертизы правительственных хозяйственных законопроектов. СДПГ, пройдя путь от отрицания роли Советов в государственной системе к предложениям об их включении в конституцию, не добились, однако, успеха: эти советы оказались нежизнеспособными.

С.М. Ткачев

ПРОБЛЕМЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Крах кайзеровского режима в годы первой мировой войны обусловил кризис политических сил, создавших ему опору. Ноябрьская революция 1918 г. явилась глубоким потрясением для всего немецкого общества. Ее следствием была не только замена монархического режима демократическим. Крушение кайзеровской Германии повлияло на изменение отношения населения к социально-экономической и политической организации общества. Прежние ценностные ориентации разрушались, усиливалось ощущение того, что нация утратила духовный стержень и с ним волю к исторической перспективе. Жизнь немца, казалось, потеряла высший смысл. Виновиком всех свалившихся на страну и отдельного человека бед называлось вильгельмовский режим. Все политические силы, провозглашавшие в ноябре 1918 – январе 1919 г.г. антикайзеровские демократические лозунги, были обречены на успех. Не случайно в январе 1919 г. на выборах в Национальное собрание либеральная Демократическая партия превратилась в одну из влиятельных политических сил страны. Казалось, что либерализм получил шанс на реализацию своей демократической концепции. Российские и германские историки связывают подъем либерализма в 1919 г. с рядом обстоятельств:

- привлечение в ряды Демократической партии (НДП) известных демократов и пацифистов;
- огромный опыт либеральных политиков;
- мощная финансовая поддержка крупного капитала;
- искусное проведение избирательной кампании;
- быстрое формирование партийных структур НДП;
- использование идей социального либерализма Ф. Наумана.

Представляется, что успехи немецких демократов в 1919 г. связаны также с рядом иных факторов. К их числу можно отнести то, что демократическая партия вознеслась на волне отрицания дискредитировавшего себя режима. Средним слоям населения либеральная критика представлялась в тот момент и убедительной и соответствовавшей их настроениям.

Юридическое оформление Веймарской республики поставило перед демократической партией новые задачи. НДП, опираясь на неолиберальные концепции, должна была предложить свои решения сложных общественных проблем. И, главное, дать необходимый импульс национальному самосознанию, наполнить жизнь общества и отдельного индивида высшим смыслом.

Демократическая партия не смогла справиться с подобным грузом: она уделяла недостаточно внимания социальным проблемам; стала заложницей социал-демократических партнеров по правительственной коалиции; проводила ошибочную политику в критические месяцы 1920 г. и 1923 г.; не имела в своих рядах харизматической личности; утратила прежние прочные финансовые позиции.

Однако, на наш взгляд, главная причина кризиса НДП, да и самой веймарской демократии, заключалась в особенностях немецкого менталитета. Менталитет нации, как известно, изменить за короткий срок невозможно. Либерально-демократические ценности не могли сразу после войны стать неотъемлемой частью общественного сознания. Для большинства немцев характерной чертой сознания оставалась вера в харизматическую личность, способную в одиночку и в одиночасье повернуть ход истории в нужное общество направление. Либеральные демократические ценности вступили в противоречие с ценностями массового сознания. История распорядилась так, что ценности либерализма были перекрыты идеями иного порядка. Народ, испытавший национальное унижение военного поражения, переживший потрясения 1918-1923 гг., питал все более возрастающие симпатии к радикальным политическим силам, обещавшим разрубить «гордые узлы» общественных проблем, обеспечить немцам процветание и преемственность национально-исторического бытия.

С.М. Иванов

НЕМЕЦКИЕ КОММУНИСТЫ И ДЕМОКРАТИЯ

Коммунистические идеи имеют многовековую историю. В их основе — стремления людей создать идеальное общество всеобщего равенства и социальной справедливости. В Социал-демократической партии Германии на рубеже веков развернулись дискуссии между сторонниками движения к социализму методами реформ и приверженцами прихода к нему через революционную ломку капиталистического общества. Последние создали леворадикальное направление, ставшее зародышем немецкого коммунистического движения XX века.

В годы первой мировой войны, приведшей к небывалому обострению общественных противоречий, социально-политические представления и настроения многих миллионов оказались созвучными идеям революционного устранения капитализма и создания нового, справедливого общества.

Большевистская революция 1917 г. в России первой провозгласила своей целью реализацию коммунистических идеалов. Она приступила к радикальной ломке прежнего общества, осуществлению преобразований, совпадавших с настроениями и стремлениями широких трудовых слоев. Это привлекало часть трудящихся и революционно настроенных социалистов стран Запада.

Однако коммунизм, воспринявший многие интернационалистические идеи марксизма и соединивший их с русской революционной традицией, оказавшись у власти, вскоре встал на путь создания тоталитарно-коммунистического государства. Германский коммунизм, выросший на почве европейской политической культуры, в большей мере сохранил традиции социал-демократизма.

Период формирования немецкого коммунизма и становления Веймарской республики получил довольно широкое освещение в работах советских историков, исследователей ГДР и ФРГ. Однако в условиях идеологической конфронтации историческая наука и с той и с другой стороны оставалась ограниченной жесткими рамками господствующих идеологий. Лишь в последние десятилетия намечился отход от политической предвзятости в освещении процесса становления Веймарской республики.

Ноябрьская революция открыла благоприятные перспективы для глубоких демократических преобразований. Однако, будучи реальными претендентами на власть, социал-демократы оказались расколотыми: сторонники либеральной и социальной демократии противостояли приверженцы мировой революции и диктатуры пролетариата в форме рабочих и солдатских Советов, идея власти которых была заимствована у русских большевиков. Приняв на себя бремя власти, реформистские лидеры СДПГ выступили против радикализации революции, ограничились конституционным оформлением нового демократического государства, придав ему некоторых социальных черт. Коммунисты же выступили принципиальными противниками каких-либо компромиссов с эксплуататорским классом. Они связывали реализацию мечты о социальной справедливости исключительно с господством вооруженного рабочего класса над буржуазией, с экспроприацией частной собственности и передачей управления производством трудящимся в лице производственных советов, на самоорганизацию которых возлагались большие надежды. Немецкие коммунисты ориентировались на непосредственную трансформацию капитализма в социализм через систему хозяйственных советов. Однако их идеи не получили широкого распространения. Не приняв участие в выборах в Национальное собрание, не имея в нем представительств, они не смогли использовать легальные средства, прежде всего трибуну Национального собрания, ни для пропаганды своих идей, ни для оказания влияния на содержание принимаемых законов о социализации и производственных советах.

Социально-политические требования защиты трудящихся, которые поддерживали и коммунисты и социал-демократы, могли бы стать исходным пунктом для единства их действий. Однако этому мешали как антикоммунизм СДПГ, которая хотела во что бы то ни стало предотвратить любые попытки экспериментирования, так и бескомпромиссность коммунистов.

Несмотря на свою малочисленность и слабое присутствие в Советях, коммунисты представляли весомую политическую силу, прежде всего благодаря своей внепарламентской, уличной активности. Непосредственность социал-демократов, непопулярные действия правительства, его нежелание вести диалог с трудящимися, выдвигавшими

радикальные требования, способствовали созданию впечатления о силе коммунистического движения. Однако путчистская тактика компартии содействовала разжиганию антикоммунистической истерии в стране. Это вело к ослаблению нарождавшейся веймарской демократии.

И.Д. Чигрин, Л.П. Черникова

КПГ И ПРОБЛЕМЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Политические партии в веймарской Германии можно разделить, с некоторыми оговорками, на «республиканские» и «антиреспубликанские», в зависимости от их отношения к проблемам государственного устройства. Особенно негативную позицию относительно республики, провозглашенной в начале революции, заняла компартия Германии. Эта позиция в значительной степени формировалась под воздействием большевистского руководства России. Так, вскоре после 9 ноября 1918 г. Советское правительство выступило по радио с обращением к немецким солдатам и матросам, в котором призывало «не выпускать из рук оружия и свергнуть правительство народных уполномоченных». К. Радек, прибыв на Учредительный съезд КПГ во главе делегации из шести человек, в своей приветственной речи к немецким рабочим призвал «разогнать правительство Эберта—Шейдемана, а на его место поставить «действительно революционное правительство»¹.

Практически на протяжении всего периода существования Веймарской республики усилия КПГ были направлены на «установление пролетарской диктатуры и создание в этих целях сильной коммунистической партии»². В отличие от СДПГ, а также в связи со стремлением внедрить «русский опыт», позиции КПГ во многом определялись ожиданием мировой революции, курс на которую разрабатывался Коминтерном. По отношению к Веймарской республике и ее конституционному строю компартия играла роль дестабилизирующего фактора и в этом плане ее позиции совпадали с позициями крайне правых партий, в первую очередь, Немецкой национальной народной партии (НННП). Известный историк ФРГ В. Тормин давно отметил, что, по его мнению, «радикальные партии правого и левого крыла принципиально отрицали го-

сударство и боролось не за участие в правительстве, а за свержение конституционного строя»³.

Неприятие парламентской республики обусловило путчистскую тактику компартии и особенно сторонников так называемой «теории наступления» в ее рядах. Образцом проведения в жизнь этой тактики явились мартовские события 1921 г. в Средней Германии. «Мартовская акция» завершилась поражением. Сотни рабочих погибли и были брошены в тюрьмы. Еще больше углубилась пропасть между социал-демократами и коммунистами. Это толкнуло большие массы граждан в объятия крайней реакции. Мартовское восстание было не результатом сложившейся революционной ситуации, а «организовано искусственно Центральным комитетом коммунистической партии из Берлина. Сама же инициатива по проведению этой акции исходила не из ЦК КПГ, а от руководства Коминтерна из Москвы»⁴.

Отрицательное отношение КПГ к республике и к парламентской системе в целом проявлялось и после убийства В. Ратенау, которое стало причиной обсуждения в рейхстаге законов в защиту республики. Компартия выступила против принятия этих законов, так что центральный орган НСДПГ констатировал: «Коммунисты отклонили в рейхстаге законы в защиту республики... Только в своей прессе они подняли большой шум о недостаточности законов и в своей обычной манере объявили предателями тех, кто одобрил закон»⁵.

Эта жесткая линия по неприятию парламентской республики нашла свое отражение и в теоретических установках компартии. Игнорирование новых условий деятельности, связанных с затуханием революционных выступлений, и тезис о подготовке к насильственному свержению власти капитала характеризовали, например, проект программы КПГ, опубликованный 7 октября 1922 г. Его автором был А. Тальгеймер, считавшийся крупнейшим теоретиком партии. Документ был обсужден и одобрен большинством партии, а затем передан IV Конгрессу Коминтерна в качестве материала для проходившей в то время дискуссии по программе Коминтерна. В проекте признавалось, что «буржуазная демократия есть последняя развитая форма буржуазного классового господства», а «капитализм подошел к пункту, когда его материальные достижения и основы его существования исчерпаны и разрушены». Хотя капиталистическое общество того времени вступало в период своей стабилизации, коммунисты на базе неверной оценки ситуации сделали вывод, что «пролетариат не может завоевать и удержать политическую власть только демократическими методами». Далее было сказано: «Коммунисты не отрицают, что только с помощью насилия и гражданской войны в самой жесткой форме можно свергнуть существующие до сих пор господствующие классы»⁶.

Враждебное отношение КПГ к республиканско-парламентскому устройству проявлялось также в ее борьбе с республиканскими партиями, особенно с социал-демократией. Представители социал-демократии не без основания обвиняли компартию в попытках «разрушения» СДПГ. Журналист К. Мархионини в работе «Гражданская война и большевизм в Германии» писал, что «целью коммунистов является разрушение социал-демократической партии, вооружение пролетариата Германии путем восстания и построения в ней советского государства». Он поставил риторические вопросы: так ли уж необходима в экономическом, политическом и социальных аспектах для немецкого рабочего класса Советская Германия и могут ли коммунисты быть достаточно пригодными руководителями пролетариата? Оценивая деятельность компартии, он пришел к выводу, что КПГ «ничему не научилась на своих ошибках и, видимо, не хочет учиться»⁷.

В рамках борьбы за «Советскую Германию» и диктатуру пролетариата у КПГ просто не оставалось времени для серьезного осмысления идей демократии и парламентаризма. Сказывалась удивительная близорукость, проявлявшаяся в односторонней оценке компартией Германии всех форм «господства буржуазии», а также ее дисциплинированность при выполнении директив руководства Коминтерна.

¹ Braunthal J. Geschichte der Internationale. Berlin, Bonn, 1978. Bd. 2. S. 143.

² Sozialdemokratische Partei-Korrespondenz. 10. April 1920. Nr. 5. S. 54.

³ Tornin W. Geschichte der deutschen Parteien seit 1848. Stuttgart, 1967. S. 128.

⁴ Braunthal J. Op. cit. S. 244-245.

⁵ Freiheit. Nr. 276. 20. Juli 1922.

⁶ Lern- und Arbeitsbuch Deutsche Arbeiterbewegung. Darstellung, Chroniken, Dokumente. Bonn, 1988. Bd 2. S. 504, 523.

⁷ Marchionini K. Bürgerkrieg und Bolschewismus in Deutschland. Leipzig, 1924. S. 3-4.

В.Л. Черноперов

КПГ И ВЕЙМАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ

Среди проблем, которые продолжают привлекать внимание исследователей – КПГ и демократический строй Веймарской республики. Мы попытаемся рассмотреть этот вопрос на основе материалов прессы, публицистики, мемуаров, произведений современников.

Большевики долгое время видели в немецких левых социал-демократах «старших братьев». Они связывали с их победой в Германии сохранение своей власти в России и развитие мировой революции. Поражение январского 1919 г. выступления рабочих, убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург, успехи Красной Армии в гражданской войне способствовали постепенному исчезновению этого образа. Теперь первостепенное внимание было обращено на опыт большевиков. Школой по его изучению и одновременно всемирной партией революции стал III Интернационал. Секции Коминтерна – национальные компартии – были обязаны заимствовать и применять на практике исторический опыт большевиков. С этих позиций лидеры СССР и Коминтерна, дипломаты и журналисты почти все 20–30-е годы смотрели на КПГ как на организацию, которая лучше других усваивала уроки российских коммунистов. Это позволяло ей стать в их глазах авангардом западноевропейского пролетариата.

Для германской компартии образцом народовластия были система Советов и диктатура пролетариата, она не принимала буржуазно-парламентский строй и по примеру большевиков использовала трибуну парламентских учреждений лишь для критики существующего режима. По сообщениям советских современников, члены комфракции, подчер-

кивая свое неуважение к буржуазной демократии, приходили в рейхстаг или ландтаги в рабочей одежде, не приветствовали министров вставанием, срывали выступления оппонентов. В ответ на здравницу в честь республики кричали «Долой!», а в День конституции, как бы в знак траура, приспускали красный флаг на партийном доме в Берлине. Такое поведение, а также драки, которые в стенах парламента не раз устраивали не только немецкие националисты и фашисты, но и коммунисты, были, с точки зрения советских людей, вполне оправданными. Нормальным считалось и то, что сторонники правых партий в ответ на пение в рейхстаге «Интернационала» затягивали «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес», а в День республики вывешивали монархические флаги. Поощрение советскими соратниками противозаконных действий германских коммунистов было заложено в историческом опыте большевизма.

Готовность немецкой компартии к захвату власти современники из СССР оценивали не по результатам парламентских выборов, а по ее способности к насильственным мероприятиям. Этим объясняется повышенный интерес журналистов к боевому отряду КПГ – Союзу красных фронтовиков и к росту числа сторонников партии в Берлине (судьба власти часто решается именно в столице). Советские современники, считая, что революцию может осуществить лишь монолитная организация, приветствовали укрепление в КПГ «промосковского», тельмановского руководства и изгнание из нее всех сомневавшихся в универсальности русского опыта.

По наблюдениям советских дипломатов и журналистов, особое место в выступлениях депутатов комфракции занимала полемика с СДПГ. Это было ответом на участие руководства социал-демократии в конституировании парламентской республики, которая, с точки зрения большевиков, была лишь одной из форм буржуазной диктатуры. В результате уже в 1919 г. социал-демократия в глазах советских лидеров стала «самой реакционной силой политического развития» (Л.Д. Троцкий). После поражения «немецкого Октября» в 1923 г., начавшая с V Конгресса Коминтерна, ее, по сути, отождествляли с фашизмом. Всесторонняя конфронтация с СДПГ рассматривалась коммунистами как борьба против угрозы реакции и условие завоевания большинства немецкого пролетариата. Поскольку социал-демократия являлась одной из основ парламентской республики, то руководители Коминтерна и КПГ бескомпромиссно отвергали демократически-реформистскую альтернативу политического развития.

С усилением нацистского движения количество столкновений между политическими противниками в представительных учреждениях, на улицах германских городов резко увеличилось. В конце концов работа демократических органов оказалась повсеместно парализованной. Пра-

вительство перешло к политике «чрезвычайных декретов». Веймарский республиканский режим погибал, но это не заставило немецких коммунистов и их советских друзей выступить в его защиту. Наоборот, эта гибель доказывала верность большевистской теории о конце буржуазно-парламентской демократии, которую ясно сформулировал VI Конгресс Коминтерна (1928 г.) в виде альтернативы: или пролетарская революция и диктатура пролетариата, или фашизм. При этом высказывалось убеждение, что в странах с развитым рабочим движением открытая реакционная диктатура правых сил не будет долговечной, так как быстро избавит пролетариат от реформистских (социал-демократических) иллюзий и заставит подняться на решительную борьбу. А такое выступление в Германии вело к победе мировой революции. Исходя из этой ложной посылки, многие советские современники приветствовали действия КПП по разрушению веймарской демократии как условие победы мировой пролетарской революции.

С.Р. Дерябина

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1920 г. И ГЕРМАНИЯ

С момента подписания перемирия в ноябре 1918 г. германские официальные власти стремились использовать «русский вопрос» в своих внешнеполитических целях, играя на беспроигрышном лозунге «большевистской опасности». Заявления немецких политиков о возможном сближении с Советским государством в противовес жестким требованиям союзных держав должны были служить инструментом давления на Антанту.

После заключения Версальского договора германское правительство воздерживалось от прямых враждебных действий, направленных непосредственно против Советской России. На протяжении 1919 г. взаимоотношения двух стран ограничивались решением вопросов, связанных с недавним состоянием войны, судьбой военнопленных, интернированных лиц и т. д.

С новой силой и в новом качестве вопрос о возможности восстановления дипломатических отношений с Советской Россией и политического союза с ней возник в Германии в связи с советско-польской войной 25 апреля – 12 октября 1920 г.

Между Германией и Польшей с момента образования независимого польского государства возник устойчивый антагонизм, порожденный Версальским договором. Советско-польский военный конфликт, последовавшее контрнаступление Красной Армии и продвижение ее к германской границе встревожило германских политиков. Поэтому советское внешнеполитическое ведомство через своего уполномоченного В. Коппа в июне 1920 г. заверило германское правительство, что намерения России в отношении Германии определяются стремлением уста-

новить с германским народом возможно более тесные экономические, политические и культурные связи. Немецкое правительство отвечало сдержанно, ожидая окончания репарационной конференции союзников в Спа, где Германия надеялась добиться уступок¹.

Наступление Красной Армии на Варшаву в июле 1920 г. было использовано Советским правительством для дальнейших шагов по нормализации отношений с Германией. Стремясь привлечь ее к соглашению, советский представитель В. Копп от лица своего правительства в частности обещал министру иностранных дел Германии Симонсу пересмотр крайне важного для немцев вопроса о «свободном транзите через [Западно]-Прусский коридор»². Это было прямым указанием на возможность пересмотра Версальского мира. Но до окончания советско-польского конфликта германское правительство предпочло придерживаться нейтралитета, о чем и заявило 20 июля 1920 г. Эта политика была официально поддержана всеми буржуазными партиями и социал-демократами.

В ходе наступления Красная Армия вступила на территорию прежних немецких областей, отторгнутых по условиям Версальского договора. Здесь при помощи немецких коммунистов создавались Советы³. Опасения германского правительства вызывали и высказывания первых лиц Советской России о «всемирной пролетарской революции».

Тем не менее, в Германии продолжали обсуждаться возможности соглашения с Советской Россией. Естественными его сторонниками были немецкие коммунисты и независимые социал-демократы. Проводниками подобной идеи выступали и некоторые высокопоставленные военные. Генерал фон Сект, считавший Польшу «смертельным врагом Германии», призывал немецкое правительство воспользоваться плодами победы Советской России над Польшей, ибо «остальные державы будут вынуждены ... считаться с Германией, потому что они не могут не принимать в расчет Россию»⁴.

Надежда на возможность изменения Версальского договора путем содействия Советской России в разгроме Польши привели в стан сторонников соглашения силы, которые ни в коей мере нельзя было заподозрить в сочувствии к большевикам, в том числе представителей Немецкой национальной народной партии, которые считали, что для уничтожения Версальского договора Германия может «протянуть руку даже черту».

В июле – августе на заседании рейхстага министр иностранных дел Германии В. Симонс, не отказываясь от политики нейтралитета, подчеркивал необходимость пересмотра двусторонних отношений⁵. Он вел с Чичериным по данному вопросу переписку. После отступления Красной Армии из Польши в конце августа 1920 г. вопрос о заключении до-

говора с Советской Россией потерял для германского правительства актуальность.

Исход войны разрушил надежды и левых и правых политических сил Германии. Правительство Веймарской республики должно было до Рапалло (1922 г.) искать возможности облегчения политического и экономического положения страны только на путях соглашений со странами Запада.

¹ См.: Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. док. Т 2. М., 1971. С. 184.

² Там же. С. 196.

³ Seraphim E. Deutsch-russische Beziehungen 1918-1925. S. 15.

⁴ Rabenau F. Seeckt. Aus seinem Leben 1918-1936. Bd. 2. Leipzig, 1940. S. 252.

⁵ Verhandlungen des Reichstags. Wahlperiode 1920. Bd. 344. S. 262-264.

И.Н. Дорожко

НЕМЕЦКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В обстановке послевоенного кризиса всей партийно-политической системы Германии попытка создания единой либерально-демократической партии, которая сумела бы повести за собой широкие средние слои, оказалась неудачной. Возникла леволиберальная Демократическая партия, вобравшая в свои ряды прогрессистов, группу левых демократов и левое крыло национал-либералов. А на базе центристских сил 15 декабря 1918 г. была образована Немецкая Народная партия (ННП).

Ее несомненным лидером стал Густав Штрэземан, который обладал личным престижем и авторитетом, был трезвым политиком, мастером лавирования.

В условиях предвыборной борьбы в Национальное собрание Народная партия провозгласила себя наследницей традиций национал-либерализма, пытаясь наполнить их новым содержанием. Свою верность национальным идеям ННП проявила в категорическом отказе принимать навязываемые Антантой условия мира. Верность принципам классического либерализма, среди которых на первом месте оставалась защита свободы личности и неприкосновенность ее собственности, партия трактовала как борьбу против «механической демократизации» и большевизма, социальной уравниловки и т.д. Тем самым либерализм Народной партии сам лишил себя демократической поддержки, которая требовалась ему в условиях становления веймарской демократии. Оказавшись зажатой между Демократической партией и Немецко-национальной, она провозгласила себя «срединной» партией и в первые годы Веймарской республики вынуждена была постоянно доказывать свое право на существование.

Не войдя в правительство веймарской коалиции, ННП как партия оппозиции, с одной стороны, стремилась к деловому сотрудничеству в парламенте с целью оказания влияния на политику правительства, а с другой – активно критиковала его деятельность.

Г. Штрэземан понимал, что будущее его партии будет зависеть от того, как она подготовится к новым выборам и сумеет ли привлечь на свою сторону средние слои электората. Поэтому лидер ННП постоянно стремился отмежеваться как от демократов слева, так и немецких националистов справа. Успех умело выбранной Штрэземаном тактики проявился уже на выборах 1920 г., и ННП вошла в состав нового правительственного блока.

Программа ННП, принятая осенью 1919 г., окончательно закрепила национально-либеральные принципы, лишённые демократического содержания, неспособность партии серьезно модернизировать либерализм обрекала ее на изоляцию от демократических социальных слоев. Электорат партии состоял из крупных финансовых и промышленных магнатов, высшего и среднего чиновничества, а также некоторых категорий мелкой буржуазии. ННП заняла место в правой части партийно-политического спектра Германии.

Это отчетливо проявилось уже весной 1920 г. во время капповского путча, когда Народная партия фактически поддержала его, хотя публично Г. Штрэземан выступал против подобных переворотов.

Самым серьезным и опасным своим противником Народная партия считала СДПГ. Политика была достаточно гибкой, и он готов был сотрудничать с социал-демократами, чтобы не допустить создания блока левых сил. Однако правое крыло отказывалось от такого сотрудничества. Призрак социализма в конце 20-х годов даже для Штрэземана был более серьезной и реальной угрозой, чем недооцениваемый им национал-социализм. Именно его тактика в отношении социал-демократии усилила кризис и раскол Народной партии.

Своего соперника ННП видела в Демократической партии. Борьба за электорат стала главной причиной их противостояния. Перед лицом надвигавшейся национал-социалистической угрозы, раскол либерализма стал трагической ошибкой, ибо способствовал крушению Веймарской республики.

С правым своим соседом – ННПГ – Народная партия имела много общих точек соприкосновения как в вопросах внутренней, так и внешней политики, а различия между ними в основном касались вопросов тактики. Но Штрэземан очень жестоко пресекал постоянно возникавшие среди членов его партии попытки к объединению. Стремясь отмежеваться от немецких националистов, Народная партия игнорировала опасности для веймарской демократии со стороны правых сил, пыта-

лась даже привлечь НННП к сотрудничеству в правительстве. Такая политика еще раз доказывала, что ее место в правом лагере.

В конце 20-х годов штреземановская политика лавирования стала неэффективной, и партия не раз находилась на грани развала. Но все же до конца своих дней «мастер компромисса» Г. Штреземан сумел сохранить единство ННП, хотя она все больше теряла свой либеральный характер. После его смерти в 1929 г. новые председатели партии Шольц и Дингельдей взяли курс на поддержку национал-социализма. Когда в 1930 г. ННП вместе с НННП поддержала на президентских выборах кандидатуру Гинденбурга, обострившиеся противоречия между правым и левым крылом Народной партии фактически привели к ее развалу.

Проделав в годы Веймарской республики эволюцию вправо, ННП своей политикой, направленной на возрождение «сильной Германии» и на отказ от поддержки демократических сил, способствовала крушению республики.

Н.В. Фарбман

ГУСТАВ ШТРЕЗЕМАН И «ДУХ РАПАЛЛО»

Рапалльский договор 16 апреля 1922 г., установивший равноправные и взаимовыгодные отношения между Германией и Советской Россией, стал своего рода феноменом в рамках острой конфронтации двух общественных систем на арене европейских и международных отношений. Договор создал прецедент мирного сосуществования и сотрудничества этих систем.

Густав Штреземан как лидер праволиберальной Немецкой народной партии, рейхсканцлер (август–ноябрь 1923 г.) и министр иностранных дел Германии (август 1923 г. – октябрь 1929 г.) сыграл выдающуюся роль не только в реализации Рапалльского договора, но и в определении стратегии германо-советских отношений в обозримом и далеком будущем.

До сих пор не уходит в забвение господствовавшее многие годы в марксистской историографии СССР и ГДР стереотипное представление, будто шаги Штреземана к сближению с Россией были всего лишь игрой между Востоком и Западом, чтобы склонить державы Запада к уступкам в ревизии Версальского договора¹. К такой игре сводили курс Штреземана на развитие германо-советских отношений и многие представители западной историографии².

Первый важный шаг к сближению с Советской Россией был сделан Штреземаном 29 мая 1922 г., когда руководимая им фракция Немецкой народной партии проголосовала в рейхстаге за ратификацию Рапалльского договора. Курс на сближение с Россией, хотя и включал в себя элементы пресловутой дипломатической игры, выходил далеко за ее рамки, занимал особое, самостоятельное место в стратегии политики Штреземана. Сближение с Россией в «духе Рапалло» было продиктова-

но заинтересованностью в долгосрочном и стабильном развитии экономических и политических отношений с крупнейшим государством Восточной Европы.

Замыслы Штреземана шли значительно дальше развития экономических и политических отношений с Россией в обозримом будущем. Штреземан надеялся на грядущую «эволюцию» России, ее переход в русло капиталистического развития, в сферу «европейской цивилизации», на приобщение России к созданию мирной Европы под эгидой Лиги наций. По этому поводу в 1925 г. он писал бывшему кронпринцу Вильгельму: «С русским государством, в эволюционное развитие которого я верю, можно будет договориться»¹.

Более тесное будущее сближение с «обновленной» Россией Штреземан считал необходимой частью своей внешнеполитической стратегии, основанной на предложенной им «политике взаимопонимания»².

В 1925-1927 гг. под руководством и при активном участии Штреземана германо-советские отношения последовательно развивались в «духе Рапалло». 12 октября 1925 г. был подписан германо-советский торговый договор. России был предоставлен кредит в 315 млн марок для закупки промышленного оборудования. 24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан Штреземаном и советским послом Н.Н. Крестинским германо-советский «Договор о ненападении и нейтралитете». При этом Штреземан решительно отвергал идею союза и военного сотрудничества с Россией, держался в стороне от установившихся с 1922 г. тайных контактов между рейхсвером и Красной Армией.

Последовательно поддерживая «дух Рапалло», Штреземан решительно выступал против вмешательства Москвы во внутренние дела Германии под флагом Коминтерна. О «вредных происках» Коминтерна он писал послу США в Лондоне А. Хаутону: «Большевизм не отказался от идеи мировой революции. Мы в Германии настороже, и большевизм не продвинется, пока наше экономическое положение сносно». 30 сентября 1925 г. он в беседе с прибывшим в Берлин Г.В. Чичериным без обиняков указал на несовместимость «духа Рапалло» с «организационной революционной движением» в Германии под руководством Коминтерна³.

В обстановке обострения напряженности в Европе после разрыва англо-советских отношений Штреземан на встрече с О.Чемберленом, Брианом и Вандервельде в июне 1927 г. признал необходимость противодействия «большевистской пропаганде мировой революции», но категорически отклонил «какие-либо совместные действия» против СССР. «Любую идею крестового похода против России, — заявил он, — я считаю безумной и бессмысленной»⁴.

В 1927-1928 гг. возникли известные трения в германо-советских отношениях в связи с «шахтинским делом», по которому к суду привлека-

лись пять немецких специалистов, и другими провокационными акциями Москвы. Но при активном участии Штреземана в декабре 1928 г. был подписан протокол о расширении торгово-экономических отношений с СССР. Об их успешном развитии докладывал на V съезде Советов в 1929 г. председатель СНК А.И. Рыков⁵.

После кончины Штреземана «дух Рапалло» стал быстро иссякать и с приходом к власти Гитлера в 1933 г. уступил место подготовке агрессии против СССР.

Политика Штреземана оставила позитивный след в истории германо-советских отношений, получивший своеобразное продолжение в изменившихся послевоенных условиях в «новой восточной политике» В. Брандта. Идеи и прогнозы Штреземана в отношении России приобретают особый смысл сегодня, когда Россия на пути к вступлению в содружество европейских государств.

¹ См., например, *Никонова С.В.* Очерк европейской политики Германии в 1924-1929 гг. От плана Дуэса к плану Юнга. М., 1997; *Труханов Г.М.* Рапалло в действии. Из истории советско-германских отношений 1924-1929 гг. Минск, 1982; *Ruge W.* Stresemann. Ein Lebensbild. Berlin, 1966; *Idem.* Stresemann. Ein Leitbild? Gustav Stresemann. W. Michalka (Hrsg.) Darmstadt, 1982.

² См.: *Waldorff M.* Westorientierung und Ostpolitik. Stresemanns Rußlandpolitik in der Lokarno-Ara. Bremen, 1971.

³ *Stresemann G.* Vermächtnis. Bd. 2. Berlin, 1932. S. 554.

⁴ Подробнее см.: *Фарбман Н.В.* Густав Штреземан: человек и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1995. № 5.

⁵ *Stresemann G.* Vermächtnis. Bd. 2. S. 257-260, 524.

⁶ *Ibid.* Bd. 3. S. 151.

⁷ *Рыков А.И.* Очердные вопросы международной и внутренней политики. Доклад и заключительное слово на V съезде Советов СССР. М.-Л., 1929. С. 49.

А.А. Буддаков

ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ПРОЛЕТАРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Лавинообразный характер выхода в свет в Германии исторической литературы о Веймарской республике связан с пристальным вниманием исследователей к изучению захвата власти нацистами в 1933 г. И тем не менее полных ответов на ряд сложных вопросов до сих пор нет.

В проблеме фашизм и массовые организации рабочего класса представляет интерес роль пролетарских организаций самообороны в защите веймарской демократии от национал-социалистов и других реакционных сил.

Характер материалов, выявленных автором в архивных хранилищах Берлина, доказывает уже известный тезис: власти республики недооценили угрозу для нее со стороны нацистского движения и врагом своим считали в первую очередь коммунистов. Однако в документах полицейских архивов нет доказательств того, что была угроза Веймарской республике со стороны КПГ в 1924-1933 гг. Дело в том, что после поражения восстания в Гамбурге в октябре 1923 г. Коминтерн и компартия отказались на определенное время от планов «немецкого Октября». В архивных документах полицейского правления отсутствуют материалы и об экстремистском характере возникшей организации коммунистов – Союза красных фронтовиков (СКФ), легально созданной в июле 1924 г. с разрешения властей.

СКФ – «Рот Фронт» сыграл важную роль в борьбе с парамилитаристскими союзами и нацистскими штурмовиками. Однако следует особо подчеркнуть, что образование отдельной от социал-демократии военизированной организации вряд ли было оправдано. В феврале 1924 г. СДПГ, партия Центра и Демократическая партия создали «Рейсхбан-

нер» («Союз имперского флага»), причем, в документах его было заявлено, что монархистам и коммунистам в нем нет места. Поэтому, предложение коммунистов о создании единой пролетарской организации было отвергнуто.

«Рейсхбаннер» мог стать при благоприятных обстоятельствах внушительной силой в борьбе с фашизмом. Но, защищая Веймарскую республику от опасности «слева» и «справа», «Союз имперского флага» сосредоточил свою деятельность «на выяснении отношений» с Рот Фронт. Выгоду из этой конфронтации извлекли гитлеровцы. Poleмика, начатая в прессе и на митингах, заканчивалась зачастую на улицах городов.

СКФ с момента своего возникновения как на местном, так и на общегерманском уровне, энергично выступал за единство действий с «Рейсхбаннером». Это было одной из главных идей в борьбе за единый пролетарский фронт, за единство действий всех антиимпериалистских и антифашистских сил. Красным фронтовикам в ходе конкретного противодействия парамилитаристским и фашистским формированиям чаще удавалось добиваться позитивных результатов лишь совместно с рейсхбаннеровцами. Однако в ряде случаев единство действий подменялось стремлением СКФ вобрать в свои ряды рейсхбаннеровцев, что наносило вред обеим организациям.

Рабочий класс в 20-е годы представлял особо серьезную силу, составляя 45% самостоятельного населения Германии. Поэтому руководство национал-социалистической партии поставило перед собой задачу: завоевать большинство германского пролетариата и, используя широкую социальную базу, захватить власть легальным путем, через рейсхтанг.

К чести левых рабочих партий и их организаций самообороны следует сказать, что завоевать на свою сторону большинство рабочего класса нацистам не удалось, но все же на выборах в 1930 г. за них голосовало 2 млн. рабочих. Однако фашисты использовали для прихода к власти раскол германского рабочего движения. В результате его военизированные организации рабочего класса не сумели дать отпор нацистам.

М.Е. Ерни

КРАХ СИСТЕМЫ БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ

Буржуазные партии сыграли важную роль в политической жизни Веймарской республики, оказывая идеологическое воздействие на массы. В то же время партии буржуазного лагеря являлись элементом институциональной структуры республики, преследуя общую цель – обеспечить успешное функционирование в стране капиталистической общественной системы.

В Веймарской республике, наряду со множеством мелких партий, было несколько основных буржуазных и буржуазно-юнкерских партий, обладавших значительным влиянием: консервативная Немецкая национальная партия (ННП), праволлиберальная Немецкая народная партия (ННП), леволлиберальная Немецкая демократическая партия (НДП), партия политического католицизма – Центр и Баварская народная партия (БНП). Две последние по своему составу и задачам отличались тем, что располагали стабильной массовой базой, были связаны с католической церковью и Ватиканом, в них слабее шли процессы разложения. Крайне правые позиции занимала Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП), буржуазная партия «нового типа».

На рубеже 1928-1929 гг. в этих партиях произошел поворот вправо. На выборах в рейхстаг в мае 1928 г. они потерпели ощутимое поражение. Кризис демократического сознания перешел в быстрый упадок, в то время как идеи правого радикализма получили благоприятную конъюнктуру. Предупредительный сигнал, прозвучавший в связи с ростом голосов за НСДАП на региональных и коммунальных выборах 1929 г., не был услышан. Основные партии недооценили ее роль и притягательную силу для населения¹. Между партиями и внутри них вы-

явились острые разногласия, шел процесс дифференциации политических сил.

К руководству в партиях приходили представители правых кругов. Так, в октябре 1928 г. лидером ННП стал А. Гугенберг, взявший курс на оппозицию к республике, вытеснение умеренных деятелей из партии и союз с Гитлером. Концерн Гугенберга начал массивную антиреспубликанскую и антидемократическую пропаганду. ННП оказалась выключенной из круга партий, способных к коалиции с другими на почве веймарской демократии². В декабре того же года председателем партии Центра был избран прелат Л. Каас, государственным идеалом которого было не парламентское партийное государство, а авторитарная, вождистская демократия³.

Но решающий поворот вправо в политике буржуазных партий произошел с наступлением мирового кризиса осенью 1929 г. Кризис потряс республику: вызвав всеобщее недовольство и радикализацию масс, он содействовал ее разрушению. Экономический, а затем и политический кризис охватил всю буржуазно-демократическую систему: партия, правительство и государство. В ходе кризиса стало очевидно, на каком слабом фундаменте покоится веймарская демократия. Начался процесс дезинтеграции политических структур республики⁴.

Сильнейший удар по парламентской демократии был нанесен весной 1930 г., когда буржуазная «середина» свергла кабинет социал-демократа Г. Мюллера. Однако этот факт не был вполне осознан не только ни одной буржуазной партией, но и самими социал-демократами. Падение кабинета «большой коалиции» в конце марта 1930 г. означало начало эры «президентских кабинетов» и свидетельствовало о сползании республики к диктаторской системе.

Внутри буржуазных партий (за исключением Центра) шла острая борьба направлений и групп по поводу путей выхода из кризиса и по вопросам практической политики. Происходили расколы, ослаблявшие их позиции и сокращавшие число сторонников. Выдвигались различные проекты реорганизации партийной системы, предпринимались попытки образования новых партий и объединений, сплочения «серединных» буржуазных партий. Все они заканчивались неудачей. Если и возникали новые партии, то им не удавалось создать сколько-нибудь значительного массового базиса и повлиять на политическую жизнь страны. Ни одна буржуазная партия, кроме НСДАП, не смогла предложить убедительного выхода из кризиса.

С углублением кризиса во всех буржуазных партиях в той или иной степени проявились тенденции к постепенному отказу от веймарской демократии или ограничению ее. На первый план выдвигалось требование создания «правительства сильной руки», «сильной государственной власти»; руководящие деятели партий выступали за реформу кон-

ституции, отмену парламентского строя и введение «умеренной, конституционной диктатуры». «Срединные» партии поддержали антидемократические мероприятия канцлера Г. Брюнинга, вошли в его кабинет и поэтому несут ответственность за его авторитарный курс. В период правления Брюнинга происходила глубочайшая эрозия парламентской системы, крайне усилилась мощь рейхспрезидента по отношению ко всем другим конституционным органам, руководству рейхсвера предоставлялась ключевая роль, общественность все сильнее приучалась к диктаторским решениям. Методы правления «сильной личности» Брюнинга создавали условия для быстрого подъема нацистского движения. Именно в годы его канцлерства НСДАП превратилась в доминирующий фактор внутренней политики. Особая вина лежит на партии Центра, которая оказала своему лидеру полную поддержку.

Проявился глубокий кризис германского либерализма, его политики, идеологии и организации. В 1932 г. обе либеральные партии собрали всего 2,9% голосов⁵. Накануне прихода Гитлера к власти либерализм фактически исчез с политической арены. Его трагедия состояла в том, что НДП и ННП бесконечно враждовали между собой. Либерализму не удалось сплотиться организационно, модифицировать свои классические идеи, стать интегрирующей основой республики. Распад НДП (НГП) означал тяжелейшее потрясение для созданной в Веймаре демократии.

Все буржуазные партии в той или иной мере проявляли тенденцию к сближению с национал-социализмом. Их руководящие деятели открыто стремились к сотрудничеству и союзу с Гитлером, носились с идеей «укрошения» НСДАП. Они оказались не в силах соперничать с более лживой и коварной пропагандой нацистов, не смогли предложить эффективной альтернативы национал-социализму, недооценивали враждебность его демократической республике.

НСДАП все более разрушала социальную опору других партий. Ее влияние росло по мере их ослабления, перехода избирателей и сторонников на сторону национал-социализма. Нацисты, способствуя тому, что «старые» политические партии дробились и делились, открыто провозглашали своей целью – стать «народной партией», которая способна подняться выше классовых и религиозных рамок и представлять всю нацию целиком. Нацистское движение вбирало в себя представителей всех классов и слоев германского общества. При выборах в рейхстаг и ландтаги земель между 1930 и 1933 гг. НСДАП добилась большего преимущества, чем любая другая партия, и Гитлер нанес поражение всем своим буржуазным конкурентам.

Кризис и распад буржуазных партий в 1929-1933 гг. имел роковые последствия для парламентской демократии, так как возникший политический вакуум заполнила НСДАП. В Германии не было силы, которая смогла бы преградить национал-социализму путь к власти. Респуб-

лика по сути дела оказалась беззащитной. Ее некому было отстаивать и защищать. Слабая демократия Веймарской республики не смогла остановить массовое нацистское движение. После 30 января 1933 г. все буржуазные партии взяли курс на сотрудничество с правительством Гитлера, а 23 марта проголосовали за предоставление ему чрезвычайных полномочий. Логическим следствием такого поведения был роспуск самих партий. Их конец не был итогом борьбы против национал-социализма, а наступил в результате политики уступок, приспособления, сдачи политических позиций. В этом – историческая вина буржуазных партий Германии.

¹ Vogt M. Parteien in der Weimarer Republik / Die Weimarer Republik 1918-1933. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft. K.D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen (Hrsg.). Bonn, 1987. S. 149-150.

² Kolb E. Die Weimarer Republik. München; Wien; Oldenbourg, 1984. S. 75.

³ Ibid. S. 85.

⁴ Ibid. S. 123.

⁵ Falter J. W. Wahlen und Wählerverhalten unter besonderer Berücksichtigung des Aufstiegs der NSDAP nach 1928 / Die Weimarer Republik 1918-1933. S. 486.

Г.И. Кольга

РОЛЬ НСДАП В РАЗРУШЕНИИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Проблема банкротства и разрушения Веймарской республики, одна из наиболее сложных в современной германистике, давно привлекает внимание ученых. В настоящее время сложились различные исторические школы, по-разному трактующие данный процесс.

Марксистская историография видит причину краха веймарской системы в сговоре монополистического капитала с нацистской верхушкой, в их совместной борьбе против демократических устоев Веймарской республики¹.

Современная западная историография неоднозначна в оценках: одни видят причину кризиса и краха Веймара в традиционной немецкой ментальности, всегда чуждой парламентской демократии, другие – в расколе рабочего и социалистического движения, третьи – связывают данный процесс с началом мирового экономического кризиса, четвертые – с демонической личностью А. Гитлера. Весьма интересны также культурно-исторические, антимодернистские и другие взгляды².

Не отрицая вышеперечисленные теории, мы полагаем, что важная роль в разрушении Веймарской республики принадлежала НСДАП, отмечая при этом два этапа ее деятельности.

В ходе первого этапа – 1920-1933 – НСДАП являлась одним из факторов банкротства Веймара. Как оппозиционная партия, борющаяся против «государства и существующей системы» легальным путем, она утверждала свое влияние через представительство в германском парламенте, посредством критики парламентской демократии, проведения обструкций в рейхстаге³.

Идеология национал-социализма отражена в программных документах НСДАП и содержала следующие положения: создание народного сообщества (Volksgemeinschaft), приоритет государственных интересов над частными, мировая культурно-нормативная революция, создание единого централизованного государства (Führerstaat), хилиастические, эсхатологические, теологические идеи, дихотомии (расизм и национализм) и другие.

Идеология нацистской партии и пропагандистские кампании, рассчитанные на традиционную германскую ментальность и духовные ценности в условиях социально-экономического кризиса, нашли поддержку среди широких слоев населения Германии⁴.

Получив широкое представительство в рейхстаге, нацисты начали играть роль разрушителей веймарской системы, стремясь парализовать деятельность парламента и лишить его престижа, используя технические средства обструкции. В феврале 1931 г. фракция НСДАП, вторая по численности, покинула парламент, тем самым окончательно блокировав пути нормального формирования парламента большинства. Это во многом способствовало введению в стране практики чрезвычайного положения⁵.

Тактика НСДАП в этот период привела к разочарованию широких слоев в парламентской демократии, распространению идеологии национал-социализма, политическому кризису и усилению авторитарных тенденций в обществе.

На втором этапе, после прихода к власти в январе 1933 г., НСДАП стала решающим фактором слома веймарской системы и формирования тоталитарного политического режима.

Этот процесс включал три стадии.

1 стадия: Установление однопартийной политической системы. Она основывалась на трех ключевых законах рейха: «законе о защите народа и государства» от 28.02.1933 г., «Правовом акте» от 24.03.1933 г. и законе о «запрещении всех политических партий, кроме НСДАП» от 14.07.1933 г.

После 14 июля 1933 г. были подорваны основы веймарской конституции и, значит, правового государства. Народ лишился демократических свобод, канцлер получал право издавать законы, имеющие отклонения от конституции и притом в обход рейхстага. Наконец, были запрещены все политические партии, кроме НСДАП, установлена однопартийная система⁶.

2 стадия: Соединение партии и государства. Начало было положено законом «Об обеспечении единства партии и государства» от 1 декабря 1933 г., который декларировал, что «после победы национал-социалистической революции НСДАП является носителем концепции герман-

ского государства и неотделима от государства». Это привело к уничтожению принципа разделения властей.

Процесс срастания партии и государства принимал разнообразные формы:

1. Срастание государственного и партийного аппаратов:

- а) назначение на государственные посты исключительно членов нацистской партии и ее заслуженных ветеранов,
- б) сосредоточение правительственной и центральной партийной власти в одних и тех же руках,
- в) повсеместный партийный контроль над всеми государственными органами,
- г) передача государственных функций органам нацистской партии,
- д) слияние родственных государственных и партийных формирований,
- е) государственная оплата партийным функционерам, занимавшимся партийно-организаторской и агитационной работой.

2. Единство нацистской партии и государства охватывало идеологическую сферу:

- а) распространение идеологии и партийных принципов на государство,
- б) уничтожение идеологии запрещенных партий,
- в) утверждение партийного знамени НСДАП в качестве государственного флага Германии,
- г) спуск всех религиозных организаций с целью оторвать народ от христианства⁷.

3. Уничтожение основ федерального устройства Веймарской республики и установление унитарного государства принятием закона «О реконструкции рейха» от 30.01.1934 г.

4. Объединение постов президента и канцлера Германии и передача полномочий главы государства фюреру Адольфу Гитлеру произошли после смерти Гинденбурга и принятия соответствующего закона от 01.08.1934 г.

Несмотря на то, что веймарская конституция официально не отменялась и Германия управлялась фактически на основе перманентного чрезвычайного положения, комбинация основополагающих законов, принятых нацистами, привела к окончательному разрушению демократической парламентской системы, буржуазного права и установлению в Германии тоталитарной диктатуры.

3 статья. Унификация всей общественной жизни. Она состояла в том, что нацистская партия с помощью своих филиалов и союзов (СС, СА, «Гитлерюгенд», ДАФ, КДФ, отделов пропаганды, внешней, аграрной политики, союзов юристов, доцентов, учителей и др.) устанавли-

ла тотальный контроль над всем государством, что привело к поглощению гражданского общества⁸.

Таким образом, в течении 1933-1935 гг. в Германии были уничтожены основы Веймарской республики: правовое государство, принципы разделения властей и формального права, федеративное устройство и гражданское общество, установлена тоталитарная диктатура. Решающая роль и центральное место в этом процессе принадлежали НСДАП.

Несмотря на свою историческую компрометацию, тоталитарная тенденция общественного развития, видимо, сохранится в обозримом будущем.

Опыт истории национал-социализма показывает, что подъем радикальных тоталитарных партий, таких как НСДАП, возможен в период острых социально-экономических кризисов, в эпоху разочарований и страданий.

Особенно подвержены влиянию тоталитарных партий народы стран с низкой политической культурой и общинной ментальностью, страны, в которых отсутствуют традиции парламентаризма, занимающие срединное географическое положение, страны с форсированной модернизацией и нестабильной политической системой.

¹ Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989; Розанов Г.Л. Германия под властью фашизма. 1933-1939. М., 1964.

² Bullock A. Hitler: A study in tyranny. London, 1971; Bracher K.D. Nationalsozialistische Diktatur 1933-1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983; Jorman J. D. Nazism. The Ideology of the Third Reich and its Leaders. New York, 1980; Hef J. Reactionary Modernism. Technology, Culture and Politic in Weimar and Third Reich. Cambridge, 1984; Hamilton R. Who voted for Hitler? Princeton, 1982.

³ Гущберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972; Буллок А. Гитлер и Сталин: сравнительное жизнеописание. В 2-х т. М., 1994; Фест И. Гитлер. Биография. Пермь, 1993; Chaiders T. The nazi voter: the social foundation of fascism in Germany. London, 1983.

⁴ The program of Nazi Party / Black R. Fascism in Germany. London, 1975; Гитлер А. Майн Камф. М., 1992; Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма 1933-1939. Свердловск, 1991.

⁵ Chaiders T. The nazi voter: the social foundation of fascism in Germany. London, 1983.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 1. Ед. хр. 1716; Нюрнбергский процесс. Т. 1, 6. М., 1957-1960.

⁷ Желев Ж. Тоталитаризм: фашистское государство. М., 1991.

⁸ Шпер У. Взлет и падение третьего рейха. В 2-х т. М., 1991.

Л.Н. Корнева

О РОЛИ КОНСЕРВАТИВНЫХ СИЛ В ПРИХОДЕ НАЦИСТОВ К ВЛАСТИ

Продолжительное время роль консервативно настроенных кругов Веймарской республики в ее гибели и приходе нацистов к власти была предметом острых дискуссий в послевоенной историографии. Особая острота проблемы была связана с тем, что марксистская историография однозначно возлагала главную ответственность за это на реакционные круги капитала, военщины, аристократии и помещиков. Доктринерский подход привел к выпячиванию роли консервативных сил, к недооценке пропагандистской и организационной работы нацистской партии. До известного времени мало внимания уделялось изучению вопроса о массовой поддержке фашизма средними слоями, рабочими и крестьянами. Вопрос о классовой оценке нацизма был предметом идеологической борьбы.

Классовая оценка национал-социализма как «диктатуры наиболее шовинистических, наиболее империалистических кругов финансового капитала» вызвала резкий отпор со стороны ряда западных историков, которые с середины 60-х годов активно приступили к изучению взаимоотношений крупного капитала, рейхсвера, помещиков и аристократии с нацистами (Лохнер, Тройе, Тарнер, Шильд и др.). Во многом эти первые работы были апологетического характера. Основные тезисы сводились к тому, что крупный капитал, рейхсвер, помещиков нельзя представлять как нечто единое по отношению к нацистам. Отдельные оказывали поддержку нацистам, основная же масса колебалась и даже противилась стремлению нацистов к власти. Как считали эти ученые, представителям старых, во многом еще кайзеровских времен, слоев претила разнузданная пропаганда нацистов, клясбейский характер дви-

жения, претензии на руководство страной. Часть крупных магнатов капитала отпугивала антикапиталистическая демагогия нацистов. Главный вывод: консервативные круги Веймарской республики несут не большую, чем остальные слои населения, ответственность за приход фашистов к власти в Германии.

Исследования 70-80-х – начала 90-х годов, построенные на основе большого круга источников, использующих новые методы исследования, в частности, социо-экономические, выявили тенденции к признанию западными авторами весьма значительной роли представителей крупного капитала, военных, помещиков и аристократии, бюрократического аппарата и связанной с ними политической элиты в поддержке Гитлера, особенно на заключительной стадии Веймарской республики. Именно эти круги обсуждали проекты и условия передачи власти Гитлеру. Одна из последних работ показывает, что именно консерваторы вынашивали планы создания авторитарного государства, использовали 48-ю статью Веймарской конституции с целью не защиты демократии, а создания авторитарного режима, не хотели союза с социал-демократами. «Антидемократическая пробивная сила, которая концентрировалась в НСДАП, – пишет А. Тирелл, – достигла своего решающего воздействия в первую очередь в результате полулегального или косвенного сотрудничества с влиятельными силами внутри официальных властных структур республики»¹.

Вместе с тем большинство авторов считает, что консервативные силы хотели Гитлера «поставить под свой контроль», «ослабить его радикализм путем вовлечения в политическую ответственность». Расстановка политических сил в конце 1932 г. показывала, что поста канцлера Гитлер не мог достигнуть «в одиночку». Здесь и сыграли решающую роль консервативно-авторитарные круги вокруг канцлеров Папена и Шлейхера. Указывается, что при обсуждении у президента Гинденбурга вопроса о кандидатуре Гитлера на пост канцлера большую роль сыграли ост-эльбские помещики. Именно эти силы помогли нацистскому движению выйти из политического тупика, связанного с потерей значительного числа голосов и внутрипартийным кризисом, вызванным отставкой Г. Штрассера – второго человека в партии после Гитлера.

Как пишет Тирелл, в политических событиях конца 1932 – начала 1933 г. «ясно виден элемент персональной ответственности действующих лиц, которые способствовали концу Веймарской республики... Он действовал несравненно больше, чем ошибки при рождении республики, структурные слабости конституции, внешнеполитические, экономические и психологические нагрузки»².

Что касается позиции общественно представителей крупного капитала, то специалист Тарнер считает, что их позиция была ближе к Папе-

ну, его же они хотели видеть на посту вице-канцлера в правительстве Гитлера. Они, правда, довольно быстро перекинулись к нацистам, а их денежки потекли в нацистские организации. Однако Тарнер по-прежнему настаивает, что нельзя говорить о «зависимости НСДАП от крупного хозяйства». Виновость крупного капитала состоит не столько в том, что он конкретно помогал Гитлеру, сколько в общей его установке на ликвидацию демократии.

Остается вопрос, почему же консерваторам не удалось удержать власть, «приручить» нацистов, «ограничить» их радикализм. Причины называются разные. Среди них, как нам представляется, немаловажную роль играет разочарование масс не только в демократии и либерализме, но и в традиционном консерватизме, олицетворявшем «старые времена». Консерваторы вынуждены были считаться с этим и делать фашистам одну уступку за другой, особенно после назначения Гитлера канцлером. В результате консерватизм был подчинен нацизму. Другая причина – нежелание консерваторов занять по-настоящему антифашистскую позицию, особенно договориться с социал-демократией, их поддержка антивеймарской и антиверсальской платформ.

После второй мировой войны оккупационные власти западных зон, формирующаяся там политическая элита, а затем и власти ФРГ сделали, на наш взгляд, определенные выводы. В результате (хотя и частично) выполнения решений Потсдамской конференции о денацификации, демократизации, декартелизации и аграрной реформе база традиционного консерватизма была значительно ослаблена. Крупные промышленники, аграрии и военные перестали играть в ФРГ ту политическую роль, которую играли в Веймарской республике. Ради обеспечения политической стабильности ФРГ главные политические и общественные силы страны сумели достичь консенсуса. Залогом стабильного демократического развития ФРГ стала не столько логика бескомпромиссной борьбы, сколько логика диалога в рамках всеми признанной конституции.

¹ Deutschland 1933-1945. K.D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen (Hrsg.), Bonn, 1993. S. 16.

² Ibid. S. 18.

Ю.В. Галактионов

«ФАШИЗМ У ВЛАСТИ – ЭТО...» К ИСТОРИИ РОЖДЕНИЯ ОДНОЙ ФОРМУЛЫ

Коммунистические функционеры рано распознали опасность фашизма, его направленность против компартий и их устремлений. Делегаты IV конгресса Коминтерна в 1922 г. сделали вывод, что фашизм есть одно из ярких проявлений политического наступления буржуазии на пролетариат, когда господствующий класс в условиях экономического и политического кризиса, помня государственного аппарата, прибегает «к созданию особой белой гвардии, которая специально направлена против революционных стремлений пролетариата...»¹.

Следует подчеркнуть, что коммунисты уже с начала 20-х годов рассматривали фашизм как международное явление и при характеристике его национальных вариантов стремились выявить прежде всего общие закономерности его развития. Видение мира сквозь призму классовую и мировой революции обусловило дальнейшие подходы коммунистов к определению сути феномена.

Оценка фашизма в течении десятилетия 1923-1933 гг. трансформировалась именно в этом направлении. V конгресс Коминтерна в 1924 г. характеризовал фашизм как «боевое оружие крупной буржуазии в борьбе с пролетариатом, который она не в силах сломить путем законных государственных мер», как «внезаконное средство борьбы, которым она пользуется для установления и укрепления своей диктатуры»².

VI конгресс в 1928 г. определил фашизм, находящийся у власти, как «безраздельную, открытую и последовательную диктатуру банков, крупной промышленности и аграриев»³. А после XIII пленума Исполкома Коминтерна в 1933 г. и VII конгресса в 1935 г. «классической» в среде марксистов стала оценка фашизма как открытой террористической

диктатуры «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»⁴.

Известно мнение (со ссылкой на П. Тольятти), что автором этой формулы был И.В. Сталин⁵. Даже если это и так, то основную часть подготовительной работы провел, как представляется, К.Б. Радек. За период 1933-1935 гг. он опубликовал в «Правде», «Известиях», «Большевик» и др. изданиях ряд блестящих по форме, содержательных статей о нацизме, но его вклад в развитие марксистской историографии по достоинству еще не оценен.

В статье «Падение доллара и воцарение Гитлера», опубликованной 1 мая 1933 г. в «Известиях», Радек писал: «Фашизм есть диктатура монополистического капитала, сумевшего себе вернуть поддержку всей мелкой буржуазии, которая не разгледела за фашистским флагом старых хозяев». Последующие слова Радека из той же статьи Сталин повторит через год на XVII съезде ВКП (б) почти слово в слово: «то, что переживает сейчас Германия, не является доказательством силы германской контрреволюции, оно является доказательством ее прогрессирующей слабости...».

К. Радек одним из первых начал заниматься изучением корней внешней политики Гитлера: «Не вдаваясь в гадания насчет темпов и методов развязывания политики германского фашизма, надо не терять из виду того факта, что национал-социалистическое ядро состоит из людей, "мировоззрение" которых формировалось в продолжение десятика лет и имеет идейные истоки, уходящие в 40-летнюю историю "пан-германского союза". Германские фашисты могут маневрировать, приспосабливаться, но нельзя недооценивать факта, что мы имеем дело с исторически сложившейся программой, которая отвечает настроениям значительных кругов средней и мелкой буржуазии»⁶.

Уже в 1933 г. К. Радек верно увидел два важнейших атрибута нацистской внешней политики – авантюризм и антисоветизм: «В своей авантюрной политике германский фашизм притрачивается того положения, что сила – понятие относительное»⁷; «Германский фашизм в своей политике исходит из того убеждения, что он наконец нацупал то историческое противоречие, которое позволит германскому империализму выскочить из версальских цепей, освободиться от последствий разгрома 1918 г. не в борьбе с мировым империализмом, а в качестве участника новой империалистической войны за новый передел. Это противоречие – антагонизм капиталистического мира с СССР»⁸.

Говоря о фашизме как международном явлении, К. Радек выделил три его основные черты: 1) он развивается на экономической почве переживающего кризис монополистического капитализма; 2) это не просто бюрократическое господство реакционных сил, а диктатура, опирающаяся на массовые, преимущественно мелкобуржуазные организации;

3) сочетание величайшего террора с необузданной социальной демагогией»⁹.

Характеризуя причины победы германского фашизма, Радек впервые, пожалуй, отмечает роль юнкерства: «На мекленбургских, померанских и ост-эльбских поместьях вскармливались отряды фашистских убийц, раньше, чем в карманы фашизма поплыли деньги из железных шкафов королей промышленности... Германский фашизм пришел легко к власти благодаря поддержке, которую ему оказали прусский юнкер – фельдмаршал Гинденбург и командование рейхсвера, состоящее из прусских юнкеров»¹⁰.

На этих характеристиках лежит печать некоторой упрощенности, но Радек был в первую очередь публицистом и писал для широкой публики. Возможно, когда-нибудь станет достоянием гласности и его деятельность в 1932-1936 гг. как зав. бюро международной информации ЦК ВКП(б) и тогда мы узнаем (если они сохранились, конечно) о каких-то аналитических обзорах, записках и т. п. для высшего руководства, что предполагала эта должность. Во всяком случае, вклад К. Радека в подготовку формулировок для документов XIII пленума ИККИ и VII конгресса Коминтерна очевиден даже из того, что было опубликовано.

В бывшем Центральном партархиве среди документов антифашистского комитета под руководством Б. Куна нам удалось обнаружить вариант доклада, с которым выступит на XIII пленуме ИККИ О. Куусинен. Документ датирован 3 ноября 1933 г., исчерплен множеством пометок, подчеркиваний и дополнений. Вот как за месяц до пленума было сформулировано определение фашизма: «Будучи у власти, фашизм является оголенной, террористической диктатурой крупной монополистической буржуазии и крупного аграрного капитала»¹¹.

XIII пленум, состоявшийся 28.11.–12.12.1933 г., даст похожую, но все же качественно иную форму (см. выше). Кто автор этих формулировок: Радек, Сталин или кто-то другой? Возможно, нам и не будет дано узнать об этом достоверно, но главное заключается в другом: вторая формула оказалась еще более расплывчатой, чем первая. Действительно, где граница между «наиболее» и «наименее» реакционными шовинистическими и т.д. элементами «финансового капитала»? – термина, тоже требовавшего расшифровки.

Эта формула концентрировалась вокруг одной социальной функции фашизм, совершенно не затрагивая многие другие, обходя вопрос о социальной базе фашизма, о фашистских движениях и партиях, не пришедших к власти, и проч., поэтому она была очень уязвимой для критики, чем и пользовались не только представители всех направлений немарксистской мысли. Ее критиковали уже тогда, в преддверии

VII конгресса «правверные», так сказать, марксисты (Р. П. Датт, Б. Бортновский, В. Кнорин и др.). Но их голос не был услышан.

Однако давайте зададимся вопросом: а мог ли вообще Коминтерн дать тогда качественно иную формулировку? Тем более, что у руля руководства встали такие, с позволения сказать, «теоретики», как И.А. Пятницкий и Д.З. Мануильский, и когда мнение Сталина уже не могло быть оспорено? Мог ли Коминтерн в 1933-1935 гг. говорить о том, о чем говорили и писали коммунисты в начале 20-х годов: что фашизм есть ответ на вызов большевизма, его «черная тень» и т.п.? Естественно, нет. Связь между возникновением коммунизма и происхождением фашизма подчеркивать для коминтерновской верхушки было невыгодно ни в каком плане. Лидеры Коминтерна, воспитанные на теориях загнивания и общего кризиса капитализма, всеобщей фашизации и «социал-фашизма», вольно или невольно рассматривали фашизм только как продукт гниения буржуазного общества, как «наиболее чудовищное порождение империализма».

Но как бы то ни было, формула фашизма, данная XIII пленумом ИККИ и закрепленная потом VII конгрессом Коминтерна, на десятилетия стала еще одной «священной коровой» марксистов и надолго перекрыла пути к поиску иных определений фашистского феномена.

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919-1932 гг. М., 1933. С. 297.

² Там же. С. 448.

³ VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стеногр. отчет. М.; Л., 1929. С. 65.

⁴ XIII пленум ИККИ. Стеногр. отчет. М., 1934. С. 589

⁵ *Лейбзон Б.М., Шириня К.К.* Поворот в политике Коминтерна. М., 1975. С. 163.

⁶ *Радек К.* Подготовка борьбы за новый передел мира. М., 1934. С. 44.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Там же. С. 128-129.

¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 60. Д. 244. Л. 23-24.

С.В. Халин

КПГ и НАЦИСТЫ В МАТЕРИАЛАХ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

В начале 30-х годов руководство СССР уделяло особое внимание германской компартии, так как она считалась крупнейшей партией Коминтерна в капиталистических странах. Эта официальная линия получила отражение в советской печати 1932-1933 гг., в частности, на страницах журналов «Большевик», «Борьба классов», в газетах «Правда», «Известия» и др. Особенно часто и активно выступали К. Радек, О. Куусинен, Д. Мануильский, О. Пятницкий.

Необходимо отметить, что отношение к КПГ в это время было неоднозначным: восхваление ее успешной деятельности чередовалось с критикой. Последняя преобладала в первой половине 1932 г. Отмечалось, что немецкие коммунисты недооценивали нацистов, уступая им в агитационной работе (подчеркивалось умение «наци», в отличие от «абстрактных» лозунгов КПГ, подбирать «простые и звучные лозунги», доступные для народа, и желание вести агитацию «везде и всюду») и в личной борьбе, не сочетавшейся с борьбой на предприятиях, где у КПГ практически отсутствовали даже опорные пункты. Отмечалась плохая посещаемость рабочими собраний коммунистов, считалась малоэффективной партийная печать, особенно заводская, не отражавшая насущных проблем конкретных предприятий и шаблонно повторявшая материалы центральных органов. Критически оценивалась также работа коммунистов среди безработных, численность которых превысила 5 млн человек. А ведь эта категория населения составляла наибольшую часть рабочих, вступавших в гитлеровские штурмовые отряды. При завоевании на свою сторону крестьянства и служащих, германская компартия забывала о том, что они – всего лишь попутчики, и, увлек-

шись работой в их среде, отвыкалась от работы на предприятиях и в профсоюзках. Даже при положительной оценке создания коммунистами массовых организаций (спортивных, атеистических и др.) отмечалось, что они не использовали членство многих участников этих организаций в реформистских профсоюзках.

В целом работа КПГ за 1932 г. оценивалась как «инертная и неповоротливая». Главным пороком считалось то, что они не смогли разбить социал-демократию, хотя усилили борьбу с ней. Но при всех отмечавшихся ошибках и недостатках в деятельности германской компартии, объяснявшихся в основном усилением фашистского террора и расколом рабочего класса, говорилось, что компартия маневроспособна и «более чем когда-либо расширила свой массовый состав».

По большому счету критерием качества работы КПГ считались прежде всего количественные показатели: данные парламентских выборов и число забастовок. При оценке выборов внимание уделялось не столько количеству голосов, отданных за КПГ, сколько уменьшению числа голосов, полученных ее главным противником СДПГ (с 1930 по 1932 г. последняя потеряла 1 338 000 голосов, а КПГ дополнительно получила 1 384 000).

В забастовочном движении особенно отмечался период ноября–декабря 1932 г., в течение которого произошло около тысячи стачек (в январе 1932 г. – 280), большинство которых закончилось победой бастующих. Среди производственных конфликтов особое внимание было уделено ноябрьской забастовке берлинских транспортников, названной «самым крупным явлением в общей международной забастовочной борьбе рабочего класса 1932 г.». Основанием для такой оценки послужил скорее всего факт введения в забастовочный комитет наряду с коммунистическими рабочими также нацистских.

Успехи нацистов вызвали минимальные опасения. Фашизм был объявлен продуктом не усиления, а разложения капитализма. Революция в Германии, как убеждала читателей советская пресса, «росла наряду и вопреки фашизму».

Все острее становилась критика социал-демократии. Практически все успехи фашистов объявлялись следствием ее предательства. Она считалась «главной социальной опорой буржуазной диктатуры», разоружала рабочий класс, внося раскол в ее ряды. Социал-демократические лидеры обвинялись в отказе принять многочисленные предложения ЦК КПГ о единстве действий против фашизма. Сликнованием отмечалось наметившееся в социал-демократическом движении разделение на рядовых ее членов – «завтрашних коммунистов, искавших подлинную дорогу борьбы с фашизмом», и руководство, якобы выступавшее за компромисс с Гитлером. На основании этого делался вывод о неизбежной гибели германской социал-демократии.

С началом 1933 г. деятельность КПГ стала оцениваться в советской прессе более благоприятно. Отмечалось усиление ее позиций, несмотря на участившиеся препоны со стороны СДПГ, нарушавшие стремление рабочих организовать должное сопротивление приходу Гитлера к власти. Оптимизмом обращалось внимание на усилившиеся конфликты в правительстве, а также на столкновения «Стальского шлема» со штурмовиками и стычки в среде последних.

Из материалов советской прессы вырисовывалась такая картина: все, что ни предпринимало фашистское руководство в Германии, вело к усилению позиций КПГ и приближало пролетарскую революцию. Так, было заявлено, что нацисты помогли компартии «своей политикой свертывания демократических институтов, подрывавшей основы власти буржуазии, опиравшейся на доверие народа». Этим подготавливались условия для создания единого фронта рабочего класса против капитала. Даже усилившийся фашистский террор «сплачивал рабочих», в доказательство чего приводились факты о совместных похоронах жертв коммунистическими и социал-демократическими рабочими или факт обороны членами КПГ от штурмовиков здания органа СДПГ – газеты «Форвертс».

Скорая неизбежность победы коммунистов в Германии виделась и в ухудшении экономической ситуации в стране. «укреплявшем волю рабочего класса в борьбе против капитала». Твердо проводилась мысль, что Гитлер, приход к власти которого был назван лишь «новым этапом в истории вызревания условий возникновения Советской Германии», не способен улучшить положение народа и что выход из кризиса для германского фашизма оставался один – война. А она, как предполагалось, поставит под сомнение существование самой капиталистической системы, открывая собой новый тур войн и революций.

Представление о наличии у КПГ определенного иммунитета от неудач усиливалось оптимистичным описанием улучшения ее работы в 1933 году. При этом предпочтение отдавалось опять же количественным показателям, прежде всего в сфере забастовочной борьбы, а вместо менее благоприятных (по сравнению с прошлым годом) результатов парламентских выборов приводились обнадеживающие данные об успехах печатной пропаганды. Так, сообщалось, что «Роте фане» выходила тиражом в 300 000 экземпляров, хотя в легальных условиях 1932 г. ее тираж не превышал 36 000. Из роста числа стачек и усиления движения безработных делался вывод, что немецкий рабочий класс «в массе своей враждебен фашизму». Грандиозной заслугой КПГ считался срыв устроенных фашистами «первомайских торжеств», восторгом говорилось о столкновениях рабочих со штурмовиками, порой заканчивавшихся перестрелками.

Советская печать долгое время уверяла своих читателей в непоколебимости позиций германской компартии, хотя постепенно появлялись и иные оценки. Так, в апреле 1933 г. О. Пятницкий в «Большевике» признал, что КПГ «не была готова к массовым репрессиям и не ожидала такого разгрома».

В конце 1933 г. подчеркивалось, что компартия Германии, превратившись в «подлинно большевистскую партию», тесно связанную с массами, стала «притягательной, мобилизующей и организующей силой всего революционного, что имеется в германском рабочем классе», и что ее «моральный политический авторитет еще никогда не был так высок», в отличие от социал-демократии, превратившейся в «смердящий труп».

Таким образом, советская печатная пропаганда вносила свой немалый «вклад» в недооценку угрозы фашизма и переоценку реальных возможностей германской компартии при полном игнорировании антифашистского потенциала других политических сил и прежде всего социал-демократии. Все это не только затрудняло реальное восприятие политической ситуации в Германии накануне и в начальный период гитлеровской диктатуры, но и дезориентировало самих немецких коммунистов, прельщаясь действительному отпору фашизму.

Е.В. Сердюк

ЗИГМУНД НЕЙМАН О СТАНОВЛЕНИИ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА

На исходе XX век. Его трагический опыт убедительно показал предпосылки для человеческого общества демократии, а не тоталитаризма. Современная демократия несовершенна, но это проявляется в частности, а тоталитарный режим порочен по своей сути, ибо тоталитаризм – прежде всего насилие.

Однако было бы заблуждением полагать, что крах фашистских режимов, а затем на рубеже 80-90-х годов и системы тоталитарного социализма означает, что угроза тоталитаризма исчезла окончательно. Родившись в XX в., он, вероятно, перешагнет и порог XXI столетия. Этим обусловлена необходимость изучения причин краха демократических режимов и установления тоталитаризма. Большую роль в этом изучении сыграли теоретики тоталитаризма: Х. Арендт, З. Бжезинский, Л. Шапиро и др. Имя Зигмунда Неймана в этом ряду занимает особое место. Он внес значительный вклад в развитие теории тоталитаризма своей книгой «Перманентная революция»¹, написанной в 1942 г.

В этой книге З. Нейман впервые выделил тоталитаризм как политический режим, отличающийся от предшествующих автократических или абсолютистских режимов. Тоталитарные режимы являются не исключением демократической модели политического правопорядка, а представляют собой действительно неограниченное «тоталитарное господство практически в каждой области человеческой активности» (р. 2-3). Автор считает, что «современные тоталитарные режимы приходят к власти революционным путем. Национал-социалистическая диктатура была установлена в ходе революции нигилизма» (р. 32). Основная

мысль работы заключается в том, что, придя к власти, национал-социалисты стремились к сохранению и «институционализации» революции. Эта революция разрушила существующую «систему», то есть Веймарскую республику, а на ее место возвела некий порядок, который поддерживает состояние постоянного поиска внешнего и внутреннего врага, чтобы обеспечить в «перманентной революции» свое тоталитарное господство. Дело усугубляется двойственным отношением фашизма к революции. С одной стороны, нацисты боролись против всемирной большевистской революции, а с другой — их коронным лозунгом была национал-социалистическая революция.

Возвышение немецкого национал-социализма развертывалось в контрасте с итальянским фашизмом. Германия представляла комплекс социальной структуры более высокоразвитой капиталистической страны, но при этом в ней сохранились феодальные пережитки.

Веймарская республика не могла остановить этот процесс. Наоборот, считает автор, немецкая республика была результатом поражения Германии в первой мировой войне, что отразилось на массовом сознании (р. 23). Созданная для поддержки среднего класса, она не была поддержана этим классом. Он выступил за «сильную власть», которая должна была остановить угрозу коммунизма. Фашизм, без сомнения, появился как реакция против большевизма и предполагаемой угрозы распространения его в Центральной и Западной Европе, утверждает автор (р. 14). Конституция Веймарской республики была очень прогрессивной и демократичной, но она вызывала только недоумения среди населения, так как была компромиссом между партиями и международной коалицией (р. 23).

Основную массу сторонников национал-социализма составили деклассированные элементы: ветераны первой мировой войны, безработные, нигилистическая молодежь — люди, вырванные из привычной среды, оторванные от своих корней (р. 28). Эти массы населения бросаются в политику, привнося иррационализм, считает Нейман. Это и помогло Гитлеру вести их за собой, используя тезис, что к массе необходимо относиться как к женщине (р. 117). Сложная социально-политическая ситуация усугубилась экономическим кризисом, начавшимся в 1929 г. Все эти процессы происходили на фоне постоянных скандалов, связанных с демократическими правительствами и их лидерами (р. 36).

З. Нейман, перечисляя причины падения Веймарской республики и утверждения тоталитарного режима, не дал характеристики всей эпохи. Между двумя мировыми войнами мир находился в состоянии политических, социальных, экономических потрясений и локальных войн. Эту тенденцию усугублял «великий страх», порожденный приходом к власти большевиков. В книге не отражена в достаточной мере связь между падением республики и психологическим состоянием германского

общества. Для страны, привыкшей к упорядоченному существованию, послевоенные потрясения были особенно мучительны, вызывали недоверие и растерянность населения. Не показана в книге роль коммунистической партии в падении Веймарской республики. А ведь в подрыве и развале республики коммунисты и фашисты были (по сути) союзниками. В этом одна из причин быстрого отступления демократии в Германии. Фашизм возник вследствие кризиса либеральной системы, но «без вызова большевизма нет никакого фашизма»².

В книге З. Неймана не отражена степень участия в разрушении Веймарской республики и тем самым, по меньшей мере косвенно, в подъеме национал-социализма определенных экономических кругов и таких консервативных групп, как армия и церковь. Поддержка Гитлера и национал-социалистов со стороны германской консервативной элиты была обусловлена не столько политической слепотой, сколько «великим страхом» перед коммунизмом и другими последствиями первой мировой войны.

При чтении работы З. Неймана возникают поразительные параллели между Веймарской республикой и современной Россией: социально-экономический кризис, коррупция, коллективное озлобление, появление большого слоя маргиналов. Когда говорят о демократическом режиме, чаще всего имеют в виду внешние атрибуты: конституцию, multipartийность, разделение властей, что было присуще Веймарской республике. Но часто пренебрегают внутренней стороной демократии — способностью индивида верно понимать закон, самостоятельно осуществлять его. В связи с этим необходимо говорить об особой демократической культуре, наличие которой в обществе тем более необходимо, что демократии обладают определенной олигархичностью.

Демократические режимы можно критиковать за их неустойчивость и слабость. Но, критикуя их, необходимо всегда помнить, что они предпочтительнее тоталитарного режима с точки зрения экономики, которая обеспечивает благосостояние страны. И самое главное — с позиций уважения к конституции, личным свободам.

¹ *Newman S. Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War. New York, 1965.*

² *Notte E. Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. München, 1968. S. 15.*

Н.Э. Вашка

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ В ПОВОЛЖЬЕ С ГЕРМАНИЕЙ

Проблемы культурных связей Республики немцев в Поволжье и Германии в период Веймарской республики практически не рассматривались в литературе, что было связано с закрытостью темы исследования. В то же время культурный диалог немцев России и Германии имеет более чем двухвековую историю. Автономная область немцев Поволжья была образована в октябре 1918 г. и испытала все эксперименты советской власти – разрушение налаженных экономических связей, продразверстку, особенно жестокую в «богатых немецких колониях», как они представлялись руководству центра, голод 20-х годов.

Руководство области (с 1924 г. республики) после подписания Рапалльского договора 1922 г. начинает поиски контактов с эмигрантами, капитал которых был переведен в Германию. С марта по май 1925 г. в Германии был председатель СНК республики В. Курц. Он провел переговоры с представителями германского правительства, промышленными кругами, представителями эмиграции об установлении постоянных экономических и культурных связей. Итогом в области культуры стало подписание протокола об образовании в Германии специального комитета по культурным связям с Немецкой республикой. В рамках его были предусмотрены: обмен информацией о культурном положении и потребностях республики, снабжение книгами школ и библиотек, использование учителей и других специалистов для работы в Поволжье¹.

В марте–мае 1926 г. в составе официальной делегации председатели ВЦИК республики И. Шваба были нарком просвещения А. Шенфельд и ряд учителей². Они установили связь с Германским учитель-

ским союзом, с Центральным институтом образования и воспитания, выступали с рассказами о состоянии школы и учреждений культуры в немецком Поволжье. Общество по изучению Восточной Европы совместно с представителями культурного отдела МИД Германии разработали программу по оказанию помощи в культурной области. Часть этой программы – обмен учителями, помощь литературой – были реализованы германской стороной³.

Культурный обмен предусматривал обеспечение Немецкой республики литературой на немецком языке. Практически полное отсутствие учебников и пособий, трудности с налаживанием собственной типографии в Немецкой республике побудили ЦК ВКП(б) 28 августа 1925 г. издать постановление по снятию ограничений в получении литературы из Германии. В марте 1926 г. Общество по изучению Восточной Европы передало 900 книг для учительских библиотек⁴. В октябре 1928 г. были выделены 50 тыс. руб. валютой на закупку книг для открывающегося педагогического института в Энгельсе. Но направляемая литература подвергалась тщательному просмотру на предмет соответствия партийным идеологическим установкам. Когда были просмотрены списки полученной литературы, оказалось, что там было мало произведений классиков, но представлены, например, протоколы социал-демократических партий. Вывозные в составлении столь «невыверженного заката» были наказаны⁵.

Параллельно с официальными связями активную деятельность развернули неправительственные организации и союзы Германии. Это «Verein für das Deutschtum im Ausland», Auslandsinstitut в Штутгарте, «Verein der Wolgadeutschen» и целый ряд других. Союз поволжских немцев ставил целью: объединить немцев с Волги, находящихся в Германии, для подготовительной работы по хозяйственному и культурному строительству волжских колоний, поддерживать денежными средствами молодежь, обучающуюся в Германии, подготовить учителей и специалистов сельского хозяйства, прибывающих с Волги, основать прессу для освещения жизни в Германии и России⁶.

Заметную роль в укреплении культурных связей сыграла периодическая печать эмигрантских организаций. В первую очередь издания эмигрантов с Волги: «Wolgadeutsche Monatshefte», выходявшие до июня 1925 г., «Mitteilungen des Vereins der Wolgadeutschen», газета «Der Wolgadeutsche». Новости по политической и культурной жизни Германии, статьи о жизни немцев на Волге и в других немецких колониях СССР, зарисовки о быте, культуре, религиозной жизни, тексты песен, рассказы и стихи принадлежат перу и поволжских, и германских авторов.

Духовным контактам способствовала большая издательская деятельность в Германии обществ немцев Поволжья: солидные моногра-

фии, популярные брошюры, статьи в журналах, церковные календари. Насколько жесткой была цензура всей печатной продукции, издававшейся за рубежом, говорит письмо агитпропотдела ОК ВКП(б) Немецкой республики в Главлит с просьбой разрешить посылать в адрес редакции журнала «Unsere Wirtschaft» экземпляр журнала «Deutsche leben in Russland». Когда же номер пришел, сотрудники редакции не разрешили перепечатывать материалы из него в местной печати, сочтя критическую информацию порочащей социалистическое строительство в республике⁷. Поэтому литература, приходящая по родственным каналам или по линии церкви, часто изымалась как контрреволюционная.

Духовная связь поддерживалась также через церковь. Именно ее помощь власти воспринималась наиболее настроенно. Посылки с духовной и светской литературой, продовольствием, лекарствами, просто письма известных своей активностью пасторов, пытавшихся поддержать свою паству, стали объектом пристального внимания со стороны ГПУ.

Более плодотворными были научные контакты. Совместную научную работу с учеными Германии в области диалектологии вел профессор Саратовского университета Г.Г. Дингес, неоднократно выступал на конференциях доцент СГУ П. Зиннер, со многими научными обществами и институтами поддерживал связи краеведческий музей республики, а зав. отделом археологии П. Рау был приглашен в 1929 г. на международный археологический конгресс⁸. При поддержке различных институтов работы ученых публиковались в Германии, и сегодня они являются ценным источником для восстановления истории культуры немцев Поволжья⁹. Безусловно, интерес к республике и со стороны министерства иностранных дел, и со стороны эмигрантов и широкой общественности был огромен. Это подчеркивали министр иностранных дел Штрэземан и известный политический деятель О. Хётч, отметивший в докладе в 1927 г. «Культурная заинтересованность Германии в Советском Союзе», что немцы, живущие в СССР, являются культурным мостом, соединяющим Германию с Союзом¹⁰.

Культурные связи на разных уровнях нарушились с началом коллективизации, когда немецкие крестьяне ответили на темпы и методы ее массовой эмиграцией. Изменившаяся внутриполитическая обстановка в СССР и приход к власти в Германии Гитлера привели к полному разрыву с таким трудом создававшихся хозяйственных и культурных связей. Всякая частная переписка преследовалась, прекратились контакты ученых, многие из них были репрессированы. Священнослужители, пытавшихся организовать в период голода 1933 г. кампанию помощи со стороны соотечественников, арестовывали, а церкви закрывали.

Таким образом, многосторонние связи Немецкой республики – партийно-правительственные, между научными учреждениями и общест-

венными организациями, церковно-религиозные, личные контакты – преследовали разные цели. Партийно-правительственный уровень со стороны ВКП(б) был призван продемонстрировать на примере Немецкой республики решение национального вопроса и стимулировать расширение революционного влияния на германский пролетариат. Научный обмен плодотворно сказался на развитии истории, археологии, диалектологии. Сотрудничество на уровне церкви поддерживало верующих в условиях широкой антирелигиозной кампании. Личный уровень связей, начало которому дала сначала эмиграция 70-х годов XIX века, затем революция и эмиграция 20-30-х годов, был наиболее продолжительным. Он позволил сохранить религию и немецкую культуру в кругу семьи.

Идеологическая перегруженность внешней культурной политики СССР в целом не позволила развиваться выгодным для обеих стран связям в области техники, науки, культуры, образования. Отдел культуры МИД Германии, активно сотрудничавший с эмигрантскими организациями, также проводил акции в соответствии с внутренней политикой правительства и международным положением. Результаты культурных связей Германии и Немецкой республики надо поэтому рассматривать с учетом реальных условий сосуществования двух государств в 20-30-е годы.

¹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn, Deutschland (далее – PA AA Bonn). R 83864 IVa Russland; Richter H. Die Deutsch-wolgadeutsche Beziehungen // Das Neue Russland. 1926. С. 5/6. S. 315-316.

² PA AA Bonn. R 60201. Russland; Энгельский филиал государственного архива Саратовской области (далее – ЭФГАСО). Ф. 849. Оп. 1. Д. 587. Л. 2.

³ PA AA Bonn. R 83864 IV a Russland.

⁴ ЭФГАСО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 294. Л. 52.

⁵ Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее – ЦДНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 42-44; Д. 1799. Л. 469-471.

⁶ PA AA Bonn. R. 60203.

⁷ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1280. Л. 61; Д. 1266. Л. 115, 134, 141.

⁸ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 542.

⁹ Dinges G. Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen. Bilder von P. Rau. Berlin und Leipzig, 1932; Sinner P. Der Deutsche im Wolgalande. Für die Jugend. Verlag von J. Belz. 1930.

¹⁰ Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 26/27. Л. 13.

А.Л. Худобородов

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ

В 20–30-е годы XX века одним из центров русской эмиграции была Германия. В частности, Берлин в 1921–1925 гг. стал общепризнанным центром русских литературных и научных сил на чужбине, а общая численность русской эмиграции в Германии в эти годы достигла 250 000 человек¹. В дальнейшем, в связи с изменением экономической конъюнктуры и усилением политической и социальной напряженности в стране, число русских эмигрантов в Германии уменьшилось до 90 000 в 1930 г. и до 45 000 в 1937 г.²

Уже в начале 20-х годов часть русских эмигрантов в Германии, особенно монархисты, имела тесную связь с нацистами. Так, возглавлявший русских монархистов в Баварии генерал В.В. Бискупский всегда поддерживал контакт с баварскими немецкими националистами. По утверждениям ряда русских эмигрантов, у В.В. Бискупского в начале 20-х годов «была большая заслуга перед режимом наци: во время неудачного мюнхенского «путча» он укрыл в своей квартире самого Гитлера»³. Позднее, в 1936–1945 гг. именно В.В. Бискупский возглавлял Управление делами русской эмиграции в Германии.

Многие русские эмигранты в 20-е годы волей судьбы оказались вместе с немцами в нацистских молодежных лагерях и специальных школах. Один из эмигрантов, Виктор Александров, вспоминал позднее, как в 1922 г. он попал в специальную школу в Шварцбурге, в Тюрингии, которая официально называлась «Учебное заведение директора Петера Васеля, предназначенное для физического и морального совершенствования молодежи». Об обстановке в этой школе Александров писал: «Школа оказалась тюрьмой. Германия, какой я узнал ее, вызы-

вала отвращение. Все вокруг – директор, учителя, чиновники в городе – жаждали одного – реванша. Какой у меня выбор: вернуться домой и оказаться среди людей, которые ведут бесцельную разгульную жизнь, или остаться здесь и стать таким же садистом, как остальные, избивать младших и распевать “Германия превыше всего”?»⁴

Значительно усилился мировоззренческий и политический интерес русской эмиграции к национал-социализму в 30-е годы. И связано это не только с приходом Гитлера к власти. Тяготение многих эмигрантских организаций к нацизму, фашизму объяснялось также элементами антикоммунизма и социальной справедливости в идеологии нацизма, недовольством белой эмиграции сближением западных демократических государств с СССР, ухудшением политической атмосферы вокруг русских эмигрантов во Франции, Чехословакии и других странах. Наконец, многие эмигранты надеялись с помощью стран Антиконтинентервовского пакта уничтожить власть большевиков в СССР, то есть осуществить заветную цель Белого движения.

В 1933 г. в Германии было создано Российское освободительное народное движение (РОНД) под руководством А.П. Пельхау-Светозарова, которое имело около 200 «штурмовиков» (по гитлеровскому образцу), издавало «Голос РОНДа», «Пробуждение России», «Девятый вал». Однако РОНД был закрыт германскими властями.

В 1935 г. в Германии возникло Российской национальное и социальное движение (РНСД) во главе с полковником Н.Д. Скалоном. Представитель РНСД в Берлине барон А.В. Меллер-Закомельский, выступая с докладом, говорил: «За границей нас пытаются выставить купленными агентами “гитлеризма”, но Движение наше совершенно свободно и самостоятельно и ни в какой зависимости от германской партии или властей не находится. Оно существует и работает на жертвенные, трудовые гроши российских эмигрантов. Да, мы преклоняемся перед личностью Вождя Германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем, как и в его союзнике Бенито Муссолини, духовного вождя мировых сил света, спасающих человечество от крошечной тьмы большевизма. Не деньгами купил Адольф Гитлер наши сердца, а силой своего духа и правдой своей идеи»⁵.

В 1936 г. в Париже был создан Русский национальный союз участников войны (РНСУВ) во главе с генералом А.В. Туркулом. Союз имел свое отделение в Германии. Девиз РНСУВ: «Бог – Нация – Социальная справедливость». В 1938 г. Туркул заявил: «Наш идеал – фашистская монархия». Руководитель Русского общевоинского союза (РОВС) генерал Миллер подчеркнул в своем приказе от 2 января 1937 г.: «Мы, члены РОВСа, являемся как бы естественными идейными фашистами. Ознакомление с теорией и практикой фашизма для нас обязательно»⁶. В 1938 г. РНСД, РНСУВ, Русский фашистский союз в Маньчжурии во

главе с К.В. Родзевским, Русский национальный союз в Америке (председатель Н. Мельников), кружки друзей «Голоса России» Солоневича объединились в Национальный фронт.

Однако не все русские эмигрантские организации в Германии ориентировались на нацизм. Были и противники нацистской идеологии. Многие эмигранты всерьез восприняли неоднократные предупреждения А.И. Деникина об антиславянской и антирусской направленности книги Гитлера «Майн Кампф». Негативно относился к сотрудничеству с нацистами и с германской разведкой Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), возникший в 1930 г. и имевший свое крупное отделение в Германии. Главная задача НТСНП – «Национальная революция» в России, направленная против коммунистов и организованная лишь силами народа изнутри России, а не извне.

Политика гитлеровского руководства в отношении русской эмиграции, даже ориентировавшейся на нацизм, была двойственной. В первые годы после прихода Гитлера к власти лидеры национал-социализма нередко заявляли, что политика Германии «не идет вразрез с интересами национальной России», а в 1936 г. Гитлер провел прямое различие между Россией и большевизмом⁷. Но в дальнейшем руководители «третьего рейха» проводили все более негативную политику в отношении русской эмиграции, ограничивая ее деятельность. Гитлеру не нужна была в будущем самостоятельная Россия, даже и без коммунистов, и в этом плане цели русской белой эмиграции ему были чужды. Не случайно в 1938-1939 гг. были распущены в Германии все политические, в том числе и профашистские, организации русских эмигрантов, и было создано единое Управление делами русской эмиграции.

В начале 40-х гг. в Берлине была проведена выставка, на которой все славянские народы, прежде всего русские, украинцы и белорусы, были представлены как «унтерменши»⁸. В первые недели после нападения Германии на СССР начальник второго германского отдела РОВС генерал фон Лампе предложил немецкому главнокомандующему фон Браухичу сотрудничество РОВС в борьбе против коммунистов, на что тот ответил, что «в войне Германии против Советского Союза привлечения русской эмиграции не предвидится». Русским эмигрантам запрещены были поездки и деятельность на оккупированной фашистскими войсками территории СССР. Длительное время гитлеровское руководство было против формирования вооруженных частей из русских эмигрантов и советских военнопленных.

В то же время нацистское руководство, и прежде всего министр по делам восточных территорий Альфред Розенберг, проводило линию на разжигание сепаратизма и национализма среди российских эмигрантов, противопоставляя русским украинцев, белорусов, тюркские народы, а также казаков, обещая выделить автономную область «Казаккию». Не

случайно, в ноябре 1943 г. в Берлине было создано главное управление казачьих войск во главе с П.Н. Красновым. А для решения всех вопросов, связанных с жизнью казаков в Германии и на территории оккупированных ею стран, при министерстве по делам восточных территорий было организовано «Kasackenleute-Stelle».

Жизнь показала беспочвенность и иллюзорность надежд части белой эмиграции на возрождение национальной России с помощью нацизма и фашистской Германии. Идеология национал-социализма противоречила коренным интересам как немецкого, так и всех других народов.

¹ См.: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919-1939. М., 1994. С. 262.

² См.: там же.

³ См.: Прянников Б. Новопоколенцы. Спринг Сильвер (США), 1986. С. 95,97.

⁴ Александров В. На чужих берегах. М., 1987. С. 66.

⁵ Цит. по: Назиров М. В. Миссия русской эмиграции. Т.1. Ставрополь, 1992. С. 261.

⁶ Там же. С. 262.

⁷ См.: Известия. 8 марта 1936. Возрождение (Париж), 1936. 8 марта. С. 1; 12 марта. С. 2.

⁸ См.: Жадин П.В. Русская судьба: Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. М. С. 130.

БОННСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И РОССИЯ СЕГОДНЯ

Петер В. Шульце

ПЕРЕЛОМ И ЛЕГИТИМНОСТЬ: МОСКВА – НЕ ВЕЙМАР

1. Суть перелома: поиск идентичности

Периодам социальных переломов присущи как поиски обществом своего идентичного места в истории, так и крайняя трудность определения перспективы общественно-политического развития и наполнения ее конкретным содержанием. Ибо надо решить сразу две фундаментальные задачи: во-первых, преодолеть прошлое и, во-вторых, создать позитивный образ будущего.

Процесс социальной и политической эмансипации европейской буржуазии, начавшийся в конце XVIII века и завершившийся почти во всех развитых индустриальных странах Запада в конце первой мировой войны, шел целиком под знаком Французской революции. Она определила принципы политического и общественного строя, его институты, а также основные понятия для последующих теоретических диспутов.

Сила воздействия этого символического события не ослабевала вплоть до середины XX века, когда утвердились политические, социальные и экономические основы буржуазной демократии. После интермедии – фашизма и войны – в Европе гегемоном западного мира в bipolarной послевоенной системе становятся США, что позволило им распространить нормы своей политической модели. Эта новая реальность нашла свое научное отражение в частности в том, что доминантой в деятельности созданных во всех вузах Германии кафедр политических наук или политологии стали не конституционное право или история идей, а эмпирически ориентированные американские теории – бихевиоризм, институциональное учение и компаративистика, или «сравнительное изучение систем господства».

Что же касается Федеративной республики, то в ее демократическом развитии можно выделить четыре частично пересекающихся этапа:

1. Короткий период конституирования с начала до середины 50-х годов. Время, которое прошло целиком под знаком противостояния Восток-Запад, войны в Корею и событий в Восточной Европе. Отражение коммунистической угрозы – как доминирующий фактор внешней политики и политики безопасности – определяло внутривнутриполитическое устройство страны и в значительной степени повлияло на то, что были отклонены общественно-политические и экономические альтернативы рeamилитаризации и западной интеграции. Извлекая уроки из опыта Веймара, молодая республика старалась отвести угрозу своей демократии и складывалась как *оборонеспособная демократия*. Об этом стремлении свидетельствуют и решение Конституционного суда о запрете право- и леворадикальных партий, и предшествовавшая формированию элит денацификация, сколь бы несовершенной и формальной она ни была.

2. Период консолидации с середины 50-х до начала 70-х годов. Завершение фазы восстановления означало полное политическое, военное и экономическое включение Федеративной республики в НАТО и в процесс европейской интеграции. Экономический рост и внешнеполитическая безопасность стали важнейшими приоритетами в политике, не допускающей никаких экспериментов. С середины 60-х годов начинается осторожная смена направления. Если в 50-е годы внешняя политика и политика безопасности лишь гарантировали приоритет внутренней политики, то после строительства Берлинской стены в 1961 г. и в связи с войной во Вьетнаме впервые проявляется раздражение по отношению к США. Федеративная республика осторожно выходит из тени американской внешней политики.

3. Бум инноваций в экологической и технологической сферах, европеизация германской политики в 80-е годы. На это время, ввиду «двой-

ного решения» НАТО, приходится усиливать германской и европейской политики по формированию курса, более отвечающего их собственным интересам. Социал-демократические тезисы о «самоутверждении Европы» в области политики безопасности, а также обновление на базисном уровне застывшей демократической системы указывали на то, что приближается конец послевоенного обустройства. Форсирование процесса европейской интеграции, как и прежде, обуславливалось внешним фактором, но на этот раз – изменившимися условиями международной конкуренции и угрозой отставания в сфере информационных технологий.

4. Объединение Германии и трудности «нормализации». С объединением страны начинается фаза, отягощенная острой внешней социальной и экономической нестабильностью, а также чрезвычайно высокой ценой внутренней интеграции. В этих обстоятельствах впервые появляются признаки внутривнутриполитической блокады или иммобилизации в сфере принятия решений. Одновременно происходит первый сбой механизмов социальной интеграции, и у социальных групп проявляется до той поры невиданная, пугающая готовность к насилию. В то же время идеология европейской интеграции утрачивает свою обязательность: Европа – читай: единая европейская валюта и анонимная бюрократия в Брюсселе – воспринимается негативно, как угроза.

На фоне успешной западной интеграции, экономической и политической консолидации Федеративной республики все дискуссии 50-х годов о «третьем пути» теряют смысл. Точно также экономическое чудо 60-70-х годов сияло пугающую остроту вопроса «Не является ли все же Бонн Веймаром?». В конце концов «готовая защищать себя демократия» могла и материально поощрять своих граждан и демократические убеждения. Что же касается критической «базисной оппозиции» среди «зеленых», а также «революционеров» из левых «сторонников обновления системы», то по отношению к ним осенью 1978 г. избирательно применялись как репрессии, так и методы интеграции.

По-видимому, только с объединением страны открывается новая глава послевоенной германской истории и начинается движение по курсу, цель которого не определена. Европейской гавани угрожают волны отрывных рыночных просторов и все более жестокой конкуренции на мировом рынке, а покровительство США проявляется только тогда, когда европейские союзники уже не в состоянии обустроить свой собственный дом. Западная ориентация сильно по-прежнему, но ее защитная и нормативная функции слабеют. Несмотря, а может быть и в силу интеграции, несмотря на процессы глобализации, политические условия организации экономики и общественной сферы становятся все более сложными, а ее результаты – все менее предсказуемыми. Пропорционально этому растут чувства неуверенности и страха перед будущим.

Итак: достигнет ли на исходе века Боннскую республику участь Веймарской или политическим элитам страны удастся предложить такую концепцию будущего, такую идею общественного согласия, которые смогли бы еще раз направить энергию народа в русло позитивных преобразований? Однако ответ на этот вопрос зависит не только от германского развития. Это – европейская проблема.

Но вернемся к ситуации в России, к проблеме определения ею своего места в истории и к поискам идентичности в переходный период, в условиях социального перелома. Следует напомнить о том, что даже Октябрьская революция претендовала на доведение до конца буржуазной революции. При этом она считала себя искрой социалистического переворота политической и экономической системы капитализма в мировом масштабе. Однако социально-экономическая отсталость и международная изоляция обусловили деформацию изначально радикально-демократического и социалистического содержания революции. В результате возникла сталинистская система тоталитарного господства.

С помощью теоретической конструкции «социализм в одной стране», а позднее – теорий «саженной крепости» и «двух лагерей» сталинизму удалось обосновать свою легитимность, не заботясь более о необходимости ссылаться на исторический или какой-либо иной опыт развития. Отныне социалистическая революция перестала быть искрой мировой революции и, напротив, мировая революция определялась как гарант молодой Советской республики и превращалась в инструмент политики национальной безопасности СССР. Советский тип революции, накопления и общественного устройства провозглашался образцом для других народов, от которого не должно быть никаких «национальных» отклонений.

После крушения советской империи в странах Центральной Европы, составлявших прежде зону советского господства, начался процесс осмысления, который, подобно тому, как это было в начале становления Федеративной республики, но более быстро и радикально, вел к разрыву, по форме и содержанию, с ближайшим, извне отгроханным, прошлым. И в этих странах западная интеграция, а именно вступление в Европейский союз и принятие в Североатлантический пакт, стала основной политической целью. Однако в поисках идентичности элиты этих государств апеллируют к представлениям и установкам, отличным от тех, что доминировали в период конституирования Федеративной республики, а ссылаются прежде всего на собственную историю и используют свои националистические символы и традиции.

В связи с этим возникает вопрос, выходящий за рамки доклада. Но они свидетельствуют о наличии скрытого противоречия междудиктуемыми западной интеграцией требованиями, в частности, – отказом от национального суверенитета и передачей его наднациональным или

региональным органам в Брюсселе (НАТО и ЕС). Этому противостоят стремление новой государственности к легитимации на основе националистических или даже этно-национальных традиций. Время покажет, каким образом центральноевропейские страны разрешат это противоречие. Но следует опасаться того, что они принесут с собой эту чреватую взрывом проблему в сложные и хрупкие структуры Европейского союза, предназначенные для достижения компромисса и согласия!

В бывшем центре Советской империи, в Российской Федерации, вопрос об интеграции в структуры Запада не ставится. Речь идет о тесном сотрудничестве с Западной Европой и подключении к идущим там процессам, а также об использовании западного опыта в деле социального и политического структурирования государства. Отвлекаясь от фазы собственно конституирования в 1991-1993 гг. – от «романтического периода ориентирования на Запад», – сейчас можно утверждать, что в общественно-политическом строительстве доминирует прагматический эклектизм. Однако, в отличие от стран Центральной Европы, которые с самого начала в большей или меньшей степени попали в сферу притяжения Европейского союза, в Российской Федерации возникли конфликты между традиционалистами, градуалистами и обновленцами. Распространяются иллюзии относительно «особого русского пути» – этой «евразийской» альтернативы западной модели демократии и экономического развития, и часто кажется, что великодержавные амбиции способны компенсировать экономическую отсталость. Если же учесть отсутствие демократических традиций и учреждений, т.е. гражданского общества, то подобные явления порождают аналогии с первой германской республикой – с Веймаром. Но это неверно, ибо ни внутривнутриполитические условия, ни внешние факторы не совпадают. Если уж обращаться к истории и проводить сравнительный анализ, то скорее можно говорить о параллелях с послевоенной Германией.

II. Детерминанты развития Федеративной республики

Несмотря на то, что есть риск использовать слишком грубые и упрощенные схемы, все же представляется, что до сих пор сравнительный исторический анализ чересчур ориентирован на выявление внутренних детерминант. Напротив, проблема обусловленности внутренней политики внешними связями, особенно мировой экономикой и политической безопасностью, а также институциональное переплетение политических процессов в международной системе получает далеко не полное освещение.

Качественно новым моментом в послевоенной истории является присутствие международных организаций и их влияние на процесс демократических преобразований как в Западной, так и в Восточной

Европе. Это обстоятельство позволяет говорить о схожести развития современной России и Германии после 1945 г.

Опыт Веймара в этом смысле совершенно иной, что подтверждается следующим:

1. Пожалуй, самое основное, что отличает процессы послевоенного становления Федеративной республики и демократического развития России, это – их разные социальные, политические и экономические предпосылки:

– Послевоенное общество в Германии отражало специфическую социальную структуру и формы организации партикулярных интересов, которые сложились в ходе капиталистического хозяйственного развития со времен вильгельмовской империи. В экономике доминировал целый спектр частных предпринимателей, начиная с самостоятельных врачей, адвокатов и т.п., далее – частных ремесленников, мелких и средних предприятий и кончая крупными концернами.

– В общественно-политической сфере партии, массовые общественные организации и профсоюзы, а также объединения являются интегральной частью германской демократической системы и в то же время осуществляют преемственность с исторически сложившимся гражданским обществом, даже несмотря на то, что оно временами отклонялось от магистральных путей цивилизации. В структуре власти средний класс играет важную роль буфера и связующего звена.

– Несмотря на первоначальную усталость от политики, вызванную годами национал-социалистической диктатуры, для послевоенной Германии была и остается характерной весьма высокая готовность граждан активно участвовать в деятельности партий или общественных организаций и тем самым вносить свой вклад в дело создания нового строя. Правда, и в нынешней России степень участия в выборах не столь низка, чтобы вызвать серьезную тревогу.

– Деятельность экстремистских общественных и политических движений или организаций, подрывающих конституцию (Основной закон) была либо нейтрализована институтами новой демократии, либо запрещена (организации-пресмишцы национал-социализма, коммунистическая партия).

– На всех уровнях федерации вновь возрос авторитет государственной власти, которую некоторое время представляли западные оккупационные державы. Авторитет государства стал основой и гарантией правового государства. Тем самым гражданам, как юридическим субъектам права, была обеспечена защита от любого произвола. При этом большое значение придавалось такому структурному принципу государственного строительства, как децентрализация и самостоятельность германских земель. В конституции были зафиксированы гарантии прав и обязанностей регионов и коммун, и, в силу этого, на них легла ответ-

ственность за социальное и хозяйственное развитие своих территорий. В сложной системе демократического контроля земли – через бундесрат – осуществляли важные организационные и контрольные функции по отношению к политике исполнительной власти. Таким образом, в этой сфере был осмыслен и преодолен негативный опыт централизации и унификации периода фашистской диктатуры. Система германского федерализма как принцип организации и упорядочения политической жизни находит широчайшую поддержку населения.

– Что же касается идеологии, то в массовом сознании можно, пожалуй, выделить два элемента, определявшие политику Федеративной республики:

а) «европейская идея» вместо традиций национализма и милитаризма;

б) позитивная, ориентированная в будущее идея восстановления, которая в итоге воплотилась в германское экономическое чудо и смогла мобилизовать силы общества.

– Прочный, возможно именно из-за поражения сложившийся консенсус общественных сил. Его основой стали концепции социального рыночного хозяйства и социального партнерства. Наличие такого согласия в значительной степени способствовало ускорению экономического восстановления и модернизации страны, а также тому, что политическое сопротивление преодолевалось без крупных общественных конфликтов.

2. Несмотря на политическую слабость немецкой буржуазии, с конца XIX века буржуазное общество в Германии развивалось на основе необычайно агрессивной, современной и обновляющейся экономики. Уже перед первой мировой войной кайзеровская Германия обогнала Великобританию в том, что касалось серийного промышленного производства, его эффективности, а также концентрации капитала и труда в крупных концернах. В иных условиях – в обстановке мирового экономического кризиса – германский фашизм продолжил такое развитие, но в иных формах. Поэтому нельзя отождествлять германский фашизм только с противодействием социалистической революции (запрет политического рабочего движения и профсоюзов) с помощью милитаризации экономики или с холокостом. Это привело бы к игнорированию роли этого несчастного периода в деле модернизации производства и ускорения технологического обновления, а также в процессе ликвидации остатков феодально-аристократического мышления с помощью националистически-расистской массовой идеологии. Фашизм не прервал становления буржуазного общества. На время оно приняло другие формы, сделав ставку на напряжение всех ресурсов труда и капитала (снижение доходов, трудовая повинность и т. п.) в целях подготовки к войне.

3. Преемственность элит в административно-правовой, политической, экономической и военной сферах сохранилась как в условиях прихода фашизма к власти, так и при переходе к Федеративной республике.

4. Правда, фашизм пытался создать параллельные элиты через организацию национал-социалистической партии, СС и СА.

5. Конец «безгосударственного» периода после 1945 г., хотя и при верховной военной власти союзников, стал началом последовательного формирования экономических и социальных отношений не только в западных, но и в восточных зонах оккупации. Эти процессы весьма наглядно отражали соответствующие нормативные представления оккупационных властей. В Федеративной республике в основных чертах складывалась система западной парламентской демократии, базирующаяся на постепенном введении рыночного хозяйства. Это развитие продолжило становление буржуазного общества с конца XIX века и что еще важнее, опиралось на наличие квалифицированной рабочей силы и компетентных специалистов. В советской зоне оккупации осуществлялась попытка общественных преобразований под знаком социализма, что было связано с созданием элиты, соответственно идеологически и политически ориентированной.

6. Однако решающим – и в этом важнейшее отличие от Веймара – было то, что общественно-политические модели реализовывались под контролем извне. В обоих случаях имело место внешнее принуждение: оно сохранялось в ГДР, в силу ее социально-экономической отсталости; в Западной Германии демократический проект осуществлялся, вплоть до объединения в 1990 г., под контролем западных держав.

7. Вступление Федеративной республики в структуры западноевропейской интеграции соответствовало этапам регионального объединения: сначала создание Объединения угля и стали, затем подписание Римского договора о создании Европейского сообщества и, наконец, его превращение в 1991 г. в Европейский союз. В той мере, в какой эти проекты способствовали хозяйственной стабилизации и процветанию, западногерманская демократия получала средства экономического поощрения своих граждан, которые все больше идентифицировали себя с нею. Тем самым удалось в конце концов преодолеть национализм и излечить страну от милитаризма.

Политическая интеграция с Западом, преодоление национализма посредством передачи суверенитета коллективным органам европейского единства и военное сотрудничество в Атлантическом пакте создали политические предпосылки для успешного процесса демократизации Германии.

Региональное экономическое включение в Европейское сообщество и растущая ориентация Германии на мировой рынок, требовавшие вы-

ведения на совершенно новый уровень кооперации в финансовой и торговой сфере, а также сотрудничества и соглашений в области технологии были и остаются важнейшими факторами интернационализации не только производства, но и воспитания элит. Учеба и работа за границей, работа синостранными предпринимателями в Германии – короче, интернационализация хозяйственных, научных и политических элит – стали сейчас частью процесса их формирования. Это способствует созданию «открытого общества», которое, в силу своего экономического потенциала, считалось вплоть до воссоединения страны соответствующим духу времени и во многих отношениях образцом для других западноевропейских государств.

Социальная политика ФРГ, ее федерализм, гарантированные права земель, концепция производственной демократии, соучастия рабочих и т.п. вызывают завистливое восхищение Европы перед «германской моделью», как стали говорить со времен канцлерства Брандта и Шмидта. До начала 90-х годов опыт Германии часто рассматривался государствами – членами Европейского союза как руководство к действию. Отклонение от модели, ее недостатки проявились в условиях обострения международной конкуренции и повышения экономической и социальной цены объединения страны, что вызвало значительный рост государственного долга.

Тем не менее, было бы неверно полагать, что успешному до сих пор проекту что-то угрожает. Дело прежде всего в том, что через 50 лет успешных преобразований Германия вновь должна подвергнуться процедуре изменения системы, что вызвано изменением внешних условий существования, которые на сей раз действуют против Федеративной республики, а преодоление раскола Европы не может служить компенсацией. Такая трансформация ни в коем случае не будет столь радикальной, как при переходе от СССР к Российской Федерации. Но она так же сложна, поскольку и в Федеративной республике речь идет о «сокращении» привилегий – о реорганизации или отмене субвенций и налоговых льгот. Короче говоря, жирные и спокойные времена прошли. К осознанию этого сурового факта население оказалось неподготовленным. Нужно не только по-новому структурировать и перестраивать, но также решиться на борьбу с могущественными группами партикулярных интересов и лоббистов, представляющих экономику, профсоюзы и объединения. Ведь они могут мобилизовать миллионы сторонников и значительные капиталы, приобрести политическое влияние.

В связи с этим представляются справедливыми упреки, что в политической касте Федеративной республики сложился менталитет бездействия и нежелания принимать решения. Такая «страусовая» политика только обостряет социальные и политические проблемы страны, так как драгоценное время, необходимое для реорганизации, проходит впу-

стую. Углубление и дальнейшее расширение процесса европейской интеграции, установленное решениями очередной конференции в Амстердаме 1997 г. и, прежде всего, предстоящим валютным объединением, влечет на эту дискуссию иррационально. Предполагаемое введение единой европейской валюты, «евро», вызвало у населения Германии страх инфляции и потери сбережений. На этом фоне усилились подозрения, что бездушная бюрократия занимается мелочной опекой и регламентацией, что Германия ради Европы взвалила на себя слишком большое финансовое бремя. Одним словом, с середины 90-х годов широко распространяется скепсис по отношению к идее европейской интеграции.

Здесь следует указать на возникновение потенциальной угрозы: если эксперимент европейского сообщества лопнет, ибо не сможет решить созданные им самим проблемы, тогда ре-национализация политики стран-участниц процесса станет реальной опасностью. Для Германии такое развитие было бы катастрофой.

III. Особенности трансформации российского общества

В переходный период – это относится и к рухнувшему «реальному социализму» – политика доминирует, социальные и экономические преобразования инициируются и осуществляются «сверху». Но, поскольку конституирование государства не завершено, т.е. еще не сформировались всеми признанные, работающие по принципу разделения функций, закреплённые в конституции высшие органы власти, и взаимодействие между ними происходит далеко не всегда гладко, российская политика часто представляется ненадежной и дает противоречивую картину несогласованных процессов, нескоординированной деятельности принимающих решения лиц и институтов власти.

Так как развитие России с середины 80-х годов характеризовалось в значительной мере изломами и разновременностью, асимметрия между экономической и политической проявлялась особенно явно. Эти изломы и несоответствия отразились на сознании российского населения и восприятии им действительности, повлияли на нормативные установки.

Бесспорно, процесс глубокого преобразования российского общества шел неравномерно. Реорганизация политических структур, создание нормативных основ правового государства, смягчение социальных последствий хозяйственной перестройки, смена элит, а также введение и внедрение рыночных принципов происходят асинхронно. Результатом, с одной стороны, являются проблемы настоящего периода. А с другой – здесь же кроется шанс относительно быстрого развития, которое шло почти без существенной материальной помощи извне.

Конечно, развал и перестройка хозяйственной системы выявили социальные и экономические диспропорции, обострили противоречия меж-

ду регионами и усугубили разницу их уровней развития, сделали распределение доходов в обществе крайне неравномерным. Но в то же время эти диспропорции стали двигателем обновления экономики, способствовали появлению на арене экономической жизни новых действующих лиц и общественных структур.

Что же касается обязательных для всех установок надежных государственных структур, гарантирующих правовую защиту, то их либо еще нет, либо с ними не считаются. Экономическая реформа продвинула процесс социальной дифференциации далеко вперед, но еще не создала то многообразие посреднических групп интересов в экономике, политике и обществе, наличие которых является важной предпосылкой демократической и рыночной системы. Они являются существенным элементом гражданского общества, поскольку такие группы выступают за стабильность и порядок и взаимно уравновешивают друг друга как «промежуточные опоры».

До сих пор характерным состоянием российского общества является *перманентная лабильность или динамический хаос*. Политические инстанции инициируют преобразования в хозяйственной жизни, но едва ли управляют ими. Поскольку формирование групп интересов идет лишь постепенно, то решения принимаются органами политической власти быстро, и, как правило, посреднические инстанции, группы и объединения не оказывают на них влияния. Такая подвижность, однако, имеет следствием непрогнозируемость процессов и, в силу доминирующего положения высшей политической власти, часто несет на себе печать произвола.

а) Отсутствие гражданского общества и новая олигархия: ни демократии, ни социализма.

В постсоветской системе по-прежнему жива концепция «революции сверху». В ней отражаются инерция прежних элит и продолжающие доминировать представления об авторитарно-централистском строении государственной власти.

Какие силы утвердились в ходе российских реформ в качестве господствующих? Являются ли они вообще организованной властью? Или речь идет главным образом об отдельных лицах, которые косвенно, благодаря личным связям и т.п., определяют политику? Подобные ситуации хорошо известны из истории раннего капитализма Европы и Америки. Каким ценностным установкам обязаны они своим появлением? Имеют ли они вообще представление о целях общественного развития, сторонниками какого политического строя они являются, или они действуют только в собственных, весьма ограниченных интересах? Как они влижут на политический процесс? Создали ли они себе настоящие учреждения, выражающие их интересы?

Надо сразу сказать, что на большинство этих вопросов еще нет эмпирически обоснованных ответов. Здесь следовало бы использовать прикладные социологические исследования и политологию, ибо без анализа конституирования системы господства в переходный период нельзя судить о ее развитии и ее способности улаживать имманентно возникающие конфликты.

Давайте вернемся еще раз к одному важному для аргументации аспекту перестройки экономики. Несмотря на спад промышленного производства, несмотря на весьма незначительный эффект модернизации и связанную с этим неконкурентоспособность продукции на мировом рынке, экономическая реформа все же в решающей степени способствовала динамизации народного хозяйства. Благодаря ей начались процессы социальной дифференциации. В ходе приватизации или перераспределения государственной собственности в России сформировалась новая система господства. В ней было короткое время, за несколько лет после начатой летом 1994 года приватизации, когда производственный капитал перешел в руки прежде всего банков, возник очень тонкий слой даже по западным критериям супербогатых и привилегированных, именуемых обычно олигархией. Подобные процессы, но не столь быстрые и радикальные, наблюдались в период модернизации в азиатских и латиноамериканских странах. Однако перестройка экономики, чему благоприятствовала чрезвычайно высокая динамика в торговле, в сфере услуг, в финансовом и энергетическом секторах, привела к тому, что по всей стране начал прорастать средний класс. Понятно, что критерии определения этого нового слоя должны быть регионально дифференцированы.

Все выше сказанное свидетельствует о том, что до сих пор в Российской Федерации ни на одном уровне не завершилось успешное конституирование компетентной узаконенной государственности. Правда, в рамках государственных учреждений на всех уровнях Федерации началось формирование профессионально компетентных функциональных элит. Но подобно тому, как после революции 1917 г. проблема функциональных элит стала центральной для дальнейшего существования молодой Советской республики, она встает и сегодня, хотя решение ее существенно облегчается международной поддержкой. Если тогда речь шла о вытеснении прежней царистской бюрократии, то сегодня, конечно, в условиях другой системы, речь идет о том чтобы «смазать» новое государство маслом демократии».

Итак, можно констатировать следующее:

— Правовая система сложилась лишь частично, и нормы правового государства усвоены населением и общественными группами весьма поверхностно.

– Еще нет государственного механизма тонкого управления социальными конфликтами.

– Опыт привлечения участвующих в общественной жизни групп к принятию решений, с тем чтобы укрепить общественное согласие и узаконить политические действия, в значительной мере чужд лицам, действующим на политической и экономической арене и принимающим решения.

– Централистско-авторитарный образ мыслей и поведения превадирует как в элитарной среде, так и у населения.

– Государственные органы едва ли поддаются контролю со стороны общественности, государственные решения не могут быть оспорены по суду, а само государство остается анонимной властью.

– Заинтересованность граждан в активном участии в процессе принятия общественно-политических решений выражена слабо. И сегодня сказывается наследие 70-летнего коммунистического господства, а именно привычка к иждивчеству.

– Переоценивает недоверие к политике, общество предстает разделенным на «тех там наверху» и «нас здесь внизу». Люди почти не верят в эффективность собственной инициативы.

У граждан нет пока готовности активно, как бы снизу, контролировать процесс принятия решений и тем самым способствовать его гласности и доступности, приводить его в соответствие с потребностями и интересами тех, кого он затрагивает. Поэтому необходимые промежуточные звенья – партии, социальные движения, профсоюзы, ассоциации и базисные группы, – которые так важны для создания присущих гражданскому обществу отношений, могут складываться лишь с трудом.

Здесь видны проблемы, возникающие на современном этапе развития восточноевропейских обществ. Если отвлечься от КПРФ и строго организованных мелких партий либерально-экономической ориентации, а также крайне левых и крайне правых, то окажется, что политические партии как посредники и органы, содействующие развитию общественного сознания, играют лишь подчиненную роль.

Если этот тезис верен, то в России все же сформировались силы, инструменты и способы ведения общественного диалога, поскольку на сегодняшний день удалось сформулировать цель развития и найти механизмы урегулирования конфликтов. Если это не делают партии и политические движения, то возникает вопрос: как происходит организация, выражение и представительство общественных интересов, кто эти интересы защищает и каким образом регулируются политические и социальные конфликты?

б) *Согласие между элитами и политическая стабилизация.*

Выборы в Думу, проходившие дважды, а также результаты президентских выборов подтверждают тезис о том, что за последние пять

лет, несмотря на тяжесть политических и экономических преобразований, у населения Российской Федерации сложились некоторые демократические нормы и установки.

Если свести все к минимальному общему знаменателю, то можно сказать, что между конкурирующими властными элитами существует принципиальное согласие о необходимости избежать катастрофических процессов в российском обществе. В контексте трансформации представляется, что такой консенсус способствует, с одной стороны, относительно бесконфликтным и быстрым переменам, а, с другой, – неслабому высокой приспособляемости политических сил к изменениям в коридорах власти. Все политические силы отступают перед социальными волнениями, сепаратизмом и в каждой конфликтной ситуации предпочитают от угрозы гражданской войны.

Это свидетельствует о наличии в российском обществе консервативных, ориентированных на сохранение статус-кво течений, где доминирует стремление к порядку, выравниванию и укреплению существующего положения. Это относится как к сторонникам, так и к противникам реформ. Первые страшатся политических перемен. Вторые хотят вернуть социальную и экономическую защищенность, которую гарантивало развалившееся Советское государство, но не саму систему. Здесь возникают очевидные параллели с поведением и нормативными установками населения пяти новых федеральных земель.

Своим возникновением такой специфически российский консенсус обязан, во-первых, многострадалой истории страны в период сталинизма, и, во-вторых, деидеологизированной прагматичной политике периода реформ. Действовать прагматично, плыть по течению, реагировать на проблемы с ходу и спонтанно – такой представляется достаточно успешная стратегия последних лет.

В результате, население едва ли идентифицирует с какими-то партиями и политическими группами те принимающие решения органы, которые оно признает компетентными разбираться в его социальных и экономических проблемах. Если не принимать во внимание коммунистическую партию, КПРФ, то политический ландшафт характеризуется поразительным отсутствием каких-либо идеологических и программных различий. Программные заявления политических групп представляют собой шестрое попури из популистских лозунгов, в котором эклектически соединяются национализм, социал-реформизм, демократизм, а часто даже расизм.

Таким образом, формирующее воздействие на решение социальных и экономических проблем исходит не от партий. Соответственно и не парламент является средоточием власти в политической и общественной жизни, а нечто другое. Это другое – государство и вновь созданные экономические объединения – финансово-промышленные группы.

Оба фактора – сильное влияние объединений на формирование экономических, социальных и правовых норм и относительная слабость Думы, а тем самым и российских партий – дают основание предположить, что в России складывается отличный от западноевропейских представлений и опыта тип демократии, носителем которого в большей мере являются объединения и корпоративные структуры. Представляется, что такой тип демократии не нуждается в широкой политической легитимации и не требует активного и непосредственного взаимодействия между правительством и населением. Этот тип демократии ближе к азиатской или латиноамериканской модели, нежели к сопоставимым явлениям в Западной Европе.

в) Евразийская корпоративистская модель демократии?

В процессе ускорения в некоторых секторах экономики формирования рыночных отношений складывались новые группировки, власть которых опиралась на экономическую силу. Наряду с традиционно доминировавшим в обществе и политике крупным производством, которое, правда, оказалось сильно задето промышленным спадом и отсутствием спроса на его продукцию со стороны государства (например, оборонная промышленность), возникли новые центры хозяйственной активности в торговле, сфере услуг и финансовом секторе. Они, несомненно, относятся к самым динамичным силам экономического развития и оказывают большое влияние на структуру и содержание российской политики. С точки зрения экономики, эти союзы и отдельные крупные компании могут стимулировать процессы концентрации в соответствующих отраслях промышленности, а тем самым все больше возрастает власть банков и крупного предпринимательства.

Если не принимать во внимание традиционное лобби аграриев, тяжелой промышленности и энергетики, которые уже до 1991 г. были тесно связаны с соответствующими отделами госаппарата, то эти новые властные группировки вышли прежде всего из тех отраслей, которые своим подъемом обязаны перестройке и особенно экономическим реформам после 1992 г. Именно здесь сложились влиятельные финансово-промышленные группы, все более конкурирующие между собой, но имеющие схожие общественно-политические интересы.

Объединения и коалиции поддерживали политические партии и купили себе места в системе средств массовой информации. Они стремятся оказывать, в духе своих частных интересов, влияние на принятие экономических и финансово-политических решений. В общественно-политической сфере они выступают (и в этом они ничем не отличаются от группировок капитала в других странах) за стабильность, статус-кво и предсказуемую политику. Так что, делая ставку на данную власть, новые российские предприниматели и капиталисты гарантируют стабильность существующего строя и одновременно свою собственность.

Такое развитие само по себе не должно привести к концу демократизации в России. Напротив, новая власть является фактором интеграции. Она в состоянии обосновать новое общественное согласие, которое уже существует между властными группировками новых элит, и тем самым способствовать локализации общественных конфликтов.

Если формы выражения интересов и дальше останутся стабильными и проявятся в партиях, движениях, профсоюзах, то между центральными, региональными и федеральными государственными институтами может сформироваться система связей, которая, подобно сверхмощным финансово-промышленным объединениям, могла бы играть роль посредника, буфера в политических и социальных конфликтах. Очевидно, такая модель подходит скорее на гибрид азиатско-тихоокеанской и европейской общественных систем, и к ней вряд ли можно применить критерии западной демократии.

Только прогрессирующая модернизация и оживление традиционных, ключевых для российской экономики, отраслей позволит уменьшить региональные, социальные и экономические диспропорции, а также опасные тенденции поляризации в обществе. Тогда на следующем этапе развития легитимные политические и общественные институты, в частности партии, смогут играть свою роль связующего звена в системе согласования общественных интересов, а страна сможет войти в спектр европейской модели цивилизации.

В.И. Михайленко

ГЕРМАНИЯ, ИТАЛИЯ И РОССИЯ: ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ

Доклад Петера Шульце задал тональность второму дню нашей работы, связав историю Веймарской республики с современностью. Я полностью разделяю мнение докладчика, что к историческому анализу событий было бы целесообразно добавить методологические подходы из смежных наук. Более того, на мой взгляд, классическая методология исчерпала свой теоретический потенциал в познании универсальной истории.

Отправной точкой моего выступления служит фраза, брошенная одним итальянским историком применительно к веймарской Германии: «Республика без республиканцев». Многие, думаю, согласятся со мной, что причины краха Веймарской республики не сводятся к краху политических институтов или к нацистскому насилию над демократией. Важно понять, почему массовое сознание позитивно восприняло национал-социализм, как сложился в нацистской Германии массовый консенсус? Здесь невозможно не провести параллель со сталинизмом, относительно причин установления которого М. Мамадрашвили писал, что своим закреплением у власти Сталин был обязан «миллионам самовластий», «миллионам сталиных» в российском обществе.

Совершенно очевидно, что одна из причин происхождения тоталитаризма, впрочем, как и поиск выхода из него, сводится к состоянию массового сознания, к таинству рождения и смерти идей. В известных мне научных трудах изучение массовых движений хронологически не опускается ниже Французской революции 1789 г. и наполеоновской эпохи. В «Восстаниях масс» Х. Ортега-и-Гассет пророчески предостерегал об опасностях, связанных с возникновением типичных массовых об-

ществ. Массовое сознание можно сравнить с огромным реактором, постоянно грозящим выйти из-под контроля власти. Не вдаваясь в детали структуры массового сознания и специфики его поведения, укажу лишь на его многослойность, недифференцированность, дискретность жизни в пространстве и времени. Исторические источники чаще фиксируют лишь критические проявления жизни массового сознания. Отсюда зачастую складываются неверные представления о «неожиданности», «случайности», «резких разворотах» в массовом поведении.

С этими оговорками попробуем выделить в развитии европейской ментальности два направления: *первое*, приведшее к складыванию современной европейско-атлантической цивилизации, в основе которой находится иудейско-христианская, индивидуалистическая, реформистско-просвещенческая, модернистская и возрожденческая, постмодернистская парадигма ментальности; *второе* некоторые исследователи, например А. Дугин, относят к сакральной традиции, имеющей, по их мнению, более глубокие исторические корни. Однако в недавно опубликованной статье Н.В. Карлова история формирования гуманистической европейской традиции убедительно доведена до библейской эпохи Авраама. С возникновением фонетической письменности он связывает появление особого типа мышления, которое выразилось в последующем формировании диалогового, индивидуализированного мышления¹.

Современное идеологическое противостояние утратило эпистемологический смысл, поскольку зачастую речь идет о борьбе за одно и то же духовное историческое наследство. Исторический процесс все более приобретает черты *универсальности*, которые не следует путать с *униформностью*. К современному цивилизационному процессу более применимо понятие «единство в многообразии». А германское общество отреагировало на вызов времени тем образом, к которому в большей степени было готово. В одном случае – либерализмом Веймарской республики, а в другом – национал-социалистической тоталитарностью. Я понимаю, что вызываю огонь на себя, но считаю важным обратить внимание на достижение консенсуса между обществом и нацистским режимом в Германии. Попытки объяснить высокий уровень согласия насильем вряд ли убедительны. В изучении Веймарской республики настоящим является изучение состояния массового сознания, массового общества, сочетания в нем того, что можно отнести к явлениям европейско-атлантической цивилизации и традиционализма. Ф. Хайек писал о значении социальных архетипов в эволюционном процессе: «Суть в том, что наши ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми событиями, но формируются как составная часть процесса бессознательной самоорганизации некоей структуры или модели»².

На исходе XX в. проявился очевидный кризис классической типологизации идейных течений на «левые» и «правые», а в большинстве ев-

ропейских стран стерлось противостояние между фашизмом и антифашизмом в культурной и общественно-политической жизни. На первый план вышла другая дихотомия: «экстремизм» и «умеренность» (синонимами последней стали «законность» и «конституционность»), не связанные априорно с «левыми», «правыми» или «третьими» идеологиями.

В современной политической жизни нравственный критерий выходит на первый план и опережает идеологический и партийный. Возможности влияния человека, *социального инженера* на изменение биологической эволюции неизмеримо возросли, но еще острее поставили вопрос о зависимости человека от окружающей среды. Точно также принятые в XX в. попытки социальных инженеров реализовать умозрительные, научно обоснованные социальные модели привели общества, над которыми осуществлялись эксперименты, на грань катастрофы. Может быть прав Ф. Хайек, писавший, что для понимания современной цивилизации «необходимо уяснить, что этот расширенный порядок сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно: он возник из непреднамеренного следования определенным традиционным и, главным образом, *моральным* практикам»¹.

¹ Карлон Н.В. Путь познания, или дорогу осилит идущий. // Вопросы философии. № 5. 1996.

² Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 20.

³ Там же. С. 15.

М.Б. Корчагина

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРИЗМА В ФРГ

«Индустриальное общество, – писал Р. Дарендорф, – повернулось в Германии своим тоталитарным лицом»¹. После крушения гитлеровского режима и раскола страны «непреодоленное прошлое» тяготело над обоими немецкими государствами. Но в ФРГ и в ГДР эта проблема имела разное содержание. Если в первом случае обычно указывалось на рецидивы национал-социализма в общественно-политической сфере на фоне свободы и демократии, то во втором речь шла о сохранении «тоталитарного господства». Критерием оценки служила известная политологическая схема. Казалось бы, объединение страны решило эту большую проблему. Однако все же остается непроясненный вопрос: можно ли говорить о тождестве между преодолением нацизма и тоталитаризма? Ведь двуликость (или многоликость) индустриального общества во всяком случае предполагает наличие единого организма и общих принципов его функционирования. По данным опросов населения в американской зоне оккупации, число тех, кто считал нацизм хорошей, но дурно реализованной идеей выросло с 1945 г. по 1948 год до 55%, а число тех, кто считал нацизм плохой идеей, за это же время снизилось с 41 до 30%². Этот факт нельзя объяснить только катастрофой и неопределенностью будущего Германии. В разоренной, лишенной государственности стране возрождались «довоенные», но не всегда «донацистские» ценности и стереотипы поведения.

«Конструктивную» роль национал-социализма в германской истории надо рассматривать в контексте модернизации страны и необходимости восстановления политической гегемонии и идентичности интересов государства и общества после потрясений первой мировой войны, Ноябрьской революции и Версальского диктата. В си

(К.-Д. Брахер) демократизации Германии, ее «разновременности» (Э. Блок), когда основной социальной фигурой оставался верноподданный, эта задача не могла быть решена путем органичного развития. Известное письмо предпринимателей к президенту Гинденбургу от 19 ноября 1932 г. свидетельствовало о готовности правящих элит встать под «чужой флаг» – под флаг НСДАП. «В охватившем наш народ национальном движении, – писали они, – мы признаем многообещающее начало того времени, когда путем преодоления классовых противоречий будут созданы необходимые основы возрождения немецкой экономики»¹.

Многие исследователи, обращаясь к проблеме социальных изменений в послевоенной Германии, указывают на то, что вторая мировая война, особенно на заключительной стадии, «вырвала значительную часть немцев из исконной социальной обстановки, образно говоря, обрушила их корни, ... вынудила начать все сначала в новом окружении»². Это подразумевало не только смену местожительства, но и деятельность оккупационных властей. В. Ветте прав, когда считает эту точку зрения слишком узкой³. Действительно, ослабление и демонтаж традиционных, во многом патриархальных социальных связей начались еще до войны и были следствием гитлеровской политики унификации, мероприятий по борьбе с безработицей, мобилизаций, а также эмиграции, геноцида и насильственных переселений. В результате место верноподданного заступил «фольксгеноссе» – унифицированный человек, общественная роль которого охватила все традиционные функции и роли, а затем – «штаатсбюргер» (или «бундесбюргер»), наделенный по Основному закону всеми гражданскими правами. Хотя западногерманское государство восстановило федеральные земли с весьма широкими полномочиями, постоянно подчеркивало значение семьи, конфессиональных связей и традиций, возврат к авторитарным довеймарским устоям был уже невозможен.

Вернуться к «донацистским» отношениям нельзя было потому, что в период консолидации нацистского режима шло активное перемещение страт по вертикали. Назначение Гитлера канцлером оживило надежды мелкобуржуазных слоев на создание «своего» государства. Несмотря на то, что мелкая и средняя буржуазия стала первой жертвой милитаризации и рационализации экономики, именно она была основным адресатом и проводником нацистской политики. Режим широко открыл своим сторонникам доступ в государственный аппарат, в органы юстиции и в армию, сломав тем самым монополию «имущих и образованных» классов на осуществление власти, сделав их социальные привилегии относительными. Одновременно и в экономически господствовавших кругах на командные позиции стали выдвигаться управляющие и эксперты. Так была подготовлена почва для формирования нового, более со-

временного среднего класса. Хотя послевоенное общество, по признанию политологов и социологов, сохранило иерархическую структуру, в основе которой по-прежнему лежали престиж и богатство⁴, правящие элиты вынуждены были признать принцип равенства шансов для всех и строить новое государство как социальную демократию.

Коренные изменения произошли в отношениях между трудом и капиталом. Еще в ноябре 1918 г. на паритетных началах было создано Целовое сотрудничество для «совместного решения всех экономических и социальных вопросов, касающихся промышленности и ремесла». Профсоюзы надеялись, что такое сотрудничество с предпринимателями приведет к общественному признанию труда рабочих и росту их влияния, а в итоге – к преобразованию экономики и общества. Однако уже в 1923 г., прежде всего по инициативе магнатов тяжелой промышленности, началось свертывание социальных программ и наступление на достижения рабочего движения. Сотрудничество распалось⁵. Поэтому первым реальным опытом социального партнерства стал Немецкий трудовой фронт, наделенный в «идейно-политическое воспитание» рабочего класса под лозунгами «ликвидации классовой борьбы» и «национального и социального примирения». Его деятельность, направленная прежде всего на рост производительности труда, имела непреходящие социальные последствия, namely превосходящие средства, затраченные на организацию соревнования среди рабочих и между предприятиями, на совершенствование охраны труда, гигиеническое и эстетическое оформление рабочих мест или строительство баз отдыха. Труд рабочего получил общественное признание, а принцип «хозяин в своем доме» утратил былой авторитарный смысл.

В этом отношении характерно оживление идей христианского социализма в среде буржуазных оппозиционеров Гитлеру. Так, К. Герделер положительно воспринял мысль о преодолении классовой борьбы через объединение всех «занятых» в одной организации, рассматривая, вслед за бывшими профсоюзными функционерами, «немецкий профсоюз» как конструктивный элемент в системе будущей демократии⁶. Одним из приоритетов послевоенной политики стала «полная интеграция трудящихся в систему и их равноправное соучастие в делах государства, экономики и общества». Важнейшая роль в этом деле отводилась профсоюзам⁷.

Нацистский режим мало затронул базовые социальные отношения и прежде всего сохранил в неприкосновенности принцип частной собственности, признавая естественной связь политического и социального подчинения, когда авторитет государства гарантируется авторитетом класса собственников и предпринимателей. Но еще с конца XIX века немецкое политическое мышление считало государство «не политической организацией общества, а неприкосновенным инструментом обеспе-

чения и упорядочения общественных отношений»¹⁰. Эта этатистская традиция, имеющая латентную тоталитарную тенденцию, существовала и в 25 пунктах программы НСДАП 1920 г. и воплощалась в конкретной политике нацизма – в его стремлении подавить все очаги «неподдающейся контролю самостоятельности», вплоть до личной жизни граждан. Ее можно проследить и в период становления «социального правового государства» Западной Германии, которое некоторые исследователи определяют как «планирующее, регулирующее, эффективное, распределяющее, создающее условия для индивидуальной и социальной жизни»¹¹. Существенным, однако, представляется не столько самовосприятие государства, зафиксированное в Основном законе и официальной риторике, сколько отношение к нему «бундесбюргера»: «Граждане ожидают от государства не только выполнения им функций поддержания порядка и обеспечения безопасности, но и, во все возрастающей мере, возлагают на него ответственность за удовлетворительное осуществление их социальных и экономических запросов. В зрительном восприятии граждан возникает, дополнительно к его распорядительному характеру, и картина деспотического, заботливого государства, оказывающего им необходимую помощь в жизни»¹². Государство-«строгий отец» может принять чрезвычайные законы и даже жестоко подавить выступления тех же граждан в случае угрозы внутреннему порядку, тогда как государство-«заботливая мать» печется о стабильности и благосостоянии. Но потому ли в середине 60-х годов лишь часть западногерманского общества увидела угрозу свободе и демократии не только в планах чрезвычайного законодательства, но и в провозглашении социального рыночного хозяйства системой ценностей и стилем жизни – основой «сформированного общества»?

Одним из уроков национал-социализма стало осознание пагубности прямого насилия, по крайней мере для «цивилизованной» части человечества. Но неслучайно, говоря о нацизме как явлении эпохи, М. Бросат подчеркнул роль пропаганды и определил ее как средство создания собственной реальности по ту сторону действительности. Он считал, что проблема манипуляции общественным сознанием не может быть ограничена «тоталитарным государством» и должна быть актуализирована¹³. Дело не в том, что новая немецкая демократия не смогла обойтись без образа врага и жесткого антикоммунизма. Если в идеале тоталитаризм – это полное поглощение общества государством¹⁴, то функция средств массовой информации и массовой культуры приобретает принципиальное значение. Тогда становится понятно, почему «новые левые», столкнувшись в конце 60-х годов не только с полицейскими дубинками и водометами, но и с травлей в прессе при равнодушии или активном неприятии большинством их свободолюбивых идей, определили

западногерманское государство как «предфашистское» или даже «фашистское».

Конечно, правы те, кто предостерегает от преувеличения «заслуг» нацизма в деле модернизации Германии и указывают на то, что этот процесс начался в Веймарской республике и даже раньше. Но при этом имеются в виду главным образом изменения социальной структуры и рационализация, тогда как говорить надо также о преемственности идей и механизмов власти. Серьезные сдвиги в сознании, прежде всего политической элиты, которые произошли не столько благодаря нацизму, сколько в споре с ним, в глубоком освоении опыта Веймара, позволили Федеративной республике стать «страной западной цивилизации». Однако стоит прислушаться к В. Бросату: «...национал-социализм нельзя объяснить без определенных вырстающих из немецкой истории элементов, но он не является и простым продолжением ценностей и потенций немецкой истории, а представляет собой прорыв нового, того, чего еще никогда не было»¹⁵.

¹ Dahrendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1968. S. 432.

² Kießmann Ch. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945-1955. Bonn, 1986. S. 91.

³ Цит. по: Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessensorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Leipzig, 1970. Bd. II. S. 413.

⁴ Bemme B. Немецкое общество между диктатурой и демократией. Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма / Российско-германская конференция историков в Волгограде. М., 1997. С. 96.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Spannraft E. M. Demokratie – Mechanismen der Herrschaft. Einführung in die Politikwissenschaft. Starnberg, 1972. S. 145.

⁷ Schmidt H. Die Mitbestimmung der Arbeitnehmer. – Von Adenauer als eine der großen Aufgaben unserer Zeit verstanden // Konrad Adenauer und seine Zeit. Politik und Persönlichkeit des ersten Bundeskanzlers. Bd. 1. Beiträge von Weg- und Zeitgenossen. Stuttgart, 1976. S. 45-46.

⁸ Grundlagen der Einheitsgewerkschaft. Historische Dokumente und Materialien. Frankfurt a. M., 1977. S. 245-248.

⁹ Schmidt H. Op. cit. S. 131.

¹⁰ Зоннхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные

черты политической системы. М., 1996. С. 144.

¹¹ Spannraft E. M. Op. cit. S. 131.

¹² Зоннхаймер К. Указ. соч. С. 140-141.

¹³ Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. Beiträge von Martin Broszat. München, 1987. S. 28-23.

¹⁴ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 501.

¹⁵ Nach Hitler. S. 28.

Вольфрам Ветте

ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЙ В ДВУХ ВОЙНАХ

В основе предлагаемого сопоставления лежит анализ двух существенно важных процессов. Во-первых, объективных перемен в положении руководящего военного слоя после двух мировых войн, завершившихся поражением Германии. Во-вторых, тех изменений, которые происходили в политическом сознании милитаристской элиты под воздействием опыта войн, поражений, изменений во внутриполитической и во внешнеполитической ситуации.

В ходе компаративного рассмотрения названных процессов выяснилось, что после безоговорочной капитуляции «третьего рейха» эти проблемы волновали не только историков, но и прежде всего – активных политических и военных деятелей тогдашней эпохи, в том числе принадлежавших к лагерю победителей. Они считали, что следует извлечь уроки из ошибок послевоенской фазы истории Германии.

В чем состояла роль германской военной элиты в течение первого и второго послевоенных периодов? Генералы и офицеры с полным основанием являлись в глазах населения носителями субстанции войны и военной политики. Антимилитаристские настроения и после 1918, и после 1945 г. были направлены не столько против абстрактной войны, сколько против ее конкретных виновников. После первой мировой войны антивоенное движение выдвинуло призыв «Война? Никогда больше!» Второй послевоенный период принес куда более конкретный и более четкий антимилитаристский лозунг: «Солдаты-немцы? Никогда больше!» Карло Шмид (СДПГ) провозглашал в 1946 г.: «Мы никогда не отправим наших сынов в казармы!», а Франц-Иозеф Штраус (ХСС) восклидал в 1947 г.: «Пусть отсохнет рука, которая потянется к оружию!»

Как известно, содержание таких высказываний оказалось в разительном противоречии с ходом дальнейшего развития.

«Кайзер ушел, генералы остались» – под таким заголовком вышел в 1932 г. роман известного немецкого писателя Теодора Пливье. Что означало это название? То, что перемены в Веймарской республике произошли только на уровне государственной системы, но не на уровне реального соотношения внутриполитических сил. «Генералы остались» – следовательно, полностью сохранили свое влияние те антиреволюционные и антиреформистские силы, которые играли столь значительную роль во времена кайзера и с успехом навязывали свою волю имперским правительствам. «Генералы остались» – это значило, что сохранились антидемократические, имперские замашки, сохранились устремления к мировому господству.

Высшие офицеры были единодушны в том, что первостепенная задача германской внешней политики должна заключаться в восстановлении утраченных великодержавных позиций. Выявлявшиеся разногласия касались только способов достижения этой цели. Германская революция 1918-1919 гг. не привела к принципиальным переменам в воззрениях представителей военной элиты.

И если первая мировая война смогла быть завершена при помощи политических средств, то вторая мировая война продолжалась до того предела, который сделал поражение «третьего рейха» абсолютно неизбежным. Для большинства немецких генералов это стало ясно уже в 1943 г. Но почему верховное командование вермахта не потребовало от Гитлера прекратить военные действия? Почему военачальники продолжали твердить об «окончательной победе Германии»? В какой-то степени это можно объяснить страхом перед местью противника, вызванной вызванной преступными деяниями немецких генералов. Они достаточно хорошо знали о массовых убийствах европейских евреев. Они были соучастниками военных преступлений, особенно на территории Советского Союза, но также в Польше, Югославии, Греции, во Франции... Спротивление? Но подавляющая часть военных считала разговор 20 июля 1944 г. «нарушением присяги». Они продолжали войну – в духе Гитлера – вплоть до тотального поражения, испытывая при этом трудно объяснимую гордость.

Это было высшим воплощением существа милитаризма: дисциплинированно, с сознанием выполненного долга, не задавая ненужных вопросов, маршировать по направлению к тотальной катастрофе. Каким предстал генералитет в глазах переживших войну рядовых солдат, рядовых немецких граждан? Никогда прежде к военной касте не относились с такой ненавистью и с таким недоверием. Генералы утратили возможность влиять на политическую жизнь, которая находилась под

их решающим влиянием в течение всех 75 лет существования германского национального государства.

После безоговорочной капитуляции «третьего рейха» было установлено сотрудничество германских офицеров с командованием армии США. Это сотрудничество первоначально развернулось в сфере исследования военной истории, которая на первый взгляд представлялась относительно нейтральной в политическом отношении. В июне 1946 г. в «исторической программе» участвовало — под руководством бывшего начальника штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера — 323 высших военных чинов, находившихся в американском плену. Цель исследования была сформулирована следующим образом: «продолжить борьбу против большевизма». Заместителем Гальдера был генерал Хойзингер, впоследствии ставший первым генеральным инспектором бундсвера.

Для самооущения германской военной элиты куда важнее приговора Нюрнбергского трибунала оказались заявления главнокомандующего НАТО в Европе генерала Эйзенхауэра (январь 1950 г.) и федерального канцлера Аденауэра (апрель 1951 г.) о «восстановлении чести» вермахта. Эти декларации были поняты бывшими генералами и офицерами вермахта как окончание фазы безвластия и отсутствия политической перспективы.

После первой мировой войны представители германской военной элиты считали излишним просмотр собственного мировоззрения. Они не подвергали сомнению свою представления о роли Германии как мировой державы, свои взгляды на военную силу как главное средство для достижения политических целей. Сохранение преемственности устремлений к мировому милитаристскому господству соответствовало итогам войны. Переговоры, которые привели к подписанию Комьенского перемирия и Версальского мира, способствовали распространению в Германии взглядов о том, что война не была выиграна союзниками. Державы Антанты добились и добились одностороннего сокращения германских вооруженных сил, но не их ликвидации. А это означало, что немецкие военные профессионалы могли рассчитывать на сохранение для себя военной и политической перспективы.

Вторая мировая война привела к принципиально иным результатам. Командование вермахта оказалось неспособным к рациональным действиям. Война была окончена вопреки планам немецких генералов. Половинчатая ситуация 1918 г. не повторилась, страны-победительницы добились осуществления своих военно-политических целей. Оккупация всей территории Германии, безоговорочная капитуляция, роспуск немецких вооруженных формирований, тотальное разоружение — все это означало, используя терминологию тех лет, «окончательный разгром прусско-германского милитаризма». Если страны Антанты поставили

дальнейшие судьбы кайзеровских генералов в зависимости от внутриполитической ситуации в Германии, то победители 1945 г., извлекая уроки из прошлого, сами занялись решением проблемы уничтожения немецкой военной элиты, виновной в развязывании войны. Победители взяли поначалу в свои руки дело судебного преследования немецких военных преступников. К тому же нацистские генералы полностью утратили авторитет в глазах немецкой общественности.

Если первый послевоенный период был — с точки зрения военных — переходным временем, когда шла подготовка новой войны, то второй послевоенный период определенно означал разрыв прежней преемственности. Теперь не было уже никаких надежд ни на сохранение роли Германии как великой державы, ни на продолжение влияния военных на немецкую внутреннюю политику. Бывшие офицеры и генералы вермахта вынуждены были ориентироваться на переход к гражданским формам жизни. После 1918 г. высший командный состав, в умах которого война все еще продолжалась, рассматривал сотрудничество с победителями как «национальный позор», едва ли не как «измену отечеству». После второй мировой войны, напротив, для бывших офицеров вермахта стала почти нормальным состоянием кооперация с западными союзниками в надежде включиться в новый конфликт между Востоком и Западом.

Ни после 1918 г., ни после 1945 г. не произошло принципиальных перемен в воззрениях германских военных на войну как инструмент политического господства. Оценка предшествующих войн шла исключительно в категориях, привычных для милитаристской касты. Не было осознано эпохальное значение первого применения американцами атомной бомбы. Вопрос об использовании ядерного оружия стал компонентом прежних представлений о военных действиях (что относится, впрочем, также к политикам и генералам других стран мира).

Распространявшаяся после Версаля легенда об «ударе кинжалом в спину», отрицание ответственности Германии за развязывание войны нашли после Потсдама известную параллель в трактовках процессов над военными преступниками как «судебной расправы победителей», а также в попытках самооправдания или снятия вины за агрессию. Но как бы то ни было, путь к радикальному изменению перспективы оказался для немецкой военной элиты закрытым. Разрыв в преемственности судеб офицеров и генералов не стал результатом извлечения ими уроков из прошлого. Представители военной касты, пришедшие к пацифистским убеждениям, остались, как это было и прежде, в меньшинстве.

А.И. Борзняк

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

В стихотворный цикл Иосифа Бродского «Часть речи» вошли строки, написанные весной 1975 г. в Мюнхене:

В городке, из которого смерть расплзлась
по школьной карте,
мостовая блестит, как чешуя на карпе.
На столетнем каштане оплывают тугие свечи,
и чугунный лев скучает по пылкой речи.
Вдалеке дребезжит трамвай, как во время оно,
но никто не сходит больше у стадиона...

За безмятежной ухоженностью благоустроенного города с его одраенными до немецкого блеска бульжничками и цветущими каштанами художник угадывает глубинный конфликт двух начал национальной истории, двух систем исторического времени: эпохи кровавой диктатуры, начинавшейся с пылких речей перед унифицированными толпами на стадионах, и эпохи нынешней, все еще послевоенной, в рамках которой оказываются противостественно совместимыми забвение и память, ностальгия по фальшивому величию и запрядельному злу национал-социализма и неприятие позора «третьего рейха».

Муза великого поэта коснулась своим крылом больной, предельно сложной и первостепенно важной для немцев проблемы «преодоления прошлого» – проблемы длительного, многопланового, внутренне противоречивого процесса общенационального извлечения уроков из истории диктатуры, морального очищения, восприятия и осмысления правды о фашизме и войне, формирования иммунитета к любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризма.

Речь идет не об абстрактном далеком «прошлом», но – о кровото-чашем времени национал-социалистического господства. Речь идет не о пассивном отражении «прошлого», но о факторах, активно воздействующих на настоящее, о степени укорененности этих факторов в социальной психологии, менталитете и политической культуре современных немцев.

«Преодоление прошлого» – категория, имеющая прямое отношение к настоящему и будущему немецкого народа. Об этом писал сразу после войны великий немецкий философ Карл Ясперс: «Надежда только на то, что ужас будет осознан... Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению... Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее»¹.

«Преодоление прошлого, – считает гамбургский политолог Михаэль Вольфсон, – требует знания, способности, слез и воли. Знания того, что было. Способности оценивать действия как преступления. Слез – по меньшей мере, символических, – чтобы оплакивать жертвы. Воли к созданию лучшего общественного устройства, базирующегося на моральных основаниях»².

Не сразу и не простыми путями пришли немецкие историки разных поколений, придерживаясь зачастую несхожих политических убеждений, к выводам, которые базируются не на абстрактных декларациях, а на тщательном изучении источников, на введении в оборот науки новых важных материалов, на результатах научных споров. Параллельно с развитием научных воззрений и публицистических интерпретаций нацистского режима шла эволюция установок массового исторического сознания, менялись его формы и образы-стереотипы, в рамках которых общество воспроизводит и оценивает гитлеровскую тоталитарную диктатуру.

В ФРГ в течение полувека складывалась модель многомерного исторического объяснения нацистского прошлого, основанная как на моральном неприятии, так и на известном согласовании различных интерпретаций, на синтезе результатов исследований, на последовательном учете итогов дискуссий. Результатом научных диспутов, неизбежно принимавших политическую окраску (укажу лишь на широко известный «спор историков» 1986-1987 гг.), являлось то, что в Федеративной республике опровергались и отвергались постулаты тех историков и публицистов, которые поставили перед собой неблагодарную и неосуществимую задачу оправдания гитлеризма или отдельных его проявлений.

В ходе «спора историков» неоднократно поднимались вопросы о характере нацистской агрессии против СССР. В историографии и в общественном сознании ФРГ начался демонтаж «образа врага», учеными были предприняты обстоятельные исследования агрессии гитлеровской

Германии против СССР. Атмосфера «холодной войны», отмечают Пётр Ян и Рейнгард Рюруп, «не допускала возможности опутить и разделить чужие страдания», «закрывала дорогу к самокритичным оценкам экспансии против Советского Союза»³. Эта проблематика, совсем недавно вызывавшая аллергию и у историков, и у достаточно широких слоев населения, стала ныне, по оценке Вольфрама Ветте и Герда Юбершера, «объектом публичных дискуссий, объектом коллективного воспоминания». «Мы можем двигаться вперед, – утверждают ученые, – только располагая точными данными об ужасных событиях, только обладая мужеством высказать и воспринять правду»⁴.

Существенный вклад в новое прочтение «войны на Востоке» внесли ученые Ведомства военно-исторических исследований (находившегося во Фрайбурге, а недавно переехавшего в Потсдам). Реализация плана «Барбаросса», указывает Юрген Фёрстер, была «военной кампанией, не похожей на предыдущие, это была тщательно подготовленная захватническая, истребительная война», в основе которой – «симбиоз расчета и догмы, стратегии и идеологии, курса на мировое господство и расовой политики»⁵.

В предпоследнем и последнем десятилетиях XX века политический ландшафт современной Германии и современной Европы существенно изменился. Произошли события, казавшиеся абсолютно невозможными – осенью 1989 г. рухнула Берлинская стена, а через год на карте континента исчезли привычные контуры Германской Демократической Республики. Возникло единое германское государство. На смену вполне понятной первоначальной эйфории, связанной с объединением страны, постепенно пришел трезвый анализ ситуации в «новой Федеративной республике», после криков всеобщего восторга зазвучали голоса, исполненные ответственности и озабоченности.

Юрген Кокка, один из самых пронзительных аналитиков современной германской истории, с грустью отмечает, что «реальное развитие лишь в незначительной степени отвечает оптимистическим ожиданиям и высоким надеждам активных деятелей 1989 г.». «Объединенная Германия, – продолжает ученый, – не является простым продолжением прежней Федеративной республики. Возникли новые зоны напряженности, поле внутривнутриполитических и внешнеполитических действий расширилось, но решение задач ориентации ныне существенно затруднено»⁶.

В Европе вновь вызывает тревогу возрождающийся в Германии дух чванливости и превосходства. Выросло влияние тех течений в исторической науке и в исторической публицистике, сторонники которых, выступая под флагом «нового немецкого национализма», пытаются «смягчить» оценки гитлеровского режима. На университетских исторических и политологических кафедрах, в издательствах, на телевидении достаточно прочные позиции занимают ныне «новые правые» – бесцеремонно-

но-энергичные профессионалы среднего возраста. Представители этого течения Уве Бакес, Экхард Йессе, Райнер Циттельман решительно выступают в пользу «сколь желаемой, столь и неизбежной историзации национал-социализма», которую они понимают как отказ от «черно-белых стереотипов», от «морализирования», от «примата педагогических намерений над научно-историческими усилиями»⁷.

Эрнст Нольте, кумир Циттельмана и его сторонников, провозглашает: «Национал-социалистическое прошлое должно стать преимущественно предметом научного рассмотрения, а не объектом постоянной полемики». Что касается укоренившейся после «контroversы Фишера» (начало 60-х годов) идеи континуитета реакционных тенденций в германской истории, то Нольте прямо заявляет: «После объединения Германии эта мировоззренческая и историческая концепция утратила свое значение, она опасна для новой государственности»⁸.

За «очищение представлений о германской истории от черных пятен» ратует Гельмут Дивальд, а Ганс-Петер Шварц уверен: объединенная Германия получила шанс «покончить с неврозом идентификации с прошлым и стать нормальным государством»⁹. Газета «Вельт» утверждает необходимость «специфически-германского самопознания», «не отягощенного системой табу», а «Франкфуртер альгемайне» провозглашает: «Освенцим не является больше основным звеном политического сознания»¹⁰.

Прекратила – под радостные возгласы из правого лагеря – свое существование историческая наука ГДР. Историография ФРГ осталась без постоянного оппонента, а в известном смысле и без стимула развития. «Дискуссия с марксистскими теориями, которых придерживались ученые ГДР, – замечает Юрген Кокка, – всегда были важной частью, продуктивным стимулом к формированию собственной системы понятий и теоретических заключений. Только в Германии существовали бок-о-бок марксистско-ленинская и т.н. «буржуазная» историческая наука, что придавало особую окраску двум германским историографиям. Конечно, влияние западно-германской исторической науки на историческую науку ГДР было более значительным, чем обратное воздействие, но и для историографии ФРГ результатом этого напряженного взаимодействия была, наряду с импульсами развития, ее самобытность. Этого больше нет»¹¹.

После объединения Германии историки ГДР оказались сначала в роли подозреваемых и проверяемых различными строгими комиссиями, а затем и в роли лишенных возможности работать, уволенных из университетов и академических учреждений. Западные немцы, писал Вольфганг Бенц, встав в «фальшивую позу победителя», превратили ученых-марксистов в «нервноправных» и «побежденных»¹². Упущен шанс интеграции обновленной историографии ГДР в общегерманскую

историческую науку, верх взяла нетерпимость и опасения конкуренции. За основу взят, дает оценку ситуации Карл Гейнц Рот, западногерманский стандарт, в рамках которого «нет места для социалистических и марксистских течений», а «левые позиции рассматриваются как огуленные и безвредные маргинальные явления»¹¹.

Трудно в это поверить, но в сегодняшней ФРГ словосочетание «преодоление прошлого» охотно употребляется теми, кто раньше и слышать не хотел об этом понятии. Но какое «преодоление» и какого «прошлого»? В качестве явно доминирующей теоретической модели «третьего рейха» выступает нарочито упрощенная, откровенно непродуктивная модификация концепции тоталитаризма. С точки зрения современных неоконсерваторов от историографии, «подлинно тоталитарным государством» являлась ГДР, но не нацистская диктатура (в недрах последней вдруг начали даже «открывать» элементы «гражданского общества!»). Самое широкое распространение в исторической литературе, в прессе ФРГ получили формулы вроде той, что принадлежит издателю Вольфу Зидлеру: «Третий рейх был, разумеется, всего лишь авторитарным режимом. Жизнь бюргеров после 1933 г., в целом и целом, не изменилась... “Реальный социализм” был по-настоящему тоталитарным режимом»¹⁴.

В ФРГ мне довелось участвовать в нескольких дискуссиях о «двух германских диктатурах», которые проходили под широко известным девизом «Сравнивать, но не уподоблять». Но на деле неизменно брала верх совсем иная тенденция. Существует опасность, предупреждает немецких историков Ганс Моммзен, «не увидеть за общими чертами двух политических формирований принципиальных различий» и «трактовать режим СЕПГ как продолжение третьего рейха»¹⁵. Типично и высказывание Иоахима Неандера: «Столько лет мы выносили приговоры Федеративной республике, которая-де был не готова или не хотела начать все сначала и честно рассчитаться с прошлым, но теперь наш взгляд обращен на Восток»¹⁶.

Под предлогом необходимости интенсивного изучения истории ГДР происходит уменьшение числа исследований по проблематике «третьего рейха». Парадоксально: директор Института современной истории Хорст Мёллер заявил в июле 1992 г., что «нацистская диктатура не является объектом работ по современной истории»¹⁷. Даже историки четко выраженной демократической ориентации порой утверждают, что история национал-социализма уже хорошо изучена и что следует перенести центр тяжести на тематику «второй германской диктатуры», сузить, ограничить изучение периода 1933-1945 гг. Идет реальное сокращение финансирования соответствующих научных проектов, коснувшееся и многих университетов, и упомянутого Института современной

истории, и Ведомства военно-исторических исследований, и находящегося в Потсдаме Центра исследований по современной истории.

Агония тоталитаризма – это наше вчера и наше сегодня. Это, очевидно, – и часть нашего завтра. Преодоление тоталитарного наследия Германии и России мы начинаем осознавать как компоненты единого процесса самоосвобождения, нравственного самоочищения человечества. Василий Гроссман так определял смысл этого деяния: «высвобождение свободы в человеке, то есть очеловечивание людей, победа жизни над нежизнью»¹⁸.

Неприятие нацистского прошлого стало идейным и моральным императивом, принятым большинством немцев. Понимание (хотя степень и глубина этого понимания у определенных слоев общества различны) необходимости разрыва с тоталитарной традицией не разъединит, а объединяет – вопреки политическим разногласиям – граждан Федеративной республики.

«Если забвение, – утверждал знаменитый российский мыслитель Михаил Гефтер, – усыпляет мозги и совесть, то воспоминания будят их». «Современность вглядывается в прошлое, чтобы лучше увидеть себя – свои напасти и свои возможности». Для осмысления и переосмысления опыта живых и мертвых необходимы, по убеждению Гефтера, «исследовательские усилия и мужество вопрошания», «поступок мысли и мысль, обязывающая к поступку»¹⁹.

Наше преодоление прошлого, наше освобождение от тоталитарного наследия – этот процесс, полагал Гефтер, «имеет не только длительность во времени, сопровождаемую обрывами и возобновлениями», но «и по сути неоднозначен», неотделим от «освобождающего действия, создающего новые коллизии». Незбежны «кризисы обновления»²⁰. Осмысление немецкого опыта может оказаться очень полезным российскому историческому сознанию, формирующейся российской демократии.

¹¹ Яценко К. Смысл и значение истории. М., 1991. С. 162-163.

¹² Wolffsohn M. Keine Angst vor Deutschland. Erlangen, 1990. S. 96.

¹³ Erobern und vernichten. Berlin, 1991. S. 17.

¹⁴ Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. Frankfurt a.M., 1991. S. 8-9.

¹⁵ Förster J. Fünfzig Jahre danach // Aus Politik und Zeitgeschichte, 1991, H. 24. S. 11, 15.

¹⁶ Kocka J. Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart. Göttingen, 1995. S. 189-190.

¹⁷ Die Schatten der Vergangenheit. Berlin, 1990. S. 11, 27, 30; Deutschland. Eine Nation – doppelte Geschichte. Köln, 1993. S. 235.

¹⁸ Der Spiegel, 1993. H. 47. S. 56.

¹⁹ Rheinischer Merkur. 7. IX. 1991.

²⁰ Die Welt. 29.VI.1991; Frankfurter Allgemeine Zeitung. 27.XI.1991.

¹¹ Historische Orientierung nach der Epochenwende. Berlin, 1991. S. 76.

¹² Neues Deutschland. Innenansichten einer wiedervereinigten Nation. Frankfurt a.M., 1993. S. 30.

- ¹³ Faschismus und Rassismus. Berlin, 1992. S. 228.
¹⁴ Baring A. Deutschland, was nun? Ein Gespräch mit D. Rumberg und W. Siedler. Berlin, 1991. S. 55-56, 76.
¹⁵ Vergangenheitsbewältigung 1945 und 1989. Ein unmöglicher Vergleich? Eine Diskussion. Berlin, 1994. S. 109.
¹⁶ Die Welt. 9.III.1991.
¹⁷ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 22.VII.1992.
¹⁸ Гроссман В. Жизнь и судьба. М., 1989. С. 550.
¹⁹ Гейтлер М. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. М., 1995. С. 94.
²⁰ Там же. С.71, 224; Он же. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 38, 255; Литературная газета. 29.IV.1992.

Герд Р. Юбершер

ИСТОРИОГРАФИЯ ФРГ О ВОЕННОЙ ОППОЗИЦИИ НАЦИЗМУ

Историческая наука ФРГ далеко не сразу и далеко не в полном объеме подошла к пониманию Сопротивления против «третьего рейха» как одного из самых значительных феноменов германской истории. В первые послевоенные годы, в условиях, когда немцы проиграли войну, а союзники практически отрицали наличие антинацистского Сопротивления, покушение на Гитлера, совершенное полковником графом Клаусом Шенком фон Штауфенбергом, интерпретировалась как акция небольшой изолированной группы. Оценки такого рода продолжались достаточно долго. С одной стороны, западногерманские историки выступали против обвинений участников оппозиции в национальном предательстве, а с другой стороны, политическая ситуация оказывала немалое влияние на освещение проблем Сопротивления.

Первые публикации источников о военной оппозиции Гитлеру базировались на морально-этической аргументации и должны были служить доказательством того, что в 1933-1945 гг. действительно существовала «другая Германия». Происходила реабилитация противников нацистского режима, выходцев из военно-консервативных кругов. Детально описывалось покушение 20 июля 1944 г., которое приобрело знаковое значение и стало символом всех форм и проявлений оппозиции Гитлеру. Односторонность западногерманской историографии Сопротивления, прямое воздействие на нее политической ситуации «холодной войны» проявлялись в том, что вне поля зрения историков оставались действия рабочих организаций.

В середине 60-х годов, в обстановке политической стабилизации в ФРГ и противостояния Востока и Запада, начался процесс определен-

ной дифференциации и некоторого расширения понятия «Сопротивление». Участники антинацистского движения, в том числе принадлежавших к коммунистическим и социал-демократическим организациям и имевшим контакты с заграницей, было сыано обвинение в национальном предательстве. Был начат анализ политических представлений и программ различных группировок Сопротивления. Происходила ревизия односторонне-позитивных оценок военно-консервативной оппозиции. Исследования об отношениях с рейхсвером, вермахтом и Гитлером, осуществленные Клаусом-Юргеном Мюллером и Манфредом Мессершмидтом, показали, что накануне и после 1933 г. в Германии действовал союз военной элиты и руководства НСДАП. Накануне съезда историков ФРГ в Гамбурге в 1978 г. Клаус Гильдебранд предупреждал об опасности преимущественного рассмотрения акций левых сил Сопротивления.

Однако опасения подобного рода не оправдались. Тема военно-консервативной оппозиции осталась одной из ведущих в историографии Федеративной республики, находясь в неразрывной взаимосвязи с дискуссией о проблемах континуитета и дисконтинуитета германской истории, а также с результатами научных исследований, показавших, что нацистская диктатура представляла собой не монолитный блок, а систему конкурирующих между собой центров власти. Была начата разработка вопроса о месте и роли представителей оппозиции в органах власти «третьего рейха», об их вольном или невольном участии в преступлениях национал-социализма, прежде всего в осуществлении оккупационной политики на территории СССР. В свете указанных исследований в значительной мере поблек мифологизированный образ военных оппозиционеров, якобы выступавших против режима с первого до последнего часа. Сегодня уже нельзя умалчивать о первоначальных симпатиях к режиму, которые были присущи представителям консервативной оппозиции, об их попытках приспособления к системе. Приципальный отказ от исторической ретуши присущ современным биографическим работам о графе Фрице-Дитлофе фон дер Шуленбурге (автор Ульрих Хайнеман), об Ульрихе фон Хасселе (автор Грегор Шелльген), о Карле Гёрделере (книга написана его дочерью Марианной Майер-Крамер).

Ныне вряд ли уже представляется возможной трактовка антигитлеровских акций со стороны национально-консервативных и военных кругов как якобы прямой предпосылки демократического строя и либеральных государственных форм ФРГ. По оценке Ганса Моммзена, подобные попытки, предпринимавшиеся ранее в Западной Германии, являются «тенденциозными, претенциозными и ошибочными». Эту характеристику можно отнести и к утверждениям некоторых историков ГДР, пытавшихся отыскать в действиях графа фон Штауфенберга прямые

связи с процессом раскола Германии, происходившим значительно позднее и в принципиально другой обстановке.

Ученые ГДР довольно часто использовали явно упрощенную модель разделения военно-консервативной оппозиции на «прогрессивную» и «реакционную» группировки. Но позднее получили распространение более дифференцированные оценки Сопротивления и его деятелей. Это нашло, в частности, выражение в публикации цикла работ Курта Финкера о Штауфенберге. Но оставалась в силе концепция, в соответствии с которой преимущественное внимание уделялось антинацистским действиям немецких коммунистов, а акции других течений Сопротивления отодвигались на задний план.

Современные исторические исследования убедительно показывают, что у большинства представителей военной оппозиции процесс дистанцирования от нацистской диктатуры происходил медленно и постепенно, и лишь немногие офицеры вермахта с самого начала решились на подготовку акций насильственного свержения криминального режима. Упрощенная героизация деятелей Сопротивления, характерная для прошлых лет, сменяется сегодня усилиями по реконструкции их дифференцированного, близкого к реальности образа. Новые публикации источников по истории Сопротивления позволяют понять как многообразие форм антифашистского движения, так и более широкое, чем казалось раньше, распространение глубокого морального негодования, вызванного преступлениями нацизма. Это относится прежде всего к осуществленным Беатой Рум фон Опен и Хорстом Мюльвайзеном фундаментальным публикациям писем графа Гельмута Джеймса фон Гельмута и Гельмута Штиффа.

Агрессивные акты Гитлера, направленные против Польши и против Советского Союза, не вызвали сколько-нибудь заметных ответных акций Сопротивления, хотя в среде деятелей военной оппозиции существовали определенные сомнения, опасения и даже убежденность в том, что наступление вермахта «не имеет никакого морального оправдания». Одному из руководителей будущего заговора против Гитлера генералу Эриху Хённеру принадлежит слова: «Польская проблема должна быть решена». Преступная агрессия против СССР оправдывалась «необходимостью расширения германского жизненного пространства». Исключение составляли генерал Ганс Остер, Адмирал Вильгельм Канарис, генерал-фельдмаршал Эрвин фон Видлебен, генерал Карл-Генрих фон Штюльпнагель.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, можно ли трактовать в качестве «дипломатического Сопротивления» попытки немецких дипломатов поддерживать и развивать – в соответствии с договорами 1939 г. – нормальные отношения с Советским Союзом. Как убедительно показала Ингборг Флейшхауэр, деятельность после «третьего рей-

ха» в Москве графа Фридриха Вернера фон дер Шуленбурга была лишена антинацистской направленности. Большая часть участников военной оппозиции разделяла антибольшевистские представления и идеи «крестового похода на Восток», культивировавшиеся нацистским режимом.

В последние годы в исторической науке ФРГ произошел переход к объективному рассмотрению деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров, созданных в 1943 г. в Советском Союзе и выступавших за свержение гитлеровской диктатуры. Эти организации характеризуются ныне как часть военной оппозиции нацистскому режиму.

Было ли движение Сопротивления незначительным, нетипичным эпизодом в истории «третьего рейха»? Может ли Сопротивление служить фактором формирования историко-политической традиции? Дискуссии, развертывающиеся в ФРГ вокруг этих вопросов, стимулируют продолжение углубленных исследований по всему тематическому комплексу «третьего рейха», в том числе о степени воздействия идеологии национал-социализма на широкие круги немецкого населения.

С.М. Горшков

ВЕЙМАРСКАЯ И БОННСКАЯ КОНСТИТУЦИИ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Сравнение двух германских конституций – Веймарской 1919 г. и Основного Закона ФРГ 1949 г. – можно провести по нескольким линиям: условия разработки данных конституций, их основные положения, а также практика применения. Ограничимся двумя первыми.

Наиболее общим условием, в котором создавались обе конституции, можно считать состояние национального кризиса, обусловленного поражением Германии в мировой войне, и поиск политическими силами пути дальнейшего развития страны. Общим было также значительное влияние держав-победительниц на послевоенное устройство Германии как в 1919, так и 1949 гг. В первом случае оно выразилось, в частности, в запрещении аншлюса Германии и Австрии, во втором – в императивных указаниях западных держав относительно создания федерации. Однако, констатируя данный факт, необходимо иметь в виду, что

глубина влияния этих условий на становление новой германской государственности в каждом из этих двух случаев была весьма различна. Кризис общества, наступивший в конце 1918 г., не привел к коренным преобразованиям партийной системы страны: старые политические течения лишь несколько изменили свои названия, организационно перестроились и подкорректировали программы в духе времени. В стране продолжала сохраняться значительная поляризация политических сил, среди которых, в частности, были партии, не скрывавшие своей ориентации на прошлое (консерваторы), и партии, выступавшие за более или менее последовательные демократические преобразования (веймарская коалиция). Вследствие этого компромиссы между полярными партиями были затруднены и если достигались, то в них могло вкладываться раз-

ное содержание: так, если лево-центристскими силами президент мыслился гарантом прочности демократических основ государственности, то правые силы видели в нем некий эрзац кайзера, с помощью которого возможен подрыв этих демократических основ.

Влияние военного поражения Германии в 1945 г. было более глубоким и выразилось, в частности, в почти полном исчезновении как правого, так и левого радикализма, что благоприятствовало поиску компромиссов между оставшимися политическими течениями, которые оказались вынужденными в своей деятельности учитывать уроки политического развития Веймарской республики. В западногерманском обществе в целом сложился некоторый антифашистско-демократический консенсус.

Весьма существенно различались и процедуры подготовки обоих документов. Веймарскую конституцию выработало легитимное Национальное собрание, в течении пяти чтений (трех на пленумах и двух в конституционной комиссии) шлифовавшее ее основные положения. Боннская конституция разрабатывалась Парламентским советом, состоявшим из депутатов, избранных ландтагами, что придавало этому органу значение Учредительного собрания, однако без полномочий от избирателей. Можно заметить, что широкое демократическое обсуждение проблем государственного устройства в 1919 г. еще не гарантировало его прочности.

Содержание конституций характеризуется наличием общих и отличительных черт. Оба документа гарантировали соблюдение основных прав и свобод граждан. Положения веймарской конституции о религии и церкви были полностью инкорпорированы в Основной закон ФРГ. Установливалась возможность отчуждения собственности в целях общего блага. Но, имея в виду уроки Веймарской республики, Основной закон ФРГ предусматривает возможность ограничений основных прав и свобод в тех случаях, если противники демократии попытаются их ликвидировать средствами самой демократии. Это проявляется, в частности, в положении о запрете деятельности антиконституционных партий. «Свободная игра» политических сил в стране вследствие этого имеет свои границы, а демократия мыслится как воинствующая, умеющая защищаться. Небольшое число запретов на деятельность политических партий не свидетельствует о ненужности этих положений конституции: они самим фактом своего существования удерживают радикальные силы от антидемократических действий.

В вопросе о территориальном устройстве обе конституции исходили из федеративного принципа, хотя характер федерации различен. Веймарская конституция сравнительно слабо изменила федерацию по сравнению с предшествующим периодом, сохранив в ней в прежнем виде Пруссию. Основной закон ФРГ создал федерацию другого типа, не свя-

занную с историческим прошлым. Земли ФРГ, являющиеся новообразованиями, стали равноправными. Они существенно ограничены в возможности самостоятельного оформления политических решений, но приобрели влияние на государство в целом.

Весьма существенно различаются способы решения вопроса о границах власти основных государственных органов и должностных лиц. Серьезными проблемами веймарской конституции, сыгравшими немалую роль в ее судьбе, были несбалансированность власти президента и рейхстага и несоординированность работы рейхстага и правительства. В Основном законе ФРГ полномочия президента урезаны в пользу канцлера, избираемого бундестагом, формирующего правительство и определяющего основные направления внешней и внутренней политики. Объем полномочий канцлера дает основания некоторым исследователям говорить о «канцлерской демократии» в ФРГ. В этом смысле форму государственного устройства Германии по веймарской конституции можно характеризовать как промежуточную между парламентской и президентской, а по боннской – как парламентскую с очень сильным канцлером.

А.В. Щенников

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 1948-1950 гг. В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

День валютной реформы 20 июня 1948 г. можно считать точкой отсчета послевоенного экономического развития Западной Германии, хотя экономические преобразования в направлении рыночных отношений не сводились к этой реформе. Она была уникальным примером преобразования экономического механизма, основанном на планировании, централизованном распределении ресурсов и ценовом регулировании.

Непосредственной целью валютной реформы было избавить экономику от избыточной денежной массы, которая скопилась у населения и юридических лиц в условиях подавленной инфляции, образовавшейся в годы национал-социалистического режима и после его крушения. Рост денежной массы в условиях замороженных цен вполне естественно вызывал нехватку товаров и «черные рынки». Это, в свою очередь, приводило к росту сбережений населения. В условиях централизованного кредита эти деньги брало правительство и использовало на свои нужды, прежде всего военные.

Основные принципы денежной реформы заключались в следующем: с 21.VI.1948 существовавшие ранее рейхсмарки заменялись на новые «дойчмарки» в соотношении 10:1, притом размеры заработной платы, жалований, пенсий, коммунальных и других платежей должны были оставаться прежними. Каждый житель страны получил на руки 40 новых марок (позднее еще 20). Предприятия получили тоже по 60 марок на каждого работающего для выплаты зарплаты, но в дальнейшем должны были существовать за счет продаж собственной продукции. Обязательства банков и учреждений бывшего рейха были в основном аннулированы.

В итоге у населения было изъято 13,5 млрд, а у банков 21 млрд рейхсмарок. До этого в одночасье обесценились различного рода имперские ценные бумаги на сумму около 400 млрд рейхсмарок. Таким образом, банки потеряли огромные активы, созданные во время войны, а также требования по ипотеке из-за разрушений и потери стоимости этих объектов. Впрочем, позднее земельные центробанки отчасти решили эту проблему, сохранив приблизительно 15% этих активов и создав таким образом новую ценную бумагу – так называемые «требования по выравниванию» по отношению к федеральным землям, которые имели доходность 3%. Таких бумаг в целом было создано на сумму около 22,3 млрд «дойчмарок». Они начинали медленно погашаться с 1956 г. Так (за исключением упомянутых требований) «общественная рука» была освобождена от всех своих долгов.

Валютная реформа, проведенная оккупационными властями Тризонии, была достаточно радикальной и носила конфискационный характер. Более того, конфискуя старые рейхсмарки и долговые обязательства, реформа создавала новые правила игры для всех экономических субъектов и отчасти уравнивала их положение, заставляя начать игру вновь с определенной суммы. По мнению Г. Штолцера, проведенная реформа была по сути государственным банкротством.

Валютная реформа была первым шагом к слову централизованно-управляемого хозяйства и к переходу к рыночной системе. Восстановление стабильной денежной системы было лишь предпосылкой для такого перехода. Притом существовало множество точек зрения насчет того, как быстро можно осуществить этот переход.

7 июля 1948 г. Эрхард совершил очень смелый шаг. После объявления «Закона о принципах хозяйственной структуры» он отменил практически все предписания, издан «Распоряжение, касающиеся образования цен и контроля цен после валютной реформы». Так в одночасье Западная Германия столкнулась с ценовой либерализацией.

Рыночные реформы в этот период не ограничивались валютной реформой и ценовой либерализацией. Позднее была проведена либерализация внешней торговли и налоговая реформа. Оккупационные власти, решая проблемы с расходами, установили чрезвычайно высокие налоговые ставки. Позднее закон № 64 от 20 июня 1948 г. вместо их снизил (налог с дохода, к примеру, составил 51%) предоставил широкие возможности для списания и пользования целым рядом послаблений. Когда налоговая политика была передана в немецкие руки, начали проводиться мероприятия, стимулирующие участие в инвестициях и побуждающие к сверхурочной работе. Налоговые ставки при этом существенно сокращались. В сочетании с растущими ценами это привело к росту прибылей предприятий, опережавших зарплату. Подобная политика, ставшая мишенью для критики со стороны советских и западно-

германских экономистов, проводилась сознательно. Дело в том, что после валютной реформы, изъятых старые сбережения и долговые обязательства, наметившийся рост производства неизбежно столкнулся с недостатком инвестиций. В условиях жесткой кредитно-денежной политики, проводившейся с целью достижения ценовой стабильности, основным источником инвестиций было самофинансирование, а оно могло иметь место только при наличии высокой прибыли.

Основная проблема заключалась в том, что в первые месяцы после реформы индекс цен значительно вырос и стоимость жизни по отношению к твердым ценам довоенного времени более чем удвоилась. Водервых, выросли цены на сырье на мировых рынках; во-вторых, заметное влияние оказал незначительный объем производства в стране в расчете на 1 час (в декабре 1948 г. – 66,6% от уровня 1936 г.). Дополнительный толчок подобным тенденциям в августе 1948 г. дало повышение цен на уголь и увеличение тарифов железнодорожных перевозок на 40%, а также либерализация контокоррентных (текущих) кредитов в конце 1948 г. Однако наибольшее давление на цены шло со стороны потребительского спроса. Причина – сильнейший послевоенный спрос на потребительские товары. Голодное население, получив деньги, на которые можно было что-то купить, немедленно кинулось в магазины и на рынки.

Монетарный аспект роста цен заключался в значительном росте денежного обращения. Так, по оценке Л. Микша в 1948 г. денежная масса возросла за три с половиной месяца на 156% и к 31 декабря достигла уже 6 641 млн марок (включая Западный Берлин). Естественным последствием такой текучести денег было то, что спрос рос быстрее предложения, тем более, что последнее было недостаточно гибким. Рынки стали «рынками продавца».

Давление на совокупный спрос наблюдалось и со стороны инвестиций. В первое время их финансирование происходило в значительной мере за счет краткосрочных банковских кредитов. Другим, не менее болезненным для общества явлением, была безработица. Она «выросла из призрачной всеобщей занятости» и достигла к концу 1948 г. 760 тыс. чел. Ее пик пришелся на июнь 1950 г. (1 млн 852 тыс. чел.). Причиной послужил сначала поток беженцев, затем основной причиной сокращения рабочих мест стало повышение производительности труда на предприятиях, которым с переходом на рельсы рыночных отношений стало невыгодно излишнее количество работающих, которое раньше определялось центральными плановыми органами. Рабочие стали более заинтересованными в своем труде. Впрочем, безработица в эти годы оказалась существенно ниже прогнозов.

Первые результаты реформ сказались немедленно. Промышленное производство сделало резкий скачок: только за первую половину

1948 г. его рост составил 50%, а в 1949 г. оно выросло еще на 25%. Индекс промышленного производства в июне 1948 г. составлял 62,8% от 1936 г., в декабре – 72,8%, а в июне 1949 г. – 80,6%. При этом производительность одного рабочего часа в Западной Германии возросла в среднем с 70,3 до 89% от 1936 г. Показательно, что в тех отраслях промышленности, цены на продукцию которых были свободными, производительность труда поднялась значительно, чем в отраслях с фиксированными ценами. За 2,5 года промышленность Западной Германии практически вышла на довоенный уровень. Этот бурный рост получили название «немецкого чуда».

В.С. Павлов

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА СОЦИАЛ-ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОАЛИЦИИ

Новая восточная политика социал-либеральной коалиции, ознаменовавшая начало процесса разрядки на европейском континенте, сыграла решающую роль в переходе стран с различным социально-экономическим устройством от конфронтации к сотрудничеству и кооперации. Переход социал-либеральных кабинетов к новым отношениям с СССР отразился и в историографии ФРГ.

Если советские авторы полагали, что заинтересованной стороной в изменении отношений между двумя странами была ФРГ, то западногерманские историки отстаивают в большинстве своем точку зрения, что новые подходы во взаимоотношениях с Советским Союзом могли быть реализованы только в том случае, если он был готов на серьезные коррективы своей внешнеполитической линии. В Бикерих, касаясь встречи В. Брандта и А. Громыко в Нью-Йорке в 1969 г., отмечал, что «русский министр обещал сильное изменение внешней политики Москвы в случае, если Бонн присоединится к политике разрядки»¹. Напомним в этой связи, что у обеих великих держав было довольно сложное положение: США все глубже увязали в весьма непопулярной войне во Вьетнаме, а Советский Союз вооруженным путем воспрепятствовал чехословацкому эксперименту построения демократического социализма. Эти аспекты внешней политики двух сверхдержав подверглись критике со стороны либерально-демократических сил всего мира. От ошибочной и бесперспективной американской политики во Вьетнаме дистанцировался и В. Брандт, ставший осенью 1969 г. канцлером ФРГ.

С геополитической точки зрения ввод советских войск в Чехословакию расценивался рядом историков ФРГ как «стремление сохранить

статус-кво в Европе»². Нпротив, консервативные авторы рассматривали «чехословацкий эксперимент» СССР как непосредственную угрозу западноевропейскому миру, в первую очередь ФРГ. Г.-П. Шварц писал, что «центральной проблемой для германской демократии остается, особенно в кризисные времена, опасность существования вследствие соседства с советской сверхдержавой и ее сателлитами. Ибо никогда не может измениться география, а Советский Союз едва ли в ближайшем будущем повернется к либеральной демократии»³. В 80-е годы поддержку историков ФРГ получила точка зрения Х. Гакке. И внутренние и внешние факторы обусловили, по его мнению, заинтересованность СССР в кардинальном изменении отношений с ФРГ: «Советский Союз сигнализировал, что заинтересован в интенсификации торговли»; с внешнеполитической стороны «давил советско-китайский конфликт. Советский Союз искал разрядку на своих западных границах, чтобы получить свободу рук в возможном столкновении с КНР»⁴. Эту точку зрения разделял П. Боровский. Касаясь чехословацких событий, он видел позитивное воздействие их на политику разрядки. «Советский Союз восстановил и упрочил свои сферы влияния и интересов и на этой основе был готов к переговорам с Западом»⁵.

Но и ФРГ в не меньшей, если не в большей степени была заинтересована в улучшении отношений с СССР. Исследователи ФРГ отмечают сильное давление западных держав на своего союзника, который своей обременительной для них «доктриной Халыштейна» крайне осложнил поиск новых подходов к решению послевоенных проблем в Европе. Г. Грамль отмечал, что «доктрина Халыштейна» стала балластом западной политики Бонна и превратилась фактически в макулатуру»⁶.

Становление и развитие новых принципов в восточной политике тесно увязывались историками с экономическими интересами страны. Либеральные авторы писали не только об «отсталости» ФРГ в этом плане по сравнению с другими западными странами, но и о настоящем соревновании «партнеров-соперников» ФРГ по ЕС и НАТО, развернувшимся по линии как торговли, так и технического сотрудничества с СССР⁷.

Краеугольный камень новой восточной политики – Московский договор 1970 г. между ФРГ и СССР – при всех критических замечаниях правых публицистов получил в целом весьма высокую оценку. Известный политолог Р. Лёвенталь так оценил его значение: «Договор с Советским Союзом был определенно ключом к успеху; без согласия с Москвой не удалось бы реализовать ... серию запланированных договоров с Польшей и ГДР». Он являлся «основополагающим для общего комплекса переговоров, ибо определял соглашение по Берлину четырех держав»⁸.

Многие историки пишут о серьезной оппозиции новому подходу СССР к ФРГ со стороны восточногерманского руководства, особенно В. Ульбрихта. Развилась дискуссия о том, какая сторона – советская или западногерманская – сформулировала идею отстранения от власти жесткого и несговорчивого лидера ГДР. Пристальный интерес вызывали взаимоотношения Брежнева и Брандта, их влияние друг на друга. Некоторые консервативные историки обвиняли Брандта в чрезвычайной эйфории по поводу экономических возможностей сотрудничества СССР и ФРГ, в ослаблении союза с Западом, без прочного укоренения в котором ФРГ «надолго могла попасть под влияние советской сверхдержавы»⁷. Большинство авторов позднейших работ не разделяет опасений относительно советской политики Брандта, напротив, подчеркивает, что советско-западногерманские отношения развивались на пользу западноевропейскому сообществу. С точки зрения Г. Швейглера, осложнения в американо-западногерманских отношениях появлялись тогда, когда США и Федеративная республика в своих отношениях с СССР преследовали различные цели¹⁰. Это было связано как с восстановлением полного суверенитета ФРГ, так и с общестратегическим курсом на разрядку напряженности.

В целом восточная политика социал-либеральной коалиции нашла, особенно в литературе 80-х годов, поддержку большинства исследователей ФРГ, хотя их основополагающая мысль сводится к формуле: «Союз с Западом, связь с Востоком»¹¹.

¹ Bickerich W. (Hrsg.). Die 13 Jahre. Bilanz der sozialliberalen Koalition. Reinbek b.H., 1982. S. 30.

² Hacke Ch. Weltmacht wider Willen. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1988. S. 164.

³ Schwarz H.-P. Wie wird es weitergehen? / Die Zweite Republik. 25 Jahre Bundesrepublik Deutschland. Eine Bilanz. Hrsg. R. Löwenthal und H.-P. Schwarz. Stuttgart, 1974. S. 936.

⁴ Hacke Ch. Op. cit. S. 165.

⁵ Borowsky P. Deutschland 1969-1982. Hannover, 1987. S. 16.

⁶ Graml H. Die Aussenpolitik / Die Bundesrepublik Deutschland. Geschichte in drei Bänden. Bd. 1: Politik. Hrsg. W. Benz. Frankfurt a.M., 1983. S. 365.

⁷ Kreile M. Osthandel und Ostpolitik. Baden-Baden, 1978. S. 5.

⁸ Löwenthal R. Vom Kalten Krieg zur Ostpolitik / Stuttgart-Degerloch, 1974. S. 80, 84.

⁹ Schwarz H.-P. Wie wird es weitergehen? / Die Zweite Republik. S. 930.

¹⁰ Grundlagen der aussenpolitischen Orientierung der Bundesrepublik Deutschland. Rahmenbedingungen. Motive. Einstellungen. Baden-Baden, 1985. S. 11.

¹¹ Jäger W., Link W. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Republik im Wandel. 1974-1982. Die Ara Schmidt. Bd. 5/2. Stuttgart-Mannheim, 1987. S. 432.

Б.С. Орлов

ОТ ИДЕОКРАТИЧЕСКОЙ К ЦЕННОСТНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА

При попытке сравнить политическую культуру России и Германии¹ я обратил внимание на еще одно поразительное сходство этих стран: обе они на протяжении веков были идеократическими государствами, то есть ориентировались на определенную идеологию, миф, утопию, некое метафизическое представление о самой себе. Это подметил, между прочим, германский философ Г. Рормозер. «Существует много общего между русским и немцами, – писал он, – нет сомнения, что не только в политическом, но и в культурном и в духовном отношениях между русскими и немцами есть известное родство, которого нет между другими народами. Оно всякий раз выглядит загадочным. Существует множество теорий, пытающихся его объяснить. Если суммировать эти теории, то они сводятся к такому тезису: русские и немцы, а, возможно, и евреи, относятся к тем народам, которые можно назвать метафизическими народами»².

Я оставляю в стороне сомнительные утверждение Г. Рормозера о метафизической избранности названных им народов. На мой взгляд, вопрос этот спорный, и представители других народов, к примеру, китайцы, могли бы утверждать, что у них есть свои основания заявлять о своей исключительности. Важно, однако, констатировать, что и немцы и русские действительно вдохновлялись на протяжении веков различными метафизическими представлениями. Для немцев это идея «тысячелетнего рейха», лозунги «Германия превыше всего», представления об их особой миссии в европейской истории. Так было до 1918/19 г., когда Германия встала на путь демократического существования, ориентируясь на общечеловеческие ценности. Как мы знаем, это продолжалось недолго – до 1933 г. Затем национал-социализм ввел значительную часть немцев в искушение новой идеократической идеей – идеей

реализация превосходства арийской расы. И только после 1945 г. немцы в западной части Германии, а после 1990 г. и во всей Германии, стали руководствоваться общедемократическими ценностными установками, что и отметил в своей книге «Федеративная Республика Германия сегодня» Курт Зоннтаймер.

У России была своя идеократическая система идей: «Святая Русь», православное государство, ориентирующееся на известную триаду: «православие, самодержавие, народность». Потом был короткий период попыток встать на путь демократии, который продолжался с февраля по октябрь 1917 г., а затем погружение в новую идеократию – создание общества социальной справедливости на этой грешной земле на основе якобы научно-обоснованного коммунистического проекта. Только после августа 1991 г. Россия заявила о намерении жить по правилам демократии, а конституция Российской Федерации в статье второй объявила высшей ценностью человека, его права и свободы.

Как мы знаем, сейчас, в том числе по указанию президента, предпринимаются попытки сформулировать нечто вроде новой общенациональной идеологии, которая сплачивала бы общество. По этому вопросу развернулось публичная дискуссия. Ход ее показывает, что многие вовсе не хотят отказываться от обновленного идеократического варианта жизни. Чем завершатся споры, неизвестно. Но в контексте рассматриваемой нами проблемы совершенно очевидно, что если немцы будут и дальше жить, ориентируясь на общедемократические ценности, а мы будем пытаться разрабатывать очередной идеократический проект, это осложнит отношения между нашими странами, поскольку мы будем разговаривать как бы на разных языках.

Нам надо это отчетливо понимать и пытаться объяснить обществу, что жить по новым для нас правилам общедемократических ценностей значительно сложнее. Однако вся человеческая история показывает: какой бы привлекательной ни была идеократическая концепция (скажем, марксистско-ленинская), рано или поздно она оказывается исчерпанной и общество сталкивается с необходимостью нового выбора. Многообразие различных культур на основе общего согласия относительно демократических ценностей – примерно такой представляется жизненная схема отношений между Россией и Германией, равно как и между всеми странами нашей планеты. Если уж никак нельзя отказаться от мечты, то пусть именно это станет той общечеловеческой мечтой, реализовывать которую придется грядущим поколениям.

¹ См.: Орлов Б. Политическая культура России и Германии. Попытка сравнительного анализа. М., 1995. С. 80.

² Россия – Германия: Опыт философского диалога. М., 1993. С. 351.

Эрвин Фишер

МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ: СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Мое выступление на этой конференции наверняка удивит вас из-за своей субъективности и одновременно разочарует из-за нехватки научных суждений. Я могу отыскать оправдание в гуманитарной сфере: сегодня я здесь потому, что однажды, почти пятьдесят лет назад я уже был здесь, в Челябинске. Я был тогда немецким военнопленным: может быть, самым молодым военнопленным. Мне тогда было всего шестнадцать лет.

Мое детство прошло во времена национал-социалистического тоталитаризма, с моей юностью я расстался на фронте – в течение тех семнадцати недель, в марте-апреле 1945 г., когда я был солдатом вермахта. И ожил я здесь, в Челябинске, когда женщина, возглавлявшая врачебную комиссию, склонившись над моей койкой в лагерьном лазарете, вдруг спросила меня, сколько мне лет. После короткого разговора с членами своей комиссии она тихо сказала: «Пошел домой!», а потом уже громовым голосом: «Этого ребенка надо вернуть домой!». Забыть это невозможно: мне снова подарили жизнь.

В день капитуляции Германии ворота лагеря для военнопленных во Франкфурте-на-Одере распахнулись, и молодой русский солдат крикнул, обняв меня: «Камрад, криг капут, нах хауз!». Он вовсе не ликовал по поводу победы над немцами, он не кричал «Германия капут!», он прослезился и взял меня за руку, повторяя: «Криг капут, нах хауз!». Потом мы уселись рядом у какого-то забора, он достал из кармана и разломил пополам кусок черствого хлеба, скрутил самокрутку и, засмеявшись, потому что я не знал, что с ней делать, сказал: «Ду, кинд!».

Он был год на три старше меня и, если бы судьбе было угодно, чтобы я повстречал его снова, я уверен, мы убедились бы в том, что и у него, и у меня был общий путь – дорога домой.

«Криг капут!» – но ведь это означало, что наступил конец примитивно-механической тоталитарной системы, основанной на человеко-ненавистничестве. Тогда, во Франкфурте-на-Одере, я начал понимать, что нет более высокой жизненной цели, чем содействовать предотвращению войны, и я дал себе клятву никогда не подчиняться насилию и никогда не участвовать в актах насилия.

Эти перемены в моем сознании шли одновременно с транспортировкой пленных из Франкфурта через Познань в далекий Челябинск. И это было – вы наверняка будете смеяться надо мной – «путешествие моей мечты». Внешние обстоятельства не имели при этом решающего значения. Главными были размышления, а может быть и грезы о моей жизни, о моей общественной роли в том случае, если бы я оказался дома. Я хотел поговорить об этом с соседом по вагону (он был лет на пятнадцать старше меня) как раз тогда, когда мы проезжали Уфу. А ответ был таким: «Домой? Но об этом и думать нечего. Они сделают с нами то, что мы с ними делали».

Но что «мы» делали с русскими я узнал много позже, уже в Германии, изучая события современной истории. А тогда, в Челябинске, никто мне не напомнил об этом, никто не бросил на меня взгляда, полного презрения: ни упомянутая уже мной женщина-врач, ни офицер, который допрашивал меня и которому я рассказал о прожитых мной шестнадцати годах, ни та молодая женщина, которая перевязывала меня после несчастного случая на стройке, а потом подарила мне яблоко...

«Хорошо» – сказал мне русский писатель Леонид Ленч, которого тридцать лет спустя я встретил в Софии и которому рассказал об всем этом. И я абсолютно уверен, что ленинградская девочка Таня Савичева тоже сказала бы мне «хорошо», если бы я встретился с ней в ее родном городе и поговорил с ней, а не оплакивал бы ее гибель.

«Хорошо?» – я снова в Челябинске, пятьдесят лет спустя, и это все не было таким уж легким делом: ни одно из многочисленных учреждений, которые могли бы оказать мне помощь в этой поездке, ничего не сделали. И только Аннета Фасс, депутат бундестага от СДПГ – партии, в которой я состою с 1947 г., – нашла (едва ли не в последнюю минуту) выход из ситуации, казавшейся безвыходной.

Я был приглашен сюда для разговора о настоящем, но до сих пор я говорил только о прошлом. Нам кажется естественным, само собой разумеющимся то, что у будущего должен быть шанс. Мы изжили тоталитарный режим и теперь, развивая гуманистические начала, обязаны быть бдительными – для того, чтобы свобода сосуществования не переросла в насилие одних над другими.

Любая тоталитарная система базируется на злоупотреблении узурпированной властью и на подавлении индивидуальных свобод. Тоталитаризм, который подтверждает свое право на существование при помощи террора, в конце концов терпит поражение от рук собственных жертв, сохраняющих гуманистическое сознание и выступающих против разрушения моральных устоев общества. Издавна присущая человеку индивидуальная свобода заканчивается там, где начинается свобода ближнего. Нет и не может быть тоталитарной свободы, нет и не может быть тоталитарного индивидуализма.

Где-то в этом городе есть яблоня, которая выросла из посаженных мной в челябинскую землю семян подаренного мне когда-то яблока. «Хорошо» – сказал мне около двадцати лет назад Чингиз Айтматов, когда я рассказал ему эту историю. А Константин Симонов добавил: «Придет время, ты еще присидь в Челябинск и будешь искать эту яблоню, а молодые люди станут твоими помощниками. И Таня Савичева незримо будет вместе с вами».

Мы не знали тогда, сколь долгой и трудной окажется эта дорога. Константин Симонов никогда уже не узнает, нашел ли я яблоню, о которой я когда-то ему рассказывал. Но если она цвела, пчелы и ветер разносили пыльцу ее цветков над городами и селами, над бесконечными березовыми рощами, которые я уже никогда не смогу забыть.

Повсюду цветут яблони – в Челябинске и в моем родном городе Кёнигсберге, который теперь именуется Калининградом. И повсюду человечность одерживает победу над тоталитарной бесчеловечностью. Расцветают не только яблони...

Немолодой свободный человек вернулся в тот город, в котором он – как военнопленный – провел решающие дни своей юности. Он всегда верил в то, что его надежда на возвращение осуществится. И я благодарю вас за то, что моя мечта осуществилась.

А. Б. Цфасман

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ФРГ И ПРЕОДОЛЕНИЕ НАЦИЗМА

В судьбах германской демократии – как веймарской, так и боннской – немалую роль сыграла интеллигенция.

Трагический финал Веймарской республики был следствием многих обстоятельств. Не в последнюю очередь он был связан с отношением к ней интеллигенции. Республика предоставила ей невиданные возможности творческой свободы. Однако в своем большинстве она далеко не во всем принимала республику. Речь идет не только о правонастроенной части интеллигенции, обуреваемой великодержавностью и национализмом. Многие порядки, царившие в Веймарской республике, не принимала и левая интеллигенция, настроенная демократически. Тем самым она сближалась с коммунистической критикой. Это лишь усиливало дискредитацию республики, что было на руку ее главным врагам – национал-социалистам¹.

Трагедия, в которую верг немецкий народ гитлеровский фашизм, вынудила многих деятелей немецкой культуры задуматься о ее истоках и причинах. Среди них Т. Манн. В разгар второй мировой войны, на исходе гитлеровской диктатуры, он заговорил об опасностях и исторических тупиках немецкого национального эгоизма, воплощением которого стал национал-социализм. Он указывал на закоренелый индивидуализм немцев и их высокомерное отношение к внешнему миру, к Европе, к цивилизации, которые прекрасно уживались с внутренней несвободой, незрелостью, тупым верноподданничеством. Корни национальной трагедии Германии Т. Манн видел в прошлой истории, в империи Бисмарка, которая «не имела ничего общего с демократией». Рожденная в войнах, писал он, «нечестивая Германская империя прусской нации могла быть только милитаристским государством». Немцы не сумели взять от «от Европы, от духа европейской веры в человека, европейского демократизма какие-нибудь полезные для себя истины», а немецкий роман-

тизм, опустился до «жалкого уровня черни, до уровня Гитлера», «выродился в истерическое варварство, в безумие расизма и жажду убийства...»²

Крушение национал-социалистического режима и беды, которые обрушились на Германию, многими в стране воспринимались как катастрофа. «Немецкая катастрофа» – так назвал свою книгу, вышедшую в 1946 г., крупнейший немецкий историк Ф. Майнеке³. Рассматривая национал-социалистический режим как величайшую беду, как угрозу «вырождения немцев», историк указывал на главные силы, которые тому содействовали, – на крупных промышленников и финансистов, на прусско-германскую милитаристскую касту. Одним из первых среди своих коллег Майнеке призывал к радикальному разрыву с милитаристско-нацистским прошлым страны.

В том же 1946 г. с трактатом «Проблема вины» выступил виднейший немецкий философ К. Ясперс, который обратился к вопросу об индивидуальной вине и ответственности за нацистский режим и его злодеяния, предлагая рассматривать ее не только с юридической и политической точек зрения, но также с моральной и метафизической (под последней он понимал пассивность по отношению к преступлениям нацизма).

Став одним из духовных лидеров Германии, Ясперс в последующие годы обращался к соотечественникам не только через свои книги (например, «Наше будущее и Гете», «Разум и антиразум в нашу эпоху» и др.), но и по радио. Условием освобождения от тоталитаризма он считал возвращение к гуманистическим традициям немецкой культуры, а для тех, кто обрел духовную автономию, приобщение к философской вере экзистенциализма. Голос авторитетного мыслителя, ратовавшего за внутреннее очищение немцев, стимулировал процесс национального самоосмысления, которое более интенсивно проходило в среде демократической интеллигенции.

Глубочайшую национальную травму, нанесенную гитлеризмом и войной, пытались осмыслить и писатели, бывшие «внутренними эмигрантами», которые, живя в Германии, молчали в годы нацизма (Р. Шпайдер, Г. Казак, А. Шольтис и др.). Они заговорили о войне как о «роковом катаклизме», изображая ее преимущественно в абстрактно-символических картинах и аллегорических метафорах. И хотя их голос был услышан немногими, они тоже внесли определенный вклад в переосмысление прошлого.

Немалое воздействие оказывали самые авторитетные писатели, находившиеся в годы нацизма во «внешней эмиграции». Среди них Томас и Генрих Манны. Продолжая обращаться к гуманистическим традициям немецкой культуры, они привлекали к ним внимание не только мо-

лодого поколения творческой интеллигенции, но и широкие слои населения.

Однако еще большее влияние на умы и настроения людей оказывало молодое поколение деятелей культуры, непосредственно «обоженных» нацизмом и войной. Нарисованные ими картины недавнего прошлого, образы людей, загнанных в машину тоталитарной системы и войны, познавших ее ужасы, гибель близких людей, в наибольшей мере совпадали с тем, что испытали миллионы немцев. В произведениях этих авторов зазвучало и чувство вины за сопричастность к преступному режиму. Многие из писателей этого поколения составили ядро известного литературного объединения «Группа 47», к которому присоединились многие в последующем виднейшие писатели ФРГ (Г.В. Рихтер, Г. Бёльл, Г. Айх, В. Шинурре, а затем Г. Грасс, М. Вальзер). Заслуга их не только в том, что они внесли огромный вклад в освобождение немецкого народа от многих иллюзий и заблуждений, но и в том, что в атмосфере 50-х годов, когда и в настроениях людей, и в прессе, и в исторической науке преобладали стремления затушевать или даже оправдать прошлое, они смело высвечивали негативные проявления в общественной жизни ФРГ, связанные с новым возрождением милитаризма и реваншизма (А. Андерш, В. Кёпен и др.). Именно они начали и вели непрерывную общественную дискуссию по самым жутким проблемам развития страны, которая сыграла важнейшую роль в нравственном и политическом очищении западногерманского общества⁴.

Немалый вклад в оздоровление общества внесли и деятели кино. В первые послевоенные годы их внимание привлекали преимущественно трагические события времен фашизма и войны. И хотя на экраны страны преобладала развлекательная кинопродукция, с конца 50-х годов кинематография ФРГ стала чаще обращаться к осмыслению сложных проблем прошлого и настоящего (например, «Генерал дьявола» и «Капитан из Кёпеника» Х. Койтнера). Крупным общественным явлением стали сатирические фильмы К. Хофмана, в которых разоблачение фашизма соединялось с предупреждением об опасности его возрождения, высмеивались нравы и мораль власти имущих в ФРГ («Мы – вундеркиндцы», серия комедийных фильмов о замке Шпессарт). Верность антифашистской теме продолжал В. Штауде (автор первого антифашистского фильма «Убийцы среди нас», вышедшего в 1946 г.), выпустивший ряд обличительных картин («Розы для господина прокурора», «Ярмарка» и др.).

Важнейшее значение для судеб Федеративной республики имели послевоенные преобразования: демилитаризация и денацификация, становление демократической партийной системы, формирование демократической государственности. Хозяйственные реформы подготовили последующее экономическое и социальное благополучие, включение ФРГ

в систему западных демократических государств. Однако атмосфера «холодной войны», когда ФРГ оказалась в роли «прифронтового» государства, существенно притупляла тенденцию к последовательному расчету с прошлым и порождала возможности возрождения в стране духа милитаризма. В этой атмосфере незаменимыми были голоса интеллигенции. Один из них зазвучал из прошлого. То был голос уже умершего выдающегося поэта Г. Бенна: в 1959 г. было опубликовано его эссе «К теме истории». Написанное в разгар войны, оно свидетельствовало о прозрении поэта, некогда поддерживавшего нацизм, но осознавшего его аморальную сущность и проникшегося к нему глубочайшим презрением. В «Пожелания для Германии», венчавшем эссе, Бенн предлагал суровые меры: «Искоренение любой персоны, которая в течение ближайших ста лет произнесет слова “Пруссия” или “рейх”». Историю – как направление и принцип – подчинить европейской исполнительной власти. Детей же воспитывать за государственный счет в западных демократических странах⁵.

В 60-е годы происходила активная политизация общества. Она характеризовалась противодействием введению чрезвычайных законов, активными выступлениями молодежи, поисками примирения со странами Восточной Европы. Широкий резонанс, вышедший за рамки научной дискуссии, вызвала опубликованная в 1961 г. книга гамбургского историка Ф. Фишера «Рывок к мировому господству», в которой гитлеровский рейх предстал как естественный преемник агрессивных милитаристских традиций вильгельмовской империи. Эта книга, как и появившиеся в то время исследования К.Д. Брахера, В. Зауэра, Г. Шульца, Э. Нольте, положили начало новому этапу изучения и осмысления национал-социализма в исторической науке⁶.

Всеобщее общественное внимание привлек к себе проходивший в 1963-1965 гг. во Франкфурте-на-Майне «Осенницкий процесс» над палачами крупнейшего лагеря смерти. Немецкая общественность не только смогла увидеть личину убийц, но и познакомиться с масштабами нацистских преступлений благодаря документальным материалам, представленным видными историками – Г.-А. Якобсеном, Г. Краусником, М. Бросатом, Г. Бухгеймом – и составившим основу фундаментального труда «Анатомия государства СС». В связи с процессом с большой эмоциональной силой прозвучало в 1966 г. (первоначально по радио) выступление видного философа и социолога Т.В. Адорно: «Воспитание после Освенцима»⁷. Преодоление нацизма предстало в нем как важнейшая общенациональная задача. «Требование, чтобы Освенцим никогда больше не повторился, – первейшее воспитание... Любые дебаты об идеалах в воспитании ничтожны и не имеют никакого значения перед этим одним, чтобы Освенцим не повторился. То было варварство, несомнимое ни с каким воспитанием... Климат, который в на-

большей степени способствует его повторению, – это вновь пробуждающийся национализм».

Глубокой тревогой за судьбу страны были проникнуты публицистические выступления патриарха немецкой философии К. Ясперса. В беседе с издателем журнала «Шпигель» Р. Аутштейном в 1965 г. Ясперс категорически возражал против отмены преследований виновных в массовых убийствах за давностью лет. Поскольку режим сделал уничтожение целых народов своей политикой, преступниками должны считаться и те, кто исполнял его приказы. Ясперс настаивал на удалении с государственных постов всех, кто служил преступному режиму, ибо «мы хотим самоочищения»⁸.

В своей новой книге, вышедшей год спустя, «Куда движется Федеративная республика?», Ясперс писал: «Виноват не Гитлер, а немцы, которые пошли за ним». Они и сейчас еще, видимо, не избавились от «мышления времен гитлеризма». Он предупреждал, что страна движется навстречу новой катастрофе: «Нынешнее положение можно сравнить с ситуацией в 20-е годы, накануне захвата власти Гитлером»⁹.

Поскольку книга встретила возражения, Ясперс в 1968 г. выпустил «Ответ на критику», в котором основное внимание уделялось анализу положения дел в ФРГ и тем явлениям, которые несли угрозу демократии. Отвечая своим критикам, он писал: «Мы являемся свидетелями гибели демократии... Мы можем сделать только одно – нечто невероятное: путем резкого поворота создать здоровое в морально-политическом отношении государство»¹⁰.

Последующее развитие ФРГ не подтвердило пессимистических предсказаний Ясперса, но в этом немалая заслуга его выступлений, проникнутых глубокой тревогой за судьбу страны. Преодолев «кризис идентичности», пережив бурное студенческое движение протеста и последовавшие социальные движения, Федеративная республика прошла мучительный процесс очищения от тоталитаризма и утвердилась как правовое, демократическое, социальное государство, ставшее неотъемлемой частью европейского сообщества. Большая заслуга в духовном перевоспитании нации принадлежит демократической интеллигенции.

¹ См.: Млечина И. Уроки немецкого. XX век. М., 1994. С. 5-78.

² Манн Т. Германия и немцы // Собр. соч. Т.10. С. 307, 315, 324.

³ Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946.

⁴ Подробнее см.: Млечина И. Указ. соч. С. 189-201.

⁵ Новое время. 1993. № 16. С. 58.

⁶ Подробнее см.: Борозняк А. И. Историки ФРГ о нацизме // Новая и новейшая история. 1997. № 1.

⁷ Новое время. 1993. № 5. С. 58.

⁸ Ясперс К. Куда движется ФРГ? М., 1969. С. 217-224.

⁹ См. там же. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 140.

М.П. Лаптева

ТОМАС МАНН И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГЕРМАНИИ

Изучение политической культуры может идти в разных вариантах. Получительно не только социологизированные обобщения массового опыта, но и мнения наиболее ярких национальных мыслителей.

Томас Манн совместил художественное и публицистическое осмысление многих этапов германской истории. Его романы, очерки, статьи и речи вскрывали нерв и суть каждой новой эпохи, переживаемой Германией. Творчество Т. Манна стало великопленным отражением немецкой истории не только в силу данного Богом таланта, но и благодаря способности учиться у истории и жизни, меняясь вместе с эпохой.

Публицистическое наследие Т. Манна содержит около 1000 текстов. Однако, волнуня литературоведов, оно почти не привлекло внимания профессиональных историков. Исключение составляет только германский историк И. Фест, но и он с крайним сомнением относится к публицистике Манна, даже считает его неосведомленным и несведущим¹. Высказанные Т. Манном мнения по некоторым аспектам немецкой истории культуры крайне интересны уже в силу того места, которое он сам занял в ней.

Германия для Т. Манна – это великое слово, с которым связаны сотни печальных и почтенных, приятных и гордых ассоциаций. Так, Лютера он называет консервативным революционером, соединившим в себе освободительную и тормозящую силы². Это соотношение «старонового» Т. Манн находит во всех поворотных моментах немецкой истории. Отметив, что XIX век не дал «веселого прогресса», не уменьшил количество зла и подлости на земле, он наиболее полно анализирует

особенности немецкого политического развития первой половины XX века.

Т. Манн называл немцев «значительным и несчастным народом», отмечал его доверчивость и «готовность быть совращенным и одураченными», «нехватку политического ума», политический мистицизм.

Выработав в начале XX в. идею «пессимистической нравственности», считая высшим достоинством немецкой культуры ее сосредоточенность на чистой духовности, Т. Манн сказал «да» первой мировой войне и проповедовал необходимость «обороны духа от политики». С осени 1915 г. до весны 1918 г. Т. Манн пишет «Размышления аполитичного» – плод самопознания и вживания в европейские проблемы. Задумавшись над психологическими и эстетическими предпосылками войны, он называет ее «великой», «глубоко порядочной», «торжественной» и «народной», видит в ней схватку между «культурой» и «цивилизацией». Много цитирует Достоевского, видевшего в германской истории протест против Запада. Победа Антанты сделала бы Европу, по мнению Т. Манна, «плоско-гуманной», «женственно-изящной», «хвастливо-демократической».

Однако «история пошла не так». Концепции Т. Манна рушатся на его глазах и в его душе. Не будучи республиканцем, он отмечает в дневниковой записи 10 ноября 1918 г. свое «радостное, полное надежд отношение к происходящим событиям»¹.

Свое отношение к войне он назвал теперь «диалектическим гусарством» и объяснил его полной политической невинностью и невежеством немецкой интеллигенции, выросшей на Лютере и романтиках.

Только четыре года спустя, в 1922 г., вскоре после убийства Ратенау, Т. Манн публично отказался от тезиса, что аристократическое равнодушие личности к государству – национальная особенность. При этом он апеллировал не к конкретной практике веймарской Германии, а к германской традиции, идущей от Новалиса, сказавшего, что «каждый человек обязан быть гражданином».

Веймарское государство было, по мнению Т. Манна, неполноценным осуществлением и идеи республики, и идеи демократии. Но именно в это время начинается переосмысление формулы аполитичности, а в 1930 г. Т. Манн называет политику широким понятием, переходящим без резкого разграничения в область этических проблем.

Фашистский период немецкой истории довершил осознание Т. Манном связи «политического вакуума духа» с национал-социалистической катастрофой. Он окончательно усомнился в ценности самодовольной духовной замкнутости, ведущей к гибели личности и торжеству толпы. Глубокая аполитичность, по его мнению, это специфически немецкая возможность, закономерность и опасность.

За годы второй мировой войны Т. Манн произнес 55 речей для немецких слушателей и написал «Доктора Фаустуса», где XX век изображен им в перспективе величайшей катастрофы. «Патологически подлый режим» возвел антиразум в политику, национал-социализм – это безумная попытка сlixовой компенсировать немецкую политическую бесталанность. Музыка Левверкюна – символ победы хаоса над культурой; она предвосхищала то, что ожидало Германию. Ледяное отчуждение Левверкюна от жизни проявило роковые черты немецкой истории и культуры – отрыв идей от интересов, интеллекта от политики.

Народ, который внутренне несвободен, не заслуживает внешней свободы. Однако Т. Манн верил в то, что Германия останется страной огромных ценностей и обретет связь с человечеством: «Только тогда дела в Германии пойдут хорошо, – заметил он, – когда Карл Маркс прочитает Фридриха Гельдерлина»⁴.

¹ *Fest J. Der unwissende Magier. Berlin, 1985.*

² *Mann Th. Gesammelte Werke. Bd. 12. Berlin, 1995. S. 561.*

³ *Die Erste Republik. Dokumente. München, 1992. S. 79.*

⁴ *Mann Th. Op. cit. Bd. 11. S. 714.*

М.И. Бент

ФРАГМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО УТОПИЗМА В ПОСЛЕВОЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Немецкой ментальности свойственно разграничивать «чистый» и «практический» разум, «теоретическое» и «практическое» понимание свободы. По Шиллеру, именно реальное положение дел «ограничивает ... человека в действительности, чтобы погнать его в мир идей».

Попытки «перевода» этического в план практической морали или эстетической видимости формируют два типа утопизма – просветительский («общество Башни», «Педагогическая провинция» у Гете; «Касталия» у Гессе, «Всеобщая декларация обязанностей человека» по Брехту) и романтический (эстетическое инобытие действительности у Новалиса, «Атлантида» у Гофмана, идея сверхчеловека у Гёльдерлина и Ницше).

Эти тенденции актуализируются в XX веке в направлении демократического гуманизма, с одной стороны, и в направлении элитарности – с другой. Но ограниченность технотронных и экологических резервов Вселенной ставит под вопрос обе тенденции. Три утопических романа, написанных немецкими авторами на рубеже 40–50-х годов, позволяют увидеть философско-эстетическое отражение этой драматической коллизии.

Роман Г. Казака «Город за рекой» (1946) появился сразу после войны. Не замечать в нем отзвуков недавних потрясений – значит игнорировать очевидность. Однако содержание романа не только не сводимо к обличению тоталитарных режимов, войны и геноцида, но фактически имеет вообще другую задачу. Симптоматично, что Роберт Лиддгоф («архивариус», «свидетель», «миссионер»), возвратившийся на время из «города мертвых», обнаруживает среди живых те же разрушения, «ог-

ромные кладбища, ... вырубленные леса, развалины, кучи щебня и битого кирпича», те же жестокость, преследования, страх, что и «за рекой». «Там» и «здесь» разделены и связаны не как два разных мира, не как прошлое и настоящее даже, но как прошлое в настоящем и как настоящее в прошлом. Количество зла в мире – результат всей многовековой истории. «Сгустившийся мрак свидетельствовал о том, как много излилось и продолжает еще изливаться ненависти в человеческом мире, как много еще в человеке бездуховного – в отдельных людях, в человеческих сообществах и народах». Но человек, считает автор, в состоянии направить свои страсти «и на просветление духа, на устройство более человеческой жизни». Это произойдет, если все будут помнить, что «каждым мгновением своей жизни каждый отдельный человек так или иначе содействует мировому порядку вещей».

В романе Э. Юнгера, автора до недавнего времени «одиозного», названного по образцу Кампанеллы «Гелиополис» (1949), налицо неизменные признаки новейших антиутопий (технический прогресс и диктатура) и следование «парцифалевскому» архистиму немецкой культуры. Юнгер выводит некую «телеологию» революции: сначала теоретики и утописты, затем практики, победители гражданских войн, деятельность которых является «кульминацией и провалом утопии», после них – «дееспоты в чистом виде», которые, опираясь на технику, куют «для масс новое чудовищное ярмо», возвращая назад «под новыми именами пытки, крепостничество, рабство».

В Гелиополисе, утопическом городе-государстве, противостоят друг другу открытая, легальная власть проконсула, опирающаяся на офицеров и чиновников, и теневые, подпольные силы, рекрутирующие своих сторонников среди ломпенов и маргиналов. Композиция романа такова, что читателю как бы предлагаются «варианты» решения. Политически верным признается этически безупречный вариант. Надежды возлагаются на «аристократов духа», которые становятся избранниками новой цивилизации и покидают землю кровавых раздоров, чтобы вернуться в будущее носителями «благой вести».

Главные содержательные эпизоды «краткого романа» А. Шмидта «Республика ученых» (1957) фабульно восходят к «Путешествиям Гулливера» Дж. Свифта – путешествие в «полосу гоминидов» (мутантов) и посещение острова, где расположился «заповедник» гениев. Действие романа отнесено к началу XXI века. В недавнем прошлом – ядерная война, уничтожившая Европу. Мир разделен двумя сверхдержавами на сферы влияния и «крутится на месте».

У автора достает сарказма и для насмешек над западной культурой и для протестного развенчания наших отечественных «исторических завоеваний». Каковы перспективы, спрашивает он? «Все зависит от того, чьи машины окажутся выносливее... Не исключено, что остров разо-

рвется... по осевой линии» – гласит ответ. Перед внутренним взором рассказчика, словно видение «золотого века», пронисится всадница.

Путешествие в будущее во всех трех романах оказывается вопрошанием прошлого: когда и почему была пройдена та «точка, от которой нельзя вернуться» к человеческой цивилизации? Или еще не все потеряно?

Л.А. Фадеева

ЭТНОСТЕРЕОТИП НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Понятие «этнический стереотип» в этнопсихологии определяется как «приписывание тех или иных этнических признаков представителям иных этнических групп». Стереотип этот отличается одновременно эмоциональностью и устойчивостью, этнические признаки могут быть как реальными, так и вымышленными, а сам стереотип меняется в зависимости от социально-исторических условий. Зачастую он соединяет, казалось бы, несоединимые элементы, каждый из которых сложился на определенном витке истории.

Первые сведения о немцах оставил нам Плутарх, описавший их в 180 г. до н.э. как диких воинов в войске Персея. Тацит воплотил представление о германских племенах в саркастической формуле: «Им кажется постыдным добывать потом то, что можно добыть кровью». Как известно, германо-скандинавская мифология была суровой, воинственной и жестокой. Пантеон ее богов включает вооруженных грозных воинов, пострадавших в битвах и поэтому нередко одноруких. Бог Водан, появившийся в мифах как бог ясного неба, трансформировался в бога, олицетворявшего ярость войны. Один, царь мертвых, стал всемирно известен (отправится к Одину – умсреть) вместе со своими прислужниками валькириями и кошмарами. Единственный добрый и красивый бог Бальдур должен был погибнуть, вследствие чего наступал конец света.

В средние века, когда происходило складывание наций и языков, германо-скандинавская поэзия поражала своим трагизмом и чудовищностью поступков героев (изощренная месть, заклятие). На национальные черты немцев наложила отпечаток и ведущая роль рыцарства в обществе, и память о Священной римской империи германской нации,

существовавшей до XIII века. Но помимо этого, влияли также рационализм и упорядоченность цеховой жизни, социальный конформизм сельского мира.

По мнению М. Вебера, лютеранство меньше, чем кальвинизм, регламентировало жизнь людей, из чего вытекала спокойная уравновешенность бюргера. Это помогало немцу быстро адаптироваться в новой ситуации, ассимилироваться, пассивно усваивать опыт. Может быть, именно вследствие таких способностей, немцы психологически легче приняли результаты Тридцатилетней войны 1618-1648 гг., последствия которой Ф. Шлоссер характеризовал так: «*«*Вся нация опустелась. Оскудели ее научные и литературные силы. В XVIII веке в Германию не заглядывал еще ни один луч нового времени*»*. Но с середины века начинается период литературного и общественного брожения, хотя просветительское движение почти не затрагивало общественно-политических вопросов. Как своего рода психологический компенсатор появляется культ беспредельного чувства. «*Буйную молодежь*» 1770-х называли «*дикими*» или «*мятежными гениями*». Это породило представление о немецкой нации как о нации сентиментальной, чувствительной. Во второй половине XVIII и первой половине XIX века немцы уже слыли в Европе нацией музыкантов и поэтов, философов и мечтателей, мало приспособленной к потребностям индустриального общества и к решению практических задач (и это, невзирая на деловую аккуратность бюргерства).

Кроме того, немцы, жившие в сотнях земель, княжествах, «вольных городов», епископатах и т. д., оставались разобщенными, расколотыми. Многие немецкие мыслители, философы, писатели были озабочены таким положением. «*Поистине, отечество наше достойно сожаления, ибо оно не имеет ни общего голоса, ни места сборищ, где все могут услышать друг друга. Все в нем расчлениено, разве на кладбище нам может быть предоставлено место для всеобщего единомыслия и взаимного признания, – с горечью писал Гердер. – Имя «немец», к которому сейчас многие осмеливаются относиться пренебрежительно, может быть, стало бы почетнейшим именем в Европе без шума, без чрезмерных притязаний, только благодаря своей собственной силе, твердости и величию.*»

Во второй половине XIX века в этническом стереотипе немцев происходят существенные перемены: промышленный переворот превращает их в нацию практиков, предпринимателей. Деловитость немцев входит в поговорку. Умение быстро и эффективно использовать технические достижения других наций сохраняется как ценностное ядро этнического стереотипа. Деловая активность и предпринимательский дух служат в это время объяснением «*политического несовершенлетия*» на-

ции (В. Зомбарт). Многое меняется с созданием Бисмарком второй Германской империи.

В XX веке политический компонент этнического стереотипа приобретает особое значение. Он трансформируется под воздействием слабости Веймарской республики и установления фашистской диктатуры. В современной литературе нередко недооцениваются социально-психологические сдвиги периода второй мировой войны. Чувство ненависти к немцам как к жестокой и агрессивной нации, не имеющей права на самостоятельное существование, пока они не научатся жить цивилизованно и демократично, было распространено повсеместно. К концу войны в Европе господствовало представление, что немцы не готовы к самостоятельной политической жизни и демократии, что необходим надзор, контроль за привитием им демократических навыков.

Начало «холодной войны» изменило настроения. Возобладало мнение, что было бы негуманно вычеркнуть из жизни целую нацию. Не только «экономическое чудо», но и изменение этнического стереотипа немецкой нации способствовали вхождению ФРГ в европейское сообщество. Освобождавшийся от яда отчуждения немецкий народ проявил себя способным воспринять уроки нацистского прошлого и освободиться от его последствий. Но процесс этот был длительным и трудным. Его результатом стал синдром «бегства от истории», «трудного отечества», «безродности», «безотцовщины», проявившийся в Западной Германии на рубеже 70–80-х годов. Тогда западные немцы продемонстрировали самые низкие в Европе показатели по таким позициям как «гордость за свой народ», «приверженность к родной стране». Особенно молодежь стремилась идентифицировать себя не с тоталитарными побежденными, а с демократическими победителями. В качестве компенсации за столь трудное чувство любви к Родине усилилась привязанность к так называемой малой родине: земле, краю, землячеству.

Западные немцы в эти годы воспринимали восточных как нечто чужеродное и наоборот. За десять лет до воссоединения Германии многие считали возможным культурное единство нации, но не государственное. Молодежь оценивала восточных и западных немцев как представителей разных наций. Эти представления и сейчас еще затрудняют фактическое воссоединение Германии не меньше, чем трудности экономические или социально-политические.

ОБЗОР ДИСКУССИИ

А. И. Горюних: К какому бы сюжету политической истории XX века ни обращались в наши дни ученые и публицисты, они неизбежно подходят к кардинальным вопросам о корнях нацистского режима и о ответственности немецкой властвующей элиты. С легкой руки швейцарского журналиста Ф.Р. Аллемана еще в 1956 г. появилась широко известная формула: «Бонн – это не Веймар». В ее духе развивались и историческая мысль, и историческое сознание ФРГ. Изучение проблематики Веймарской республики должно было помочь утверждению новой модели стабильной представительной демократии. Смена вех в трактовке веймарского периода германской истории обуславливалась не только непрерывным расширением круга документальных источников, но и теоретическими поисками представителей различных научных школ и направлений. Она проявилась прежде всего в осмыслении причин падения существовавшего в 1919-1933 гг. политического режима и в извлечении из истории «третьего рейха» определенных уроков.

А. Б. Цвасман: Попытки соединить либеральную демократию и национальную идею восходят в Германии еще к рубежу веков, когда некоторые либералы, прежде всего Фридрих Науман, проявили стремление создать идейно-политический синтез из либерализма, национализма и социализма. Наиболее полное выражение эти мысли получили в известной книге Наумана «Демократия и имперская власть» («Demokratie und Kaisertum»). Автор возлагал надежды на то, что с помощью социально-либерально-националистической идеи удастся создать новое движение, способное отстоять сторонников как у консерваторов, так и у социал-демократов. Однако попытка не удалась, ибо электорат был уже «разобран» и в относительно спокойные времена

перемещался медленно. К тому же национальная идея предвоенной эпохи шла все-таки от прошлого, от времени государственного объединения Германии под эгидой прусской монархии. Революция и республика многое изменили. После Версаля национальный вопрос, а вслед за ним и национальная идея трансформировались так, что было чрезвычайно трудно соединить их с демократией и социализмом. В том ракурсе, в каком Антанта навязала Германии свои решения национального вопроса, они могли быть в наибольшей степени использованы не либералами и демократами, а консерваторами, правыми националистами и национал-социалистами. Это во многом обусловило слабость демократического центра в партийно-политическом ландшафте Веймарской республики.

И.С. Дробиш: В истории Германии после первой мировой войны есть множество проблем для размышления. Нас и сейчас интересует, возник ли бы в стране столь сильный национализм, если бы не военное поражение и особенно не Версальский диктат, который на годы стал раздражителем для всех национально мыслящих немцев. Ведь против Версаля выступали не только националисты и нацисты, а и социал-демократы и коммунисты. Как я уже заметил, и в книге Зонтхаймера отмечено неблагоприятное для демократии соединение ее с военным поражением и тяготами Версаля.

В свое время Л.Д. Троцкий, характеризуя германскую революцию, назвал ее «выкидышем», «абортивной революцией», которой военное поражение не дало дозреть. Впрочем, он считал, что в Германии должна была произойти «настоящая», т.е. большевистская революция, а не «просто демократическая». Но ведь ни одна революция не привела к тем результатам, какие ожидали от нее энтузиасты-революционеры.

Э. Фишер: Я поддерживаю эту точку зрения. Но есть еще и психологический аспект. Почему экстремисты в веймарской Германии были столь сильны? Потому что нормальные люди были слабы. Большинство людей не хотело нацистов, но те навязали себя Германии.

О.В. Плужникова: Высказанные суждения важны, но я хотел бы коснуться вопроса о роли в судьбе Веймарской республики германской социал-демократии. Ей, безусловно, принадлежит заслуга сохранения демократического потенциала Ноябрьской революции, которая не превратилась в революцию «российского образца». Вместе с тем, как известно, СДПГ переоценила опасность слева и недооценила правую опасность. В результате в период становления республики социал-демократы не решились на радикальные демократические преобразования в различных сферах (ликвидацию юнкерского землевладения, национализацию крупной промышленности, демократизацию государственного аппарата, армии, суда и т.д.). Во многом из-за такой политики СДПГ германский консерватизм, лишенный реформистского потенциала, сумел

сохранить свои позиции и вскоре осуществить наступление на первую немецкую демократию. СДПГ не смогла вовремя дать должный отпор правым, принявшим на вооружение «легенду о должкштоссе». Партии пришлось нести бремя ответственности за не ею развязанную и не ею проигранную войну, а немецкое общество, запутавшееся в своих противоречиях и лишенное ориентиров, все «беды» социально-экономического и политического характера стало сваливать на демократический строй.

В.Л. Черниперов: Чтобы сложилось стабильное общество с либеральными и социал-либеральными традициями, должно смениться несколько поколений. Что касается веймарской Германии, то хочу обратить внимание еще на один момент: все или почти все воспитание молодого поколения осталось в руках правонастроенных учителей как в средней, так и в высшей школе.

М.Б. Корчагина: Я хотела бы продолжить линию разговора о том, почему Веймарская республика оказалась нежизнеспособной. В тех условиях, в которых она возникла, мог бы сложиться сильный режим. Правящие элиты делали ставку на формирование авторитарной власти. Однако сами эти элиты были ущербными, они были из прошлого и не могли соответствовать наступающему времени. В этом плане Веймарскую республику от Боннской отличает то, что в результате глубокой трансформации правящей элиты произошла перестройка как ее структуры, так и ее сознания. Режим Аденауэра, который левые силы называли «христианско-демократическим самодержавием», был сильной авторитарной властью со всеми атрибутами парламентской демократии, которая была нацелена не на разжигание конфликтов, а на согласование интересов. Чтобы понять сущность национал-социализма во времена Веймарской республики, надо идти не от элиты, а от массового движения. Это было для того времени принципиально новое явление, причем германский феномен был особенно сложным.

М.П. Лантеева: Говоря о причинах слабости Веймарской республики, мы должны обратиться к иному уровню, привлекая другие методики. Разговор о том времени будет более плодотворным, если будут привлечены современные политологические методы. Речь не должна идти о политических кругах и о том «политическом материале», с которым эти круги работали. Необходимо выявить обратную связь между «политическим материалом» и политическими партиями. Должен учитываться такой фактор, как массовое сознание. Тогда мы сможем яснее понять причины слабости веймарской демократии, которая не доходила до значительных слоев населения. Мы придем также к сегодняшним реалиям России. У нас есть кипучая деятельность политических кругов, есть какая-то активность политизированных сегментов и есть третий уровень, который политической интересуется мало, но проголосует

за какого-нибудь нового Адольфа. Изучение этого уровня очень затруднено, но заниматься этим надо, иначе мы многого не поймем и не объясним.

С.М. Ткачев: Анализ неудач германского либерализма в Веймарской республике дает пищу для определения перспектив либерализма и в России. В начале 1992 г. российские либералы получили возможность воплотить свои теоретические воззрения в жизнь. Е. Гайдар возглавил процесс проведения масштабных экономических реформ, но шокотерапия по-русски провалилась. Причины неудачи многообразны. Думается, среди прочих можно выделить специфику национального менталитета. Российский менталитет 90-х годов и идеология либерализма имеют общего еще меньше, чем германский либерализм и менталитет периода Веймарской республики. Если либерализм в Германии смог выразить преемственность поколений, то российский либерализм был после октября 1917 г. решительно выкорчеван. К началу 90-х годов в России не было собственной либеральной концепции и отечественные либералы черпали теоретические разработки на Западе, пытаясь приспособить их к посттоталитарной действительности. Общественное сознание в целом воспринимало либерализм нейтрально или враждебно. Большевицкий, радикальный подход к восприятию действительности остается характерной чертой общественного менталитета. Он свойствен также и самим носителям нарождающейся либеральной идеологии. Свообразие российской элиты сочетается с явной неготовностью населения к позитивному восприятию либерализма. Что наглядно продемонстрировали выборы 1993 и 1995 гг. Поэтому расчеты на скорый успех либеральных политических сил в России представляются даже более призрачными, чем в Веймарской республике. Ценности западной цивилизации утверждались в результате сложного и длительного общественного развития. Этот путь предстоит пройти и России.

Л.Н. Корнева: Мне думается, что партийная система Веймарской республики была сориентирована на классовое разделение общества, в то время как в самом обществе начались интеграционные процессы. Традиционные партии работали по-старому, не учитывая этих новых процессов. И только нацистская партия вышла за пределы традиционных методов и потому стала своеобразной партией «нового типа».

Я.С. Дрябин: Я согласен с этим и хочу подчеркнуть динамизм национал-социализма, его умение выдвинуть такую общую задачу, которая способна вдохновить и мобилизовать народ. И это несмотря на то, что сама идея расового превосходства и мирового господства была заранее обречена на неудачу. Имела значение и решимость фюрера взять на себя власть и ответственность за судьбы немцев. Это импонило многим.

А.И. Горюхи: К сожалению, в нашей отечественной литературе не сложилась традиция основательного изучения истории Веймарской республики. Блестящие работы Я.С. Драккина посвящены германской революции, становлению республики, историографии этих проблем. Есть отличные работы Л.И. Гинцберга о том, как Гитлер пришел в имперскую канцелярию, неплохие книги о разных партиях и исторических эпизодах. Но нет пока цельной панорамы Веймарской республики, сопоставимой по глубине и значимости с работами таких разных по мировоззренческому подходу немецких историков, как Ганс Моммзен, Генрих Аугуст Винклер, Курт Зоннтаймер, Вольфганг Руге, Детлеф Пойкерт. Наша дискуссия оставляет впечатление, что молодые исследователи еще не вполне овладели ценным наследием нашей и немецкой историографии.

В.И. Михайленко: Многие из присутствующих коллег, думаю, согласятся со мной в том, что причины краха Веймарской республики не сводятся к краху политических институтов или к нацистскому насилию над демократией. Настоятельным остается выявление состояния массового сознания, сочетания в нем того, что связано с европейско-атлантической цивилизацией и традиционализмом. Важно понять, почему массовое сознание позитивно восприняло национал-социализм, как сложился в нацистской Германии массовый консенсус. Здесь невозможно не провести параллель со сталинизмом, относительно причин установления которого М.К. Мамардашвили писал: своим закреплением у власти Сталин был обязан «миллионам самовластных», «миллионам сталинских» в советском обществе.

А.Б. Цfasman: Завершая дискуссию об «уроках Веймара», можно отметить следующее. Рожденная из военной катастрофы, под внешним давлением, неся на себе «родовую травму», которая сильно отразилась на психике нации, Веймарская республика вместе с тем унаследовала многое и от кайзеровского времени. Она, как это принято говорить, оказалась «республикой без республиканцев», «демократией без демократов» («так похоже на Россию, но все же совсем не Россия...»). Даже во времена относительно благополучного экономического развития средний немец был недоволен республикой: ее порядками, коррупцией, декадентским искусством, проституцией, наконец. Неприятие республики шло по всем линиям. Она не была принята массовым сознанием. Тоска по старому режиму, по старому порядку, по довоенной сытости и достатку, по мощи и величию той Германии оставалась. Это роднит обстановку веймарской Германии с современной Россией.

Немалую роль в судьбе республики сыграло несовершенство партийной системы. В период революции 1918-1919 гг. она пережила лишь частичную трансформацию, но не была коренным образом преобразована. Большинство партий жило старым идеологическим багажом.

В отличие от демократических стран Запада веймарская партийная система была сориентирована не на диалог и компромисс, а на конфронтацию, порождавшую радикализм. Вот почему, даже если не брать нацистское движение, в Германии консерватизм был самым консервативным, а левый фланг (коммунисты) был более мощным и более радикальным, чем в остальной Европе. Партии политического центра размывались. Особенно это видно на примере Демократической партии, которая к концу 20-х годов выродилась в некое осколочное явление. Политический радикализм был частью того глубокого морального кризиса, который пережила немецкая нация в годы и после первой мировой войны. В национальное сознание внедрились такие явления, как насилие, тоталитаризм, геноцид. Без этого не понять, откуда взялся нацизм.

В.И. Михайленко: В своем докладе Петер Шульце говорил о «динамическом хаосе» в России, «о тенденции к стабилизации». У меня складывается впечатление, что западный мир пребывает в состоянии некоторого очарования и оцепенения в связи с происходящими преобразованиями в России. Западным коллегам кажется, что уляжется пыль, поднятая великим строительством, и из-за строительных лесов выйдет преображенная Россия с демократическим фасадом и конструкциями. Мне представляется, что от этих иллюзий давно пора освободиться. Изменения коснулись правящей элиты, но не смены исторического пути движения. Впрочем, и в правящей элите можно говорить лишь о перегруппировке старой партийной и административно-хозяйственной номенклатуры, которая частично уступила свои позиции лишь сросшимся с ними криминальным элементам. Российский крупный частный капитал не только анонимен, но и не ощущает себя свободным от государства. О среднем и мелком капитале можно говорить с большой долей иронии. Собственность не защищена от посягательств на нее со стороны криминального и государственного рackets.

В современной России единственной сферой демократических свобод какое-то время оставалась интеллектуальная свобода. Однако и здесь предпринимаются энергичные усилия со стороны региональных элит по «приручению» интеллигенции, чья свобода оказалась весьма уязвима в силу нищеского существования. Сегодня на региональном уровне при полном попустительстве интеллигенции закладываются основы новой архитектуры авторитарного режима. Это похоже на то, что было в веймарский период в Германии и в либеральный, дофашистский период в Италии, когда поворот массового сознания в сторону тоталитаризма предшествовал установлению тоталитарных политических режимов.

Я.С. Драккин: Доклад Петера Шульце содержит много ценного фактического материала и весьма интересные соображения, важных

для понимания процесса демократизации в ФРГ, и не менее интересных наблюдений по поводу трансформации российского общества. Да, Москва – не Веймар и не Бонн, у нее есть «особенная статья». И главное, по-видимому, в том, что все преобразования, хорошие и плохие, происходит «сверху», тогда как «народ безмолвствует». Впрочем, ведь многие здесь говорили нечто похожее о периоде Веймарской республики. Нельзя не согласиться с тем, что у нас еще далеко не завершилось конституирование узаконенной государственности, что очень медленно идет формирование гражданского общества. К этому можно добавить, что далеко не прояснен вопрос, идет ли развитие в направлении демократии или авторитарной олигархии, не грозит ли России внутренний распад на вотчины и ханства. Однако апокалиптические причитания лишь вредят, а не помогают делу действительной демократизации.

Возвращаясь к Германии, хочу напомнить, что после крушения гитлеризма, демократизацию предписали оккупационные власти. Однако представления о ней у западных держав и у нас были разные. Поначалу мы не стремились к «советизации», но вскоре скатились на привычные пути сталинизации, и ГДР за это поплатилась.

Д.Н. Корнеев: Слушая доклад доктора Шульце, я пришла к пессимистическому выводу о том, что богатый опыт Западной Германии в современной России совершенно не используется. У нас нет ни профессионалов, которые могли бы использовать западную помощь, как это было с планом Маршалла... У нас нет и участия рабочих в управлении производством. Практически у нас ничего нет из того, что было в послевоенной Западной Германии.

В.С. Павлов: Несмотря на различные условия развития, Россия может позимствовать достижения и наработки демократического общества ФРГ. Речь идет о проблеме соучастия рабочих и служащих в управлении производством. Реализация этой идеи началась еще при Аденкауэре, когда было принято решение о создании на паритетной основе наблюдательных советов из представителей труда и капитала в горнорудной и металлообрабатывающей промышленности. Правительства социал-либеральной коалиции провели через бундестаг закон о создании подобных органов на всех крупных предприятиях. Это было большим социальным прогрессом. Убеден, что подобные процессы вовлечения рабочих в управление производством необходимы и в нашей стране.

А.Б. Цифасман: Нам важно определить: что именно из «уроков немецкого» является поучительным для России, которая с большим трудом преодолевает наследие тоталитаризма и ищет пути приобщения к общезивилизационным ценностям. Полезно различать внешние и внутренние факторы преодоления тоталитаризма, импульсы, которые шли от самого немецкого народа, роль различных общественных сил – интеллигенции, церковных деятелей, политиков, молодежи и др. – в про-

цессе преодоления прошлого в 60-х и начале 70-х годов. Интересно изучить проблему преодоления державного милитаристского наследия и тех путей, которые позволили превратить Германию из источника нестабильности и войн в страну, которая стала важным фактором европейской интеграции.

Э. Фишер: Следствием этих перемен стала небывалая притягательность Германии для многих немцев из других стран, в том числе из бывшего СССР. Здесь возникает вопрос о взаимотношениях людей с Запада и с Востока. Те, кто приезжает из России, никаких неприятностей не доставляют, но они трудно вживаются в германскую действительность.

В.Л. Черноперов: Демократическое возрождение ФРГ во многом базировалась на экономических успехах. Почему у нас трудно идет процесс преодоления прошлого? Нет отдачи от демократических реформ. В результате большинство людей не понимает, что происходит. В ФРГ сложилось новое поколение людей, которые считают себя европейцами и критически относятся ко многим сторонам германской истории. А это – результат воспитания. В Пассау я был в гимназии имени Улофа Пальме на уроке германской истории: дети выходили из класса со слезами на глазах и говорили: «Нам стыдно, что мы – немцы». Урок был о нацизме. В нашей стране это сделано? Нет! Поэтому, если горько не то, что угрожает молодой демократии в России, то угрожает ей не преодоленное прошлое в сознании людей.

А.И. Горюхин: Здесь есть опасность впасть в упрощение. Перестройка народного образования началась в ФРГ где-то в середине 60-х годов, когда сложилась уже иная система ценностей, когда гремели студенческие волнения, а к власти пришла коалиция социал-демократов и свободных демократов. Я бы, однако, предостерег коллег от прямолинейно-оптимистических трактовок немецкого опыта преодоления тоталитаризма. Путь восприятия и осмысления жестокости правды о национал-социализме вовсе не был простым и гладким. Вот и теперь, на наших глазах, в ходе объединения Германии в стране создалась новая, несодознано оцениваемая социально-политическая и социально-психологическая атмосфера. Под предлогом осуждения тоталитарного режима в ГДР, именуемого ныне (почти официально) «второй немецкой диктатурой», не столь уж редко выдаются индульгенции «третьему рейху», оспаривается его тоталитарный характер. Тревожный рост ксенофобии – явление того же порядка.

Является ли исторический опыт руководством к действию для потомков? Является ли история учительницей жизни? Гегель, как известно, полагал: она «учит только тому, что ничему не учит». Иного мнения придерживался В.О. Ключевский: «История не учительница, а наблюдательница, она ничему не учит, а только наказывает за незнание

уроков». Какие выводы из собственного опыта, а также из опыта Германии – веймарской и послевоенной – мы сумеем сделать?

Полагаю, что переход России и Германии от тоталитарных режимов к демократическому устройству – это разорванные в историческом времени и историческом пространстве акты единой планетарной драмы. Однако уникальный опыт Германии по «преодолению прошлого» пока еще в нашей стране, к сожалению, не востребован.

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

- Я.С. Дравкин** – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, председатель Центра германских исторических исследований. Москва.
- В.Н. Яловета** – к.и.н., доц. УВШ МВД РФ. Уфа.
- О.В. Плужникова** – к.и.н., доц. кафедры всеобщей истории гос. педагогического университета. Челябинск.
- С.В. Кретицкий** – к.и.н., ст. препод. кафедры средних веков и славяноведения государственного университета. Воронеж.
- А.С. Целищев** – аспирант кафедры новой и новейшей истории Банкирского гос. университета. Уфа.
- С.М. Ткачев** – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории гос. педагогического университета. Челябинск.
- С.М. Иванов** – к.и.н., ст. препод. кафедры всеобщей истории гос. педагогического университета. Челябинск.
- И.Д. Чигрин** – д.и.н., проф., зав. кафедрой новой и новейшей истории, декан исторического факультета Банкирского гос. университета. Уфа.
- Л.П. Черникова** – к.и.н., ст. препод. кафедры новой и новейшей истории Банкирского гос. университета. Уфа.
- В.Д. Черноперов** – к.и.н., ст. препод. кафедры новой и новейшей истории гос. университета. Иваново.
- С.Р. Дерабина** – к.и.н., доц. кафедры всеобщей истории педагогического института. Оренбург.
- И.Н. Дорожко** – к.и.н., доц. кафедры всеобщей истории педагогического университета. Челябинск.
- Н.В. Фарбитан** – д.и.н., проф. кафедры всеобщей истории педагогического университета. Пенза.
- А.А. Булдаков** – научный сотрудник института повышения квалификации учителей. Тюмень.
- М.Е. Ерин** – д.и.н., проф., зав. кафедрой новой и новейшей истории гос. университета. Ярославль.
- Г.И. Кольза** – аспирант кафедры всеобщей истории гос. университета. Староороль.
- Л.Н. Корнева** – к.и.н., доц. кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран гос. университета. Кемерово.
- Ю.В. Галактионов** – д.и.н., проф., зав. кафедрой новой и новейшей истории зарубежных стран гос. университета. Кемерово.
- С.В. Халин** – преподаватель кафедры всеобщей истории Челябинского гос. университета. Челябинск.
- Е.В. Сердюк** – аспирантка кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран гос. университета. Кемерово.
- Н.Э. Вацкаш** – к.и.н., доц. государственного университета. Волгоград.
- А.Л. Худородов** – к.и.н., доц. кафедры истории социологии и права гос. педагогического университета. Челябинск.
- Петер В. Шульце** – д-р. Представитель фонда Ф.Эберта в Москве.
- В.И. Михайленко** – д.и.н., проф., зав. кафедрой теории и истории международных отношений Уральского гос. университета. Екатеринбург.
- М.Б. Корчагина** – к.и.н., ст. научный сотрудник института всеобщей истории РАН. Москва.
- Вольфрам Венте** – д-р, приват-доцент. Университет Альберта Людвига. Фрайбург.
- А.И. Буруляк** – д.и.н., проф., зав. кафедрой гос. педагогического университета. Липецк.
- Герд Р. Обершюр** – федеральный архив – Военный архив. Фрайбург.
- С.М. Горняков** – к.и.н., доц. кафедры всеобщей истории.
- А.В. Щепников** – ассистент кафедры экономики гос. педагогического университета. Челябинск.

В.С. Павлов – д.и.н., проф., зав. кафедрой новой и новейшей истории гос. университета. Нижний Новгород.
Б.С. Орлов – д.и.н., главный научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Москва.
Эрвин Фишер – писатель. Гамбург.
А.Б. Цfasман – д.и.н., проф., зав. кафедрой всеобщей истории гос. педагогического университета. Челябинск.
М.П. Лаптева – к.и.н., доцент, кафедры новой и новейшей истории гос. университета. Пермь.
М.И. Бент – д. филол. н., проф. кафедры литературы гос. университета. Челябинск.
Л.А. Фадеева – д.и.н., проф. кафедры новой и новейшей истории гос. университета. Пермь.

Научное издание

ВЕЙМАР - БОНН

Опыт двух германских демократий и современная Россия

Российско-германская конференция историков
в Челябинске (сентябрь 1996 г.)

Издательство
"Памятники исторической мысли"
115597 Россия Москва, ул. Воронежская, 38—334
ЛР № 063460 от 09.06.94

Подписано в печать 12.04.98. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 9,2. Усл. печ. л. 10,1.
Тираж 500 экз.